

ярослав полуэктов

А СЛОНА-ТО Я ПРИМЕТИЛЪ!

или
ФУЙ-ШУЙ

пазл 1

ЧОКНУТЫЕ
трилогия
РУССКИЕ

Ярослав Полуэктов

**А слона-то я приметилъ! или
Фуй-Шуй. трилогия: RETRO
ЕКТОФ / ЧОКНУТЫЕ РУССКИЕ**

«Издательские решения»

Полуэктон Я.

А слона-то я приметилъ! или Фуй-Шуй. трилогия: RETRO
ЕКТОФ / ЧОКНУТЫЕ РУССКИЕ / Я. Полуэктон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835808-1

Речь идёт об архивной перепечатке самых ранних версий мною
изданного. В данном случае я говорю о трилогии «Чокнутые
русские». Теперь к ней добавился стяг «RETRO ЕКТОФ». Этот
вариант «ЧР» выйдет в трёх томиках + памятное дополнение
против экстрапервых «Чокнутых русских» от 2011 года, которые
печатались одним фолиантом. То архитектурное литературное
сооружение создавалось по правилам издания редких подарочных
и малотиражных до микроскопичности книг. Сейчас же я хочу
получить экономвариант.

ISBN 978-5-44-835808-1

© Полуэктон Я.
© Издательские решения

Содержание

Прескрипtum	7
А СЛОНА-ТО Я ПРИМЕТИЛЬ! ИЛИ ФУЙ-ШУЙ	10
ЧАСТЬ 1. СЕМЬЯ ПОЛИЕВКТОВЫХ	11
Обычные новости из Нью-Джорска	11
Чокнутые с малолетства	23
Петух под столом и царевна Софья	37
Шаровая молния	44
Цыплячьи души	50
Бомбёры и месье Фритьофф	56
А слона-то я приметилъ!	63
Пони, агитаторы, золотая улитка	71
Бабуля, велосипеды, самолёты, семья	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

А слона-то я приметилъ! или Фуй-Шуй трилогия: RETRO ЕКТОФ / ЧОКНУТЫЕ РУССКИЕ Ярослав Полуэктов

© Ярослав Полуэктов, 2016

© Ярослав Полуэктов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-5808-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
серия RETRO ЕКТОФ / ЧОКНУТЫЕ РУССКИЕ

пазл 1

трилогии «Чокнутые русские»

А СЛОНА-ТО Я ПРИМЕТИЛЬ!

или

ФУЙ-ШУЙ

жанр: сюрреалистическая цепь

Из интернета

Наверху фото внутренностей «Чокнутых русских» – флагманского издания.

Изданный в 2011 фолиант «Чокнутые русские» содержит всего-то навсего 500 страниц. Но я-то знаю, что эта цифра обманчива. Ибо размер сей книжицы 29х29 см, вес книги «мне три кило колбасы», и текст в ней расположен разنو: формат велел баловаться, но преимущественно в три колонки.

Иначе стало бы нечитабельно: строку в сто знаков вы бы, несомненно, осилили, зато заблудились бы при переходе на следующую. Ибо не в пещере, и никаких туристических верёвочек в тексте нет. И автор с дизайнером унавозились бы проклятиями по самое ниhochу.

Преображая этот текст в стандартный формат А5, а шрифт в таймс кегль 11 (в Ridero мельче нет), получаем чуть более 2000 страниц. Таким образом, повторить книгу подобно первоначальному формату, то бишь в одном томе, не представляется возможным. Таким образом, хошь не хошь, получится четыре разностраничных тома. Это жаль: никакой архитектуры, чистый пост и сюр!

Но идею доведу до конца. Хочу иметь первотекст «Чокнутых русских» в демократичном бумаго-формате.

Пусть даже никто не купит: не в этом дело.

Мне это нужно самому: для собственной графоманской истории: собираюсь создать самую полную в мире библиотеку собою изданного. С памятником на фронтоне. Там же урна. Типа с прахом писателя, выросшего из графомана. Это редкость. В подвале горшок-морозильник: с анализами, стволовыми клетками, набором хромосом и рентгеном полового органа... Нет, не так: лучше выбью генетический код... Вернее, тот отрезок кода, который отвечал за литературу.

Во! И ещё попрошу слепить крохотную скульптурку мозгиуса-сапенса — это такой книжный персонаж.

Уж не знаю, успею ли про него написать, но в мыслях есть. Потому и упомянул.

Первый том, кроме серийной надписи «RETRO ЕКТОФ. Чокнутые русские», будет иметь подназвание «А слона-то я приметил!». Так назывался первотекст «Фуй-Шуя» и «Чокнутых деток».

Окончательной обложки ещё нет. Как повится — выложу в интернет. А книжку снабжу ПРЕСКРИПТУМОМ к серии.

Ниже публикую его черновой текст.

Прескрипtum

Речь пойдёт об архивной перепечатке самых ранних версий мною напечатанного. То есть: о книжной серии под стягом «RETRO ЕКТОФ. Чокнутые русские».

А самые первые, самые экстраоригинальные «Чокнутые русские» – можно без натяжек назвать это литературное сооружение «фолиантом» – впервые напечатаны были в 2011 году, причём, по правилам издания серьёзных, подарочных и малотиражных – до микроскопического – книг.

Можно было бы, не маясь дурью, обозначить тираж цифрой.

И было бы короче, а читателю понятней. Но тут начинаются «но».

Я противник информационно-изобильного мира «викопедийного типа», в котором на все вопросы есть ответы.

Я люблю неоднозначность и многоцветность.

Мне вовсе не нужны тупые ответы, которые замешаны на подлой, литературоподобной, нарративной сущности мира; а порой тупо политизированы: как в нынешнем спорте, медицине, психологии, войне, торговле и так далее до бесконечности.

Итак, мне важнее вопросы.

Именно из такой позиции – можно назвать её шаткой, но мне оппозиционные мнения, особенно когда касается романтики, безразличны – проистекает сопротивление.

Например: хочется чтобы в этой книжной первоистории была бы хоть какусенькой величины тайна. Лишь бы эта «какусенька» смахивала на масонское приключение. Лучше с приставкой «псевдо».

Ибо я ненавижу настоящее масонство. А игрушечное, литературное псевдомасонство и всякие тайны, которые не остаются тайнами навсегда, а при некоторых поисковых усилиях раскрываются, – приветствую.

Это идёт на пользу истории литературы. А также двигает вперёд самоё книгу.

Отсюда вытекает другая, не менее интересная задача: будущие библиографы, которые уже появились, но «покамест выращивают сиськи» (это высказывание героя одной из книжек серии Retro, книжек, а вовсе не автора этой статьи), немного поломали бы головы. Они попробовали бы сосчитать стоимость такой книжки при попадании её в Сотбис.

Можно такое допустить? Я допускаю. В этом смысле я —романтик. А романтики ли вы – этого не знаю.

Итак, первокнига получилась «серьёзной».

Под «серьёзной книгой» понимаю не внутреннее текстовое содержание, которое в вежливом сообществе литераторов и поднаторённых читателей определяется как «оставляющее желать лучшего», а подчёркиваю предметную составляющую.

Повторюсь, что та книга была не одна.

А в таинственном количестве «N».

Или «X» (икс, а не «хэ», а то мало ли что можно подумать).

Расшифровываю собственное понимание термина «серьёзная книга как изделие».

Это: наличие издательства (пусть даже формально участвующего), приличную типографию, высокое качество книжного блока и его профессиональную сборку, твёрдую обложку с глянцем, нестандартный размер (30х30см), плотные мелованные страницы, полноцвет: включая иллюстрации и шрифты, прозрачные лавсановые вставки, продуманный дизайн.

Всё это в первом издании было. Была даже закладка в виде шёлковой ленточки. И даже был футляр, что совсем не пошлость, а элемент защиты.

И даже заказывал позолоченные обрезы: это сознательное барство: каюсь, каюс, каюс-с-с: тут Высоцкий, громко: ♪♪♪.

Но, фокус с золочением не удался: издатели не успевали к сроку.

А я сроком был поджат.

Я торопил издателей, и это было указано в договоре: один экземпляр подразумевалось подарить собственному сыну на его свадьбу. Лучше бы автомобиль. Но на автомобиль мне не хватало. Как и сейчас не хватает, честно говоря.

Да и не стремлюсь. Зачем, например, мне автомобиль, когда я усердствую в графомании? Чтобы влететь в фонарный столб и писать реанимационные воспоминания?

В общем, книжка в той ситуации была выходом: недорого, зато сердито. От души. И стимул. И себе приятно.

В том фолианте я воплотил все свои знания о настоящих книгах, место которым в библиотеках реликтов, и из-за которых, извиняюсь, особо ретивые библиофилы готовы стрелять друг в друга.

Не было лишь тиража и пресловутого ISBN.

На большой тираж я не потянул. Даже если бы затянул пояс до самой крайней дырочки, то всё равно бы не смог. Одолжил денег у коллеги ровно на количество «N» или «X», что, повторяюсь, не от «хер».

А до ISBN в моей ситуации и дела не было никакого: оно спустилось само собой: как шарик на тормозах: нет да и нет. Тем редкостней станет... то есть стала, уже, книжка.

При создании указанного полиграфического изделия я получил невероятный кайф: я позабавился, и будто поиграл в прелестную, редкую интеллектуальную игрушку (надеюсь, не поймёте превратно). К тому же она созидалась с моим непосредственным участием: в качестве автора текстов и дизайнера предмета.

После «успеха» на свадьбе я потешил самолюбие, «раздав тираж» нужным людям (причём, слово «раздав» не отражает истинной сущности раздавания. Ибо – некоторым из друзей – я эту книжку всучил полунасильно. Возможно даже не особенно она им была нужна... разве что принята была из жалости. А я, несчастный до наглости, будто папертный нищий, содрал с них «по дружбе» денежную компенсацию (долг же надо было возвращать): в размере стоимости издания на выходе из типографии. Само собой, что без какой-либо личной прибыли. Ведь я не только не бизнесмен, но даже не еврей, как это жаль.

Всё, что связано с деньгами, мне стыдно и неловко, хоть и пришлось привыкать к новым правилам. Я родился в Советском Союзе. И не принял капиталистическую перестройку, которая есть американщина, криминал и превращение наивного и поэтому прекрасного, непротивливого советского народа одним ельцин-гайдаровским чубайсмахом в быдломассу. Последнее, славу богу и перволицам, в полной запланированной мере не удалось. Я рукоплещу Богу. Я говорю спасибо всем недоперестройщикам, предателям границ, младореформаторам, либералам, мерикосам и пиндосам за их немошь против великого и молчаливого, морального, справедливого сопротивления народа, которое довело бы до взрыва, если бы катило так дальше. Я обожаю талантливый русский народ и люблю русскую землю. Понимаю и приветствую... ну да ладно, ведь мы не на уроке... истории, мать её.

О внутреннем содержании книги долго говорить... нет, вообще говорить не буду: потому что после этого я многократно переделывал все тексты: не поддаётся воображению количество энергии и времени, затраченных на пульсирующие перфекции.

Что, кстати, опять же, не обозначает принципиального и качественного улучшения текстов: всё по-прежнему находится в развитии: конца-края перфекционистской хворь-эпидемии не видно.

Также не наблюдается очевидно волшебного превращения гадкого утёнка-графомана в белого лебедя-писателя.

Надеюсь, что всё ещё впереди.

Надеюсь также не отдать концы раньше времени, не успев чего-нибудь там претворить, что вбито в мою головушку с тех пор, как качусь по рельсам графомании; и свербит: ещесуточно хлеще гипертонии.

Да здравствует великий Авось!

Дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя бядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба

«...Это опять сумасшедший по силе коктейль-гротеск, прелесть детства и изысканные безобразия героев, реальная и преувеличенно искаженная история.

Я будто вспомнила свою профессию и меня опять тянет в Россию.

Точный и жесткий твой язык посадил меня в запрещенный, подпольный, удивительный театр, где каждая реплика режет ухо, луч прожектора заставляет пугаться, неожиданная деталь – как в бурлеске или в анекдоте – вызывает беспричинный хохот.

Я, торопясь, жму сенсор мобильного, чтобы сообщить новость своей любимой. – Ты это читала? А это?

Это же для тебя не секрет, что под настроение я – лесбиянка? Я и здесь нашла себе подругу по душе. Мой американский муж этого не знает.

Пилотный экземпляр твой оригинален. Спасибо за неожиданный подарок, но извини: мало того, что он габаритами похож на кирпич, – едкими текстами это – ядовитая мексиканская горькая колючка! Радуйся: на самом деле ты родил золотой кирпич.

И это вполне съедобная колючка, если ее жевать, зная о доброте автора!

Этот симбиоз и мной и подружкой, словно по уговору и по очереди, кладется рядом с подушкой. На твердом и колючем спать не уютно.

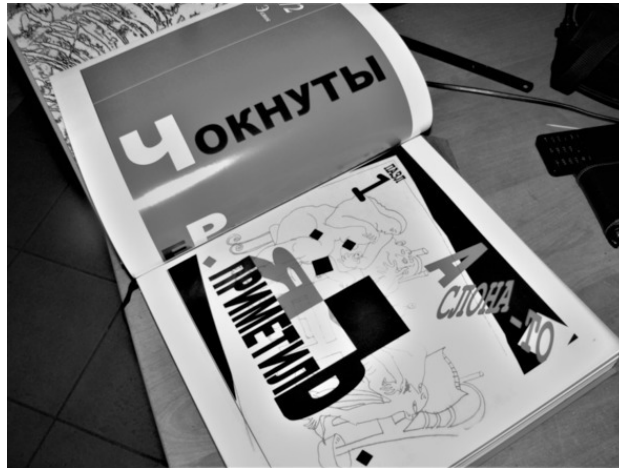
Мы успеваем вычитать что-нибудь перед работой. Мы делимся цитатами в кафе, по телефону, иногда в постели... и смеемся. И, не поверишь, иногда плачем. То от смеха, то от удаленности Америки от России, то от несовместимости русского веселья и зла в твоей интерпретации.

Ты – сволочь и гад! Кошмар! Оторваться от этого буйства просто невозможно. Видишь нелепость происходящего и «тащишься» за всем этим, будто кошка за валерьянкой... Полуша, ты – стеснительный маньяк или сумасбродный гений!!!»

(S. O/M. Ogayo. Dec. 2010)

А СЛОНА-ТО Я ПРИМЕТИЛЪ! ИЛИ ФУЙ-ШУЙ пазл 1 трилогии «ЧОКНУТЫЕ РУССКИЕ».

жанр: сюрреалистическая цепь

*Ходили слухи, что в стране под названием Кага
жил белый слон с четырьмя бивнями: это замечательное существо
делало плодородной землю, по которой оно ступало. Поэтому танскому
императору Гао—цзуну
дали совет послать войска, чтобы захватить этого слона.
Но повелитель отказался от этой
дорогостоящей затеи
как от неподобающей государю, который ведёт политику
умеренности, и, между прочим, сказал*

«Какой нам прок в этом слоне—уродце?»

*Звали того слона
Фуем—Шуем*

ЧАСТЬ 1. СЕМЬЯ ПОЛИЕВКТОВЫХ

Обычные новости из Нью-Джорска

– Сказка – не ложь. В ней не намёк, а живой воды правда.
– Позвольте с Вами согласиться! – прошептал Кощей
Бессмертный, вытаскивая из ребер пулю 32 калибра.
– Девятого! – поправила Баба Яга.
– По эрекции не скажешь, – радостно взвыл Кощей.
«Princess country MOD».
1/2 Ektov

Конец октября одна тысяча девятьсот восьмого года.

Сезон в этом году не удался. Дождит и дождит без передышки. По ночам несметными полчищами роятся белые мухи. Безоружные, несчастные, но смелые – у них только один способ борьбы: они застилают своими хрупкими телами вражескую территорию. А с утра хиреют войска, мельчают числом, и позорно ретируются, оставляя на память о себе только мокрые намеки.

То слякоть, то замерзшие лужицы во дворе, за воротами. Черт возьми: никакого комфорта!

В день рождения Михейши, как назло, или, напротив, в его честь, началась то ли пятиминутная и плотная бомбардировка, то ли салют: с неба посыпалась дробь прозрачных шаров. Все шарики абсолютно одинаковые, будто перед самым обстрелом просеяны были через дуршлаг. Отверстия военного ситечка – диаметром с треть голубинового яйца.

Град отбарабанил по крыше ледяную шифровку в стиле морзе, считай конспиративное поздравление. Он заставил дрожать крышную жесть, загнал в хлева живность и начисто – будто во дворе поработал челюстями голодный железный крот – почикал жухлую траву.

В центре двора образовалась воронка глубиной в полтора шестидесятиспичечного коробка, диаметром на все сто двадцать. На дне воронки лежит неразорвавшаяся ледяная Царь—Град—Мина размером в антоновку.

Михейша с остатками зевоты вышел на крыльцо и тут же обнаружил непорядок. Не особенно долго заморачиваясь оригинальностью мыслью, он бросил портфель на ступени. Подобно матросу Кошке в секунду подобрал Царя—Град—Мину. Чуть прицелясь, фуганул Царем под карниз.

Словно редкие зубы опрометчиво залезшей на погодный ринг Старухи—зимы и тут же поверженной изворотливым нокдауном, посыпались из нее сосульки.

Небо потемнело, и затрясся осенний воздух.

То молниеносно выпорхнула из—под кобылок¹ и застучала будто окостеневшими лопастями недовольная *станица* продрогших за ночь и толком не выспавшихся тварей. То ли мыши, то ли белки—летяги, то ли без определенного места жительства чертенята – сразу не понять.

От неожиданности переключило Михейшу. Он вздернул плечи, и по самую маковку вжал голову в воротник, зажмурил от страха глаза.

¹ Кобылки – концевые завершения стропил, обычно выполняемые из отдельных дощечек или брусков. Обычно имеют фигурное оформление. (прим. ред.)

Стая, между тем, расселась кто куда, образовав вокруг Михейши пустую полянку идеально круглой конфигурации. Чуть переведя дух, принялись ругаться и делиться впечатлениями:

– Тук—тук, перетук! Чирей тебе во всю морду! Съешь тебя ливийский комар! Проткни тебя английская булавка! Мешаешь дремать, хулиганище! А не пойти бы тебе в свою дрянскую школу? Глянь на часы. Вот сторож—то тебя метлой приголубит.

– Воробьи! *Какие к бесу черти!*

Михейша так славно перевел на свой хулиганский язык птичью болтовню, что мелькнула мысль о трудоустройстве звериным брехмейстером, где бы он, особо не напрягаясь, мог зарабатывать неплохие деньжата.

– Дуры! Я вас понимаю! – крикнул он, – кыш отсюда!

Бесполезно. Для разгона сходки требовалась пушка.

Ближайшие существа подскочили, потрепыхались бестолково, и снова сели на те же места: «Чирик—чик—чик—чирик», что непременно обозначало: «Ругаться—ругайся, а покорми!»

Михейша, совсем по взрослому согнув руку в локте, погрозил варежкой: «Вот вам всем!» – и на пинках, выпрыскивая слезки из—под заледенелых пленок дворового мелкоозерья, погнал портфель за ворота.

Вышла добрая к обижаемым созданиям природы, смиренная и сознательная Ленка.

Сыпанула во двор из горсти чем—то заготовленным, мелким. Разглядела в рисунке китайский веер: «Нештяк картинка! Вот так чудо—пшено!» и поскакала догонять братца:

– Миха, черт волосатый! Стой, тетрадку забыл!

Сжался круг пернатых. Соскользнула с заборов и обнаженных веток прочая пегая воробыная накипь. Переглянулись друг с дружкой и поперли ближе к земле их крылатые коллеги, засуетились враги и конкуренты. Застеснялась спуститься только давеча закрепившая свои внебрачные отношения парочка молодых коршунов. Неужто сыты одной только любовью? Немного не так: просто для свадебной пищи воробьи, не говоря уж про пшено, не годятся. Харч этот – не вкуснее плintуса – так они рассуждают.

– Чик—чирик, клек—клеп! Ах, какие же тут разные жильцы имеются: на любую доброту!

– Р—р—р, гав!

Встопорщились мохнатые уши. Выглянули из будки проснувшиеся по очереди Бублик и Балбес, поразявили пасти, встряхнулись, лениво повиляли хвостами. Сделали по паре шагов. Понюхали дно площадки с ледяными остатками борща, помацали носами смерзшиеся в нем крест—накрест кости, попробовали на зуб: не «*прокотит*». Глянули на шумное птичье торжище². Опять лаконично: – Гав, гав. – И снова забились внутрь, грея друг друга вздрагивающими телами: «И то и то – не еда. Одно название».

Зябко и некрасиво кругом.

Неприветливо осенью детское учебное заведение. Зол на опаздывающих молокососов красноносый сторож.

Никто не помогает в ускорении передвижения джорским ученикам, засунутым на предместные кулички.

*«И нет у Шекспира ни дрожжек, ни конки,
прям, ять, как у вас, в перемаранной Джорке».
Вильям III—й.*

(Четвертое Путешествие Шекспира в Сибирь)

² Рынок, базар. (устаревш.)

Тем не менее опоздания и следующее за ним доблестное стучание в классную дверь учителями народной гимназии не приветствуются. Лучше пересидеть на ступенях весь детский академический час, копаясь в ноздрях и ища в них изумруды.

Славнее переболтать с дядей Проклом о несправедливости и новостях в человечестве, чем норовить ворваться бандитом на урок, скользнуть в парту, чтобы согреть свою задницу соседской.

– Что сказали, какую букву терзают? – А, знаю. – Ну и знай себе. – Зря пришел. – Так иди назад. – А я Фенимора вчера... – Нишкни, не мешай.

– Полиевктов!

Попался. Воробы нагадали.

– Я!

Ты не в армии. Повторяй: «Аарбуз, бэбрюква, вэвишня...»

Повторил.

Только отвернулся учитель, скороговоркой для задней парты: «А я вишен летом целую тарелку...»

– Полиевктов! Дальше.

– Гэгруша... и тихо: «Висит груша, нельзя скушать...»

– Отвали!

– А я брюквы...

– Полиевктов! Не отвлекайтесь.

– Дэ – дыня, е – ель... – а я вчера Матроску ка—а—к...

– Михало! Тыфу, Полиевктов! Продолжайте алфавит.

– Жэжуравлина, зэземляника...

– Сядь пока, балбес.

– Фу, жуть.

– Ай!

– В чем дело?

– Кнопка.

– Бэмс, бэмс! – соседу по башке.

...Могли бы французский учить! Михейша давно уже читает газеты и слегка брешет по—французски. Ему эта русская азбука с начала нуля не интересна. Ему бы сразу в четвертый класс!

На каждую третью задержку пишется письменный выговор. А тихое проскальзывание имеет хоть масенький, но все равно шанс остаться не отмеченным в журнале.

Михейша живет неподалеку от школы: всего—то в пятидесяти узких дворах – каждый по пятнадцать шагов или по десять прыжков вдоль ограды: всего четыреста простых сажен. Но это ему не помогает, а, напротив, расслабляет.

По причине регулярных и весьма им обоснованных «задержек» он выучил долгую жизнь Прокла наизусть и в мельчайших деталях.

Сегодня Прокл неразговорчив, и на михейшино «здрасьте, дядя Прокл», буркнул только «здрась...», а имя михейшино напрочь забылось. А Михейша, между прочим, – внук директора.

Бессменный школьный староста, охранник и подметальщик двора Прокл Аверкин «глаза залил» на сорока дней почившей супруги.

Помогали *заливать* и усиливать боль утраты смурые и не особо разговорчивые, нищие, шустрые, вороватые, нигде не прописанные, беззубые, вонючие друзья—стервят-

ники из Надармовщинской провинции, кантон Закисловка... На халяву чего б не побрехать, а чего б не познакомиться, что ж не посочувствовать, не поскулить с очередным вновь образовавшимся вдовцом! Чего б не нагадать ему такой силы квёлости в одиночестве, которую реально снять можно только такой же мощи градусом! Не просыхает Прокл с того тягостного момента уж с неделю.

Не понимает Прокл причины образовавшегося вокруг него кружка сочувственников, не видит результатов лечения. Башку крутит по утрам. Не помогает ни рассол, ни отвар из репы с крапивой от алкогольной лихорадки, ни церемониальная завивка двух ранее бодро торчащих из под носа пучков соломы и поникших теперь безвольно, будто выстиранные, но так и ненадеванные супругой новые чулки, ровно в день утраты – во вторник двадцать третьего сентября.

Голова с самой зари просит свежего, ледяной ломоты пузыря.

Плетутся ноги в обратную от школы сторону.

Словно забыв давний уговор, припасенный на черный день последний целковый сегоднешним утром щекотнул Прокла через штаны, и вежливо напросился вспомнить о нем.

И будто бы как само собой разумеющееся, уже через минуту означенный целковый канул в лету.

А «лета» эта, не имеющая ни рода, ни склонения, еще более подразумевает неминуемость судьбы, от которой не скрыться хоть застарайся, ловко схоронила себя в кассовом ящике трактира «Кути».

Трактир назван так по ласковой форме от имени супружницы хозяина – Якутеринии, в быту Кутки, и, только добираясь до нежной постельки, становящейся уже милой Кути.

Юморист (кажется, это был Яр Огорошков – вечный студент из Питера) дописал в вывеске фосфорной краской всего два слова: «*по пути*».

Так что днем трактир был просто «Кути», а ночью становился еще и «Кути по пути». В скверном, насмешливом народце заведении зовут незатейливо, но в самую точку: «*Прокутилка!*»

«Прокутилка» по простоте душевной ее хозяина и в виде исключения порой работает «до самого последнего важного клиента». Категорию «самости и важности» вполне демократически определяет Павел Чешович Кюхель. Он – владелец трактира, он же болтун – каких поискать, он официант, разливальщик, повар, он же коллекционер забытых портмоне, которые уже пустыми выставляются в замкнутой на ключ витрине, и годами дожидаются своих владельцев.

– Так и было, голубчики. Мы внутрь не заглядываем, дорогие пострадавшие претенденты. Возможно, там деньги Ваши есть, ...вы, дак тогда угадайте купюры, а мы проверим.

Так что шансы на возврат есть.

Последние, самые незаурядные клиенты указанной категории это, во—первых: иногородний, не молодой и не совсем старый, но, тем не менее, уже бывший полицейский чин Серж Прохорович Долбанек, с богатыми баками, завернутыми на уши, с пенсне на золотой веревочке, с карманными часами швейцарского производства и надписью на них «За боевые заслуги в боях с туркестанскими...»

Каждый вечер он теряет себя в клубах дыма, а следующим днем находит. Будучи дома, он эпизодически полностью растворяет себя в нескончаемо изготавливаемых и непрерывно льющихся наливках собственного производства, а утром непостижимым образом возрождается подобно Фениксу и снова хорохорит крылья, оглядывая себя в зеркало: хорош! герой!

Второй: это некурящий, тоже не старый, преданный религии, но весьма падкий на алкоголь человек, совершенно повернутый на душещипательных разговорах о вреде абсолютной нравственности и о семи параллельно—пересекающихся мирах: политическом, бытовом, духовном, полово—биологическом, магнитном, гравита...

Перемножая и сталкивая параллели во всех возможных вариантах, тема эта становится обширной до значка восемь набор. И потому, несмотря на прическу «а ля первый доллар США», он навсегда задержался в званиях «Философ», «Попенок», реже «Купюра», а чаще всего: «А, обалдуй что ли этот».

Мыслитель Попенок—Купюра—Обалдуй – давний, неизменный друг и молодой товарищ по философским кутежам отставного Долбанека.

Поначалу (как всегда) они, посетив Джорку, по традиции договаривались «заглянуть» в Кути. Вечерком, когда проявляется фосфорная «по пути», клюкнуть «еще по махонькой». Потом «еще по одной» на чемоданах, после «стременную» в дверном проеме, перед тем, как залезть в седло, – «на дорожку», а там снова возвращались под крышу: «пить, так пить». А дальше пошло—поехалось по неизменному и бесконечному без всяких сопровождающих кавычек.

И потому нередко досиживалось до утра. Лилась в бездонные кружки карманная мелочь, превращаясь в пропитый капитал. Шелестели, вытираемые об лица, купюрной величины салфетки, летали и тыкались туда—сюда вилки, звеня, скрежеща. Топорщились на фоне обнаженных фарфоровых вензелей нежные скелеты обглоданных селедочек. Мусолили бараньи ребра, печеные свиные уши, усыпанные золотыми прожаренными кольцами. Радостный череп хряка с загорелою кожей и с пучками лука, пристроенного вместо усов, улыбался гостям. Ложками черпалась икра. Красная. Черная. Нетонущие пятаки клались в пену, проверяя силу напитка и сверяя результат с правильностью древних германо—монашеских технологий. Пользовались рюмками без прикладывания рук, швыряли картами, металы на спор саблю в трефового короля – копию Франца Иосифа, вызывали на дуэль мирно забредшую на звук патефона корову, обнимали половых, сражались на поварешках, жеманно подбоченившись и уставив в пояс лишнюю руку. Объяснялись в любви скрипачу и от переизбытка чувств заливали его слабенькую, старческую, еврейскую грудь горячими слезами.

Приходит сюда Фритьофф, привязывает к коновязи Марфу Ивановну – графинюшку, и щелкает пальцами: – Гарсон! Кутька, подь сюды.

– Я Якутериния, господин месье хороший!

Кутька помнит всех не только по именам, но и суммы чаевых, и то, каким макарон они были поданы, в мельчайших подробностях.

Приходит дед Федот Полиевктов – учитель со шляпой ниже бровей. Не снимая убора, подсаживается к первой парочке, делает вид, что не местный, что из умных он. Наблюдает за кубиками, скачущими в подносе, делает уместные подсказки, жмет руки за удачный бросок. Выпивает чарочку и так же незаметно исчезает.

И снова продолжается праздник.

Словом, испытывался весь тот родной и импортный арсенал питейного гульбища, вместе со ссыльными дворянами и государственными чинами плавно и навсегда переехавшим из столиц в глубинку. И уже не понимали посетители: то ли они зашли в провинциальный кабак, то ли они, сидя в Макао, как давеча, у казиношных вертелок, гребут и тут же пропивают синие, красные, черные фишки. Позже, уткнувшись лбом, кидали в поднос кости, считали отверстия, складывали в уме цифры, бранились, матюгались сердечно, заполняли результатами брани изрешеченные квадратиками листки и, радуясь по—детски, вспоминали двухгодичной давности рекорды. – А помнишь, а помнишь! О—о—о! А это... а стриты подряд, а в «зэт» помнишь как записал, а шесть шестерок! А нуль, помнишь, как добавил! О—о—о!

И так сидится по трое суток подряд.

Фотография этой исперва упомянутой, известной двойни уважаемых клиентов с спущенными штанами, держащихся одной рукой за столб, другой за кран личного водопровода, на фоне распряженных, косматых лошадей в забралах, не единожды попадала в оппо-

зиционную газетёнку «Нью—Джорск новостной» в статью «Как у нас иной раз ведут себя разнузданные гости из Ёкса». Или в следующий раз: «Как деньги портят хороших с виду людей». Или так: «... г—н Долбанек С. П. привез с собой из г. Ёкса три новых лавки с резными спинками взамен попорченных им давеча в танцах шести венских стульев...»

Местных военных, гражданских чинов, мещан, *запосадских*, курящих и не курящих, исключение на предмет «избранных доутрешних клиентов» не касается.

И, вообще, казалось бы, какой прок охранять малоимущих, часами лежащих в тарелках, в облитых пивом штанах, с летающими по залу подобно космическим пришельцам предметами: — эй, половой! гарсон! молодой! офици... словом, мужик, мадам, Кутерина! мне еще пару.... Чего «пару» иной раз забывалось: — Позже подойди.

Забывалось и значительное: покормить бедную лошадку, стреноженную и пришпиленную к коновязи, послать мальчишку—гонца до дому, чтобы испросить у истосковавшейся супруги целковик или даже рублёвку на последний шкалик.

Гони алкашей, и всё тут!

С богатыми по другому! Заколебали уже их часы в залог, шарфы, перчатки, вышедшие из моды, но по—прежнему не дешёвые цилиндры индпошива, закладные на дом, золотые шпоры, серебряные колокольца, резные дуги, кожаные плетки, бочки с капустой, высушенные крокодилы, зубатые сомы, астролябии, кактусы и попугаи, каменную статушку с Пасхи: места уже для этого добра нет, а долги так и не возвращаются. Растет коллекция невозврата!

Долбанек с Долларом каждую встречу строят планы, собираясь посетить обмусоленную на перспективу неутомимую общественную любовницу, а также содержательницу весьма веселого и слегка законспирированного заведения высшей категории с пятью звездами на каждой бутылке, с тремя на каждой двери, с двумя на каждой единице постельного и кружевного бабского белья, с одной, обыкновенной, тощей—притощей, зато раскаленной деревянной звездой под каждой юбкой.

Речь в последнем звездном упоминании идет о деловой, далеко не бедной, но весьма умело *скрывающей* свой расходно—доходный баланс леди Вихорихе в знаменитом ее приюте для страждущих любви и очарованных гостеприимством странников. Официально то заведение называется «Хотелем Таежным». А согласно сарафанной рекламе, попросту говоря «в народе» — это «Таежный Притон». Отстроен отель в лесу, стоит отель на берегу полноводного ручья. На карте ручей зовется рекой Чик. Чик (а их в земстве не много и не мало: ровно шестьдесят шесть) вливается в Баба—Чик. Эта старушка всего одна. Одинокая Баба—Чик непринужденно, с высоты птичьего полета падает, губя пустоголовых нерестовых вместе с их обреченным на загубление потомством, в большую сибирскую реку Оба—На!

Полно у Вихорихи не только спальных мест, но и вечного строительства: окружены деревянные трехскребы начатыми пристройками, незаконченными флигельками, хламовниками, заполненными лесной дрызгой. Нет—нет, да занимается какая—нибудь опилочка веселым языком пламени, нет—нет, да уголек выпадает то из камина, то из печи, и сверлит неслышно дубовую плаху. Выпархивает вместе с горячими, мерцающими ночными светляками дым из трубы.

Но Бог и домодельный — из—под топора — «Тотем Тайги» стерегут, охраняют Вихориху. Ни разу пока не случилось большого пожара: так, по мелочам — конюшенка, сарайчик, курительный павильончик: в трёхскрёбах куренья вообще запрещены. И то хорошо для нас, а то и нечего было бы сказать о деревянном Вихорихином дворце, и, кстати, негде было бы переночевать зимой и погреть озябшие косточки беглому каторжному племени.

Тропинку шириной в Сибирский тракт протоптала эта паскудная категория казенных бегунов от закона. Благодаря Вихорихе ударяться в бега стали не только в сезон.

В сараях Вихорихи наряду с обычным деловым скарбом хранятся отпиленные цепи и кандалы с гирями.

Надо сказать специально для иностранцев, основательно пудря им мозги, и чтоб не подумали плохого, и чтоб не прописали в злопыхательской вражьей газете лишнего, что курьезная русская Каторга со столицей Поселение—На это вообще отдельная курортная страна, обустроенная монархами себе на пользу (ради покою) и непорядочным гражданам для их же блага. А бегство из такого курорта – сплошная прихоть: никто не держит любезного каторжанина там: хочешь, живи, не хочешь – иди. Желает – ходи в руднике, устал – отдыхай на лесоповале, надоело однообразие – плотину строй. Прекрасная рабочая сила там! Работают не за деньги, а для души. Едут и едут туда целыми составами, телегами, санями, пёхом, сотнями и тысячами душ, семьями, холостыми, молодыми, здоровыми, побитыми, брюхатыми, с младенчиками, виновными, грешными, обманутыми, оговоренными, случайными, заслуженными. И впрок тоже бывает.

Не хватает гостиниц и бараков для всех приезжих. Коли сбежишь до гостеприимного миллионного Ганга – а это далекоовато, – за это только спасибо. Но редко кто добежит до места мировой реинкарнации. Полиция делает вид, что ловит избранных счастливых, чурающихся местной фортуны. Количество невозвращенцев растет, следовательно, надо расширять штаты и повышать зарплату служивым и всей жандармерии в целом.

В Каторге и Поселении—На текучка, увеличивающаяся в каждые пять лет: с каждым беглым (а бегают они партиями, а не поодиночке) освобождаются места «для свежих». А потребность в отсидочных местах с каждым годом и с десятилетием растет: надо прорезать канал от Оба—Ны до Елисейки, надо вспять повернуть какую—нибудь несчастную реку, надо вскипятить какое—нибудь холодное море, напоить всю Землю Байкалом и осушить кусок тундры под строящуюся дорогу на Ледовитый океан.

Дел в этих краях много: надо продырявить тоннелем вставшую поперек торгового пути гору, по выгодному курсу променять Аляску, побить китов, вытащить из них ус и жир, слегка потоптать Чукотку, накормить моржей, котиков, оленей, уссурийского тигра, потопить лишний Варяг, подружиться с Тибетом, начать копать мамонтов, никель, аурум, снарядить аврал и поглядеть на дыру в Тунгусске, замостить новые ямы и насыпи новыми шпалами и железом. Потом забыть все это. Положить на все сверху! Повоевать вдоволь!

Вихориха принимает на постой не только знатных. Поэтому любит ее вся Сибирь. Пора, пора баллотировать Вихориху на уездного предводителя!

Отсюда до Пришлососедовки (а в ней на каждый дом старожила приходится по три хибары пришлых – отсюда и название) всего—то двое суток конной тряски. А до Таежного Притона еще полдня пути.

Но нет, не доехала до Вихорихи соблазненная и перехваченная нью—джорской Прокутилкой двойня гулён. Их, поперек правил, честно повязали и отправили домой согласно прописке.

Лошадок в Джорке не воруют, считая это дело сильно заметным и потому неприличным. А вот кошельки, особенно в Прокутилке, в карманах владельцев подолгу не залеживаются.

Нужные люди в жандармских шинельках, не размышляя долго, загрузили пьяную в дупель, в прах, в дрободан парочку в заказную пролетку. Прицепили «поездом» ихнюю лошадиную собственность и отправили под честное слово свидетелей по прописному адресу. Не поддаваясь на адекватные предложения честного бокса и обшарив кошельки, взяли за собственную услугу десять рублей. Провожатому попутчику Мойше Себайло

(не забудьте это имя!) дали из Попенково—Долбанекских остатков другую десятку из тех же кошельков. Поручению попутчик был не особенно рад. Второе чрезвычайно польстило.

Чурающаяся бокса полиция Джорки – лучшая, и, пожалуй, самая добрая во всем мире. Чин—Чин Охоломон Иванович – заместитель начальника всех охранных дел и представитель права всех граждан, любя и оберегая моральные характеристики сих важных чинов, аннулировал корявую, лишенную всякого экономического смысла запись его подчиненных в ежедневном Протоколе чрезвычайных ню—джорских происшествий.

– Как жить с пустым кошельком знают только у стен далекого, жаркого Иерусалима, увитого бесплатным виноградом, – уверен Прокл. – Как избежать встречи с директором, чтобы продолжать протирать штаны в насиженном и теплом местечке?

Проклу только и остается теперь, что целовать лбом свое пьяное отражение в облюбованном мухами зеркале, спрашивая ответ. Чтобы не упасть на виду бойких на словцо школьников, упирается Прокл в сучковатые грабельки, изредка оттаскивая от учреждения притулившиеся к цоколю жидкие, осколочные остатки лета.

Меню поменялось у Прокла. Замаливая грех голодом, мочит Прокл высушенный горох, прикусывает семенцем. Снимает с бочки камень, снимает крышку, ворошит палкой укроп. Нанизывает на загребастую вилку огурцы и без хлеба кушает их. Запивает затворническую еду рассолом, задумчиво хрумкает солеными листышками вишни, ломает запасные квашенья ушедшей на небо супруги, ведет задушевные застольные разговоры с зелеными человечками, журит домовых за бесхозяйственность в хате и хвалит за упадок мышеводства в миниатюрном хлеву. Холщовый мешок в кладовке потому цел и невредим, хоть за два месяца осталось в нем зерна—муки на самом доньшке. Не так уж и плохо, если разобраться! Только пучит с чего—то живот, просит жареной картошки, куру и водки. Зарплаты ждать еще месяц. Но, выдержит Прокл. Ему не впервинку.

А до того, когда был Прокл красавцем и трезвенником, втихушку шептали, помаливались и тыкали в Прокла пальцем бабы, удивленные сошествием в их ню—джорский коллектив ангела—праведника: «Живой ли ты человек, али рисунок с иконки?»

В подвале школы у Прокла вторая квартира, давно ставшая основной. В первую он пустил временных жильцов – приезжих на фольклорную практику студентов—литераторов Лизавету Самсоницу—Кариатиды с грудями, будто у только что народившей бабы, и Брызгалова Славку – тощего, как продольная половина питерской селедки.

Зато умен и памятлив Славян как три Лизаветы.

Пишет в начале диплома:

«В указанном согласно заданию месте... фольклора очень много. Тут и песни, тут и сказки, тут тары—бары необычные и затейливы традиции народные, чудны ремесла и копотливо художество самодельное. Тут присказки, плачи в смеси со смехом: словно взятые с Востока венчальные шутки, приемы свадебные, похороны ихние наивеселейшие, добрые, назидательные.

– Жизнь хороша, но смерть есть лучшая часть жизни на Родине, – говорят их обряды. И в чем—то они правы.

Нет явной черты между посадской частью и бедной окраиной.

Одинаково любопытна кухня, трактирский быт, способы содержания скотины.

Надо же: тут в центре пасутся коровы. В Нотр—Даме такого нет!

Смешны игры шахтерские, полугородские, где ядро составляют кулачные бои без правил. Тож и зимой после взятия Царь—горы. «Массовость и привлекательность» – девиз директората U.A.«Korizub & Belg—Frank» и всей его рекламной компании.

Стравливают собак с боевыми петухами, крысиные бега в ходу. Тараканьи в ближайшей перспективе. И то, против тараканьих восстают местные скурпулезные историки олимпиад: «Не наше это, – говорят, – привозное, нет у нас африканских породных скакунов, проиграем любому».

В середине Славян пишет:

«И сексуальные игрища среди неграмотных селян чрезвычайно распространены, а уж как любопытны! Фольк! Голый фольк! В воде, в бане, в кустах чертополоха, в стогах, у костра в ночном. Пугают любящие мельничных крыс и зверей полевых, и только свиным и кобылам все эти хлевные сношенья до лампочки! Хрюканье да фыркание – вот их ответ на логичное, хоть и несколько шумное человеческое времяпровождение. Видывали они и не такое.

А уж как нелепо оригинальна и бестрадиционна местная архитектура, ни на что не похожая: бездна рукоделия и непрофессиональной, но такой забавной выдумки и безграничной фантазии.

Чокнутые, придурковатые и счастливые все люди! Словно недоступный посторонним и обжитый веселыми аборигенами остров посреди квёлой цивилизации.

Логовища тут деревянные имеются в переизбытке.

Дома узорчато—каменные и просто каменные встречаются значительно реже: в пропорции полтора на сто деревянных.

Растут как грибы землянки, лабазы, сараи, хлева, хранилища. В борах и лесах смешанных – охотничьи домики мелькают в ветвах, числом как гнезда; есть избышки на своих ногах.

...

Захаживают в Джорку охотно, как в бесплатную зимнюю столовку, волки, лисицы, медведи. И, судя по частым ночным крикам жильцов, всполохам петушиным и ночным бляням, питаются эти нередкие спонтанные гости – те, что не хуже татар – регулярно и по дореволюционным меркам вроде неплохо.

А уж как староста с переулка Феклы—казачки приплясывает с девками – любо—дорого посмотреть.

Вывод: сюда киношку надо везти и съемку делать... хватит на десять американскихъ серъ...»

Пишет ближе к концу (а это сотая страница диплома):

«...и Лизка – дрянь, тоже не станет глядеть, ей бы в стакан заглянуть: совсем попортилась девка в местной глуши. И пошла, кажется, по всем рукам, которые только готовы эту шутиху мацать».

И в конце:

«...и все это полнейшая чепуха, отсев, шелуха, мусор, навоз, пепел пожарища, ни одного явного артефакта... сметет революцией, дождемся. И пошли вы все нахрен, потому что читать наш говняный диплом все равно никто не будет. А я запишусь на войну – всем вам и родителям назло и себе на потеху, матушку вашу! Вон они ходят переписчики с повязками! Хренов вам фольклор, в солдаты иду».

Прокл не против, чтоб ревнивый Славка пошел в солдаты. Нравится ему самому Самсониха—Кариатида!

...В подвале школы есть еще склад отжившей срок мебели: там изрезанные ножичками парты и поломанные лавки. Есть слесарный и столярный инструмент. Имеется кухонка – в миру «Преисподня», а фактически она – кофейня директора, и она же учительская на три персоны.

Перед сном Прокл вычесывает шелуху запущенных пяток, применяя нелегально добытый в общественной бане кусок пемзы, на стройке – кусок кирпича, на мостках – морскую вехотку, и у плотины – самодельный из плоского напильника бандитско—кухонный нож, выдернутый из утопленника. Грызет Прокл без устали желтые ногти рук, ловко перекусывает заусенцы и горестно плюет добытой органикой в окно, удобно расположенное у самой земли. Была б земля плодородной, то вырос бы под окном целый легендарный лес кустистых ногтей и закрыл бы он собою и школу, и солнце.

Из окна видны гимназические ворота, за оградой топорщится облезлая луковка и чуть—чуть более целый гонтовый шатер церкви.

Заигрывает с революционными облаками колокольня.

В солнечное утро, ровно в семь тридцать пять, двадцать третьего октября с Рождества Христова по григорианскому календарю, – а безветрие и тучки вчерашние куда—то, надо сказать, словно по заказу расползаются, – тень от колоколенки родится. Стелется, ломаясь, аж по шести крышам, выстроившихся будто по линейке с востока на запад. Конец тени с двумя дырявыми насквозь спаренными арками ровно в семь сорок пять взбирается на известняковую стену раскольничьего, а позже – при Ермаке – казачьего скита. Теневой рисунок арок с точностью до десятинки вершка повторяет рисунок окон упомянутого казачьего охранного дома. Так что, если вы глянете из одного из этих окон, то увидите солнце, обрамленное волшебной изящности аркой. Красотища в раме и вопросище в голове: почему так? Отойдете к следующим окнам: солнце уже сбоку. Да, действительно странно, очень странно. Не иначе как древняя обсерватория, едреный корень! Не иначе как обсерватория построена как будущий Знак Михейшиного рождения. Не иначе как намекают на важность Михейшиного существования и на бронирование ему места в книге нешуточных Историй Российского государства!

Но волхвы не пришли еще к Михейше в гости. Далеко не Христос Михейша, скорее наоборот: Чрезвычайно хитер, непоседлив, но умен чертенок, этого не утаить! Значит, не обсерватория то была, а простое совпадение. Такое же случайное совпадение, как план пирамид вкупе с созвездием... Ориона, что в центре Вселенского зоопарка: Стрельцов по Псам, Раков, Лебеда, Щуки. В космических баснях Михейша не силен.

Но свой *теневого* Знак он вычислил точно. В первые семь лет своей жизни водил по утрам родителей и дедов к приуроченному к чернокнутию природно—искусственному явлению. Там же папенькой и маменькой вручались ему подарки, приговаривая:

– Не будь латшой, поглядывай в оба,
хитри, завирайся, да не особо!

...За воротами школы вторая по главности площадь Нью—Джорска, по вечерам напоминающая своей оживленностью Ёкского производства Сад Буфф. Здесь проистекает совершенно другая – веселая и беззаботная жизнь.

Со скуки и отсутствия денег решил одичавший Прокл лузгать семечки, – вон их целый мешок подсолнухов, – и под щелканье обломков желтых коренных слушать вечерами уличное радио. К сему глашатаю новинок культуры, как только выставили, собирается теперь четверть населения Нью—Джорки. Изрядное число разных новостей о войне и мире, о рождении сто девятнадцатого монарха в Сиаме (что за страна?), о количестве волков в товарищеской Тамбовской губернии, о возрасте дубов и буков в Гайдпарке (где такой?), о количестве армейских дирижаблей (чьих?), привязанных к секвойям (ой, что это?), о зубной пасте из кремния и поташа (что за хрень?); и много чего еще любопытного и таинственного сообщается из радио. А еще больше несется оттуда утешительной народу и горькой православия дикой, разгульной, смущающей музыки. Там мазурки, гопаки, вальсы, кендзы японские, чечетки бетельгейзейские и танги греховные бразильские.

Устроили уездные начальники для увеселения шахтерского народишка уличный клуб с танцульками на булыжных камнях; грузинские пляски, да хохлятские ухватки против всего этого отдыхают в конце очереди.

Для душевных разговоров насадили лопухастых тополей и натыкали вдоль ограды лавок. Для развлечения детского поставили качалку, гигантские шаги, воздвигли карусель, а зимой делают лабиринт из льда реки Кисловки с прожекторной подсветкой. Подумывают о фонтане с вертящимися гипсовыми лебедями, красноносыми гусями, золочеными петушками напротив простецкой и толстой, как в каземате, Прокутилкиной дверцы.

Хозяин трактира Павел Чешович Кухель готов совместный пай держать там и сям.

Прекрасное руководство в Нью—Джорске. Рай, да и только. Нью—Йорк, Шанхай, судя по количеству расставленного света и...

Стоп: никаких гетт! Никаких краснофонарных кварталов! Нет там света ночью. Никаких намеков на иноземную пошлость!

Гуляй честной народ, пропивай пензию, забудь о голодных бунтах, о сходках, о пожарах и недовольстве! Еды и пития на складах завались! Ну, где еще такого найдешь на восток от столицы!

Дивится неуклюжий, наступленный медведем Прокл красоте звуков и сбалансированности их с посадской звонницей.

Управляет всеми типами музык, дергая спутанные вороха бечевки, крутя вертушки волновых настроек, *продвинутый* Мирошка—колокольщик с волосами до плеч, скрывающими растопыренные и розовые локаторы его. Мирошка курит еловые иголки, говорит: жутко полезные вещества прут с того в мозги и добавляют знаний в искусствах.

Храм знаний, радиотруба, церковь «Всех сокрушающих преград» с земным Мирошкой, вознесшимся от нужности своей под самые облака, расположены бок о бок.

– Новости! Опять сшибательные новости! Сегодня вечером дадут отменные американские ново—о—сти, – кричат вольные озорные мальчишки – глашатаи: «Финишен Интертеймен! Сэнди Росс едутъ сюдысь! Синди энд Патрик наслышаны нашего фольклору и тоже готовы со Спарками, Стенлями, Линдслями ехать в Нью—Джорск. Сымать кино про нас будут!»

Ждали артистов с киношниками ровно сто пятьдесят лет.

Сняли—таки. В деревне нашли остатки фона. Половину фона подложили под боевик, другую заменили кактусовыми штакетниками и росписями по павильонной фанере. Получилось неплохо и вроде бы даже смешно. Похоже на Квартальчик Собачьих Драк³. Похоже на мультик: беготня с саблями по всей Руси, пожарчики, кулачные бои, праздники, веселые

³ Ссылка на некоторую территорию в романе «Осень Патриарха» Г. Г. Маркеса.

революции, несбыточные мечты о мире (какому зрителю мир интересен?) и кровавые диктаторы с широчайшими улыбками на лицах и в солдатских кальсонах.

Красота! Ранний пример коммунизма, равенства, братства!

И что же с того?

Чокнутые с малолетства

Закончился короткий по—бостонски завтрак у младших.

Хруст, схожий с ходьбой по свежевывавшему градобою, или со скрипом зубов, если применить сей жевательный инструмент к еде из стеклянного порошка, пошел теперь от центромира немалой и нескучной семьи Полиевктовых. Сердце и мозг Большого Дома имеют серьезное двузначное наименование этого объединенного органа: «Библиотечный Кабинет».

Зацепленный нами Кабинет этот – священная Мекка, знаменитая пирамида Хеопса, знатный Капитолий, занятный, но недоступный Ватикан, званный штаб Клуба Диванных Путешественников и Спальная Служба Хозяина.

В присутствии Хозяина – дедушки Федота – это, прежде всего, публичная читальня «для своих и со стороны», сравнимая по многообразию жанров разве что с Александрийской. Она двухсветной высоты, с тремя выносными галереями—ярусами по контуру стен, с книгами на вынос без предварительной записи.

Она удобна для пользования: без очередей, с самообслуживанием, с недействующим гостевым кальяном – какому черту он тут нужен – и кофейным прибором, замученным непрерывным извлечением прока.

А в отсутствие хозяина это главный игровой и спортивный зал для двух самых молодых домочадцев женского пола, банты и макушки которых едва выше крышки стола.

Девочки приходят сюда без кукол, но зато с корочками жевательной извести в карманах и ртах. Они, с каждым месяцем юных жизней, все глубже и выше осваивая пространство, порой неожиданно, словно корабельные обезьяны в момент пушечного выстрела, вдруг начинают орать и пищать пиратскими лозунгами, кидаться мелкими объектами, носиться стремглав по антресолям и испытывать на динамическую прочность средства вертикального передвижения.

Лестниц в кабинете, кстати, по всем пожарным правилам, две. Первая – стационарная винтовая, негорючая, выполненная из наборного чугуна, расположена рядом с входом. Вторая – ее правильней назвать «лестниЩЩЩа» – передвижная или, правильней, перевозная. Тяговая сила: ручная. Она с массивными деревянными колесами. Колеса неоправданно brutальны: они будто бы предназначены везти стенобитную машину с катапультой, цивилично и по модному слитых в одном предмете.

Девчонки по принципу скалолазов: чем больше на вершине льда, тем интересней водружать флаг, снимают с верхних ярусов витиеватые фолианты, залистанные книги и изъеденные ветхостью книжонки, ранее им санитаро—аморале недоступные. Скрытым нюхом следопытов—первооткрывателей находятся экземпляры с самыми—самыми распрекрасными картинками, которые, естественно, прячутся от девочек злыми врагами передового столичного журнала «Эротическое просвещение провинц—молодежи». И, естественно, на самых—самых верхних полках.

Они, словно древние строители на известняковом плато, копошатся на теплых досках инкрустированного дубовыми бляшками пола. Они обкладывают параллелепипедами книг. Собрав количество, достаточное для производства личного гнезда, водружают жилые пирамиды. Затем забираются внутрь – каждая в свою ячейку, – и только там начинают листать и смотреть картинки избранной запретной, но такой милой от этого всего вещицы.

– Пора обедать! Всем вниз!

– Мы заняты.

- Подождем Ленку с Михейшей.
- Они уже подходят.
- Это они в сенках стучат?
- Они, милые. Лаптями тряся, колы—двойки неся.
- Хи—хи—хи. У них сапожки с подковками. И пятерки бывают.
- Не хочу есть: я сытый солнечный диск, я качусь по небу в свой муравейник.
- Кому говорю! Эй!
- Неа: я *фатефон Татунхамат*.
- Девочки не бывают фараонами, – сердится бабка Авдотья.
- Тогда мы обе *Нефертёти*.
- Нефертёти разумны и сообразительны не по возрасту.
- Деда Макарей (мсье Фритьофф, батюшка Алексей), у вас есть «*питонцы*»?
- Детей имеете в виду? Или змею?
- Нет, канарейку, болонку, хамелеончика.
- У меня только домашний музей.
- У меня колледж для поросят.
- У меня приход и своих семеро под лавкой.
- Полошить на штол луковишу... начинает Даша—глупыш,
- ... и заведется ручной сверчок, – заканчивает Оля—умничка.

Процесс познания и строительства храмов развлечений в Кабинете—читальне бесконечен, ибо бесконечны ископаемые дедовы карьеры. Все полиевктовские девчонки с трех лет сочиняют устные стихи, с трех с половиной – сказки, с четырех пишут межжукольные романы.

Начало собирания сокровищницы положено Федотовыми прадедами. При последнем переезде в Джорку для перевозки библиотеки дедом Федотом (тогда он был просто Федотом Ивановичем) был нанят и переоборудован грузовой вагон. Вагон до самой крыши набился печатной продукцией и строгаными начерно брусками. Из брусков, чуть поправленных резцом столярной вертушки, позже сделались каркасы стеллажей.

До деревни от Ёкского вокзала библиотека ехала караваном. Нет, не верблюдом, не ослиным, но из... Просто из... Просто из немыслимого количества неиндейских подвод, ведомыми неегипетского вида мужиками, одетыми в неевропейские зипуны и обутой в ужаснейшие, совершенно неавстралийского вида чуни.

В перерывах между «чтением», пританцовывая и вальсируя, юные читательницы и спортсменки ходят кругами по галереям и ощупывают богатые резные украшения интерьерного убранства. В них с возрастом выискиваются все более новые, и все более разгаданные веселые подробности.

Что вам еще рассказать?

А то, что все спортивным обезьянкам доступно для исследования и ломки. Все, кроме приличной величины и грубовато состряпанной из железного лома люстры, свисающей со стропил до геометрического центра описываемого пространства.

– Дедушкин стол притягивает люстру как магнит. Поэтому люстра не качается.

Олечка, проверяя это некачательно – магнитное обстоятельство, оставила на зеленом сукне молочные зубы.

Даша уронила на себя «Беспамятную собаку»⁴, скучающую без дела во втором ярусе библиотеки справочников.

Старшая Леночка в своем детстве аналогичным образом и чуть ли не смертельно близко познакомилась с симпатичными ребятами – Яшкой и Вилькой Гримм. Те – радостные, отбросившие страховку циркачи, летели со сказочной галерки третьего яруса на любовную встречу с Ленкиной головой. От мозгосотрясения и непредусмотренных природой наростов, спасла картонная и цветастая бонбоньерка⁵, надетая в качестве Сорбоннской короны⁶.

Младшим девочкам не претит часами вошкаться в кресле, забираться с него на магнитный стол—монумент и переставлять с места на место занимательную дедову канцелярию.

Любят колотить в рынду, названивать в мелкие коллекционные колокольчики, приспособив для катания отломанную носорожьей частью черепа, наливать компоты в мозги бронзового Наполеона—чашки и ловить вишни оловянными, рельефными ложками со следами битвы при Ватерлоо. Катают они по полу двухпудовые дедовы гири, вытряхивают мелочь из китайской и удивительно прочной поросенко—копилки, удивляются несуразности некоторого вида круглых, дырявых, каменных, деревянных, веревочных с жемчужными раковинками денег.

Ожесточенно, с проклятиями и угрозами, со смехом и прибаутками, на все лады трут шальные девчонки бока посеребренного и пыльного кальяна—кувшина, в котором спрятались и столетиями сидит бородатый, испуганный, неприветливый, стеснительный джин—жадюга.

Ни разу не показался он девочкам, ни разу не дал проверить себя на всемогущество по части исполнения самых простецких их желаний.

Даше всего—то—навсего хотелось выпросить себе маленькую гамбургскую куколку в немецком сарафане, а Олечка хотела один—единственный раз обернуться вокруг всей Земли и посмотреть, где, в какой стране больше обезьянок. И при возможности найти и прибрать себе самую хорошую, самую умную Читу, умеющую разговаривать человеческим голосом.

Попугаиха Фенька, сидящая в потертой соломенной клетке, подвешенной к Пальме, как—то раз непокормленная будто в отместку забыла весь свой богатый артистический репертуар. И на любые вопросы домочадцев всегда, словно заезженная и старая пластинка Шаляпина шипела всего лишь одним из трех вариантов: по русски «Молчи, Фенька—дура», «Р—р—р, попугая мать, попугая мать!», и с сильным китайско—немецким прононсом: «Фуй—шуй ес, Конфуций ба, фуй—шуй йа!» Про свою прародительницу – прамать ее – Фенька обычно повторяла, если не накрывать ее тканью, не останавливаясь ни на секунду ровно триста шестьдесят пять раз – не больше и не меньше. Фенька знает високосный год и кричит—вызванивает подобно ацтекской кукушке соответственное количество.

Михейша на спор с дедом поспорил, что сможет довести Фенькин рекорд до двух тысяч двенадцати.

И как—то раз... Нет, нет, мы сильно отошли в сторону.

Итак, пусть не самое главное, но: девчонки просто обожают крутить глобус грубоватой, похоже, топорно и малоискусно скопированной с английского первоисточного образца.

⁴ Намек на Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, где словосочетание «беспамятная собака» вставили назло издателю шутники—составители. (прим. ред.)

⁵ Коробка для качественных конфет.

⁶ Намек— выдумка на преподавательский головной убор. (прим. ред.)

Горы, низменности, океаны не просто нарисованы: они скульптурны и потому великолепны!

Их вершины пробивают толщу стратосферы и потому являются частью космоса.

Рыхловатая их поверхность сделана из папье—маше. Леса выкрашены изумрудной зеленью, океаны — берлинской глазурью, мелководья — кобальтом небесным.

К стойке глобуса прикручен вензель изготовителя — «Основанный Его Величеством принцем Генрихом, штатгальтером Люксембургским, адмиралом флота Нидерландского Географический Копийный Печатный Двор» (G.C.P.C.).

И фраза на металлическом диске основания: «С нанесением несовпадений г—на фра Мауро и достижений глобуса Золотого Яблока, выполненного г—ном Мартином Бехаймом, а также учтены сведения и нанесены основные корректировки с атласов Герх. Меркатора и Theatrum Orbis Terrarum г—на Абр. Ортелиуса. Отм. и выделено в порядке перечисления сих славных сынов: бронзой, серебром, красным, синим контуром и соотв. шрифтом».

Имеется и надпись, сделанная самим хозяином глобуса — дедом Федотом: «Линии Антарктиды, нанесенные с портолана г—на адмирала Пири Рейса от 13... г. н.э., он соотв. с участием ранних карт Орнелиуса Финиуса, нанесены мною пунктиром. Средиземное море и Понт Евксинский с карт А. Македонского — пунктир серебрянный».

Девочки наплевать на эти важные картографические тонкости.

Они увлеченно плавают по морям и океанам, ведя мизинцами крохотные деревянные модельки. Указательным и средним шагают, бродят, вымеривают плоскости, впадины и реальные выпуклости континентов.

Они смеются над буквами «N», «R», «Q», натолканным там и сям, и так похожим на правильные «И, Я, О», но только с ошибками и всякими выкрутасами вроде хвостов, косичек, змеев.

В огромном этом Земном Шаре, если бы между меридианами и параллелями удалось прорезать калитку, смогло бы разместиться в съезженном виде с десятков — а то и больше — таких любопытных и прелестных дюймовочек.

Глобус странен: земная ось в нем воткнута в экватор. Ввиду этого Шар вращается не по правилам: с севера на юг и в обратном направлении. Но девчонки ввид своей малости этого курьезного вымысла не знают. Зато Михейша знает, но не делает из того помпы. Дед попросту обожает изучать оба полюса, а ось вращения ему там мешает.

Аркаша—столяр вправил ось так точно, как ему было заказано. И заработал на этом бесконечно понравившуюся ему фриттовую⁷ статуэтку «Заблудившаяся в райских кущах пастушка с агнцем». Пастушка обнажена, овечка несъедобна. В раю — известно дело — питались бесплатно фруктами. Зачем тогда девчонке таскаться с агнцем, спрашивается, если кушать всегда было навалом?

В глобус вбиты булавки с флажками, булавки соединены нитками. Смысл ниток не понятен никому кроме деда. Еще более они бы удивились, если бы узнали, что флажки на равных основаниях воткнуты в совсем непримечательные и забавные по названиям и, наоборот, в весьма почетные места. Например, самый большой Федотовский флажок торчит в Антарктиде (вот что ему там делать?), чуть поменьше — в Гизе и рядом с Суэцем — в Александрии. Есть по несколько в обеих Америках, пара в скандинавской лошади и во фьордах, похожих на развесистые женишени. Один флаг отчего—то в море, неподалеку от Гибралтара. Воткнуто в остров Крит, в Рим, в альпийскую подкову, в большой город Bailing, в Великую Китайскую стену, в Макао и Гоа, в зебру Суматры, в Тегусигальпу, в лед Арктики, в австралийский песок.

⁷ Разновидность мягкого фарфора.

Зеленый флажок тоскует посредине Сибири. На флажке рукой знаменитого путешественника по глобусам – Михейшиной рукой – коряво выведено: «St.Dzsorsk – my tut szsiwem».

Не стоит и говорить, что Кабинет никогда не закрывается, а проходимость его конкурирует с успехом объединенной кухни и столовой залы. Аборигены дома называют это нештучной величины и растянутое на спор двумя паровозами проходное общественное помещение «Рестораном Восточного Вокзала». Третий недоверчивый паровоз судил тот спор. Сокращенно помещение называется «РВВ». Полтора вагона с залом, с барной стойкой и кухней вписались бы в это помещение и смогли бы накормить в две быстрые смены всех пассажиров поезда «Москва—Пекин».

– «Москва—Пекин», ха—ха—ха! Сочетание двух столиц в одном слове вызывает неизменно устойчивый смех домочадцев. Тысячекратно повторенный и заученный наизусть рассказ о долгом путешествии из Пекина в Сибирь ящика сухих дрожжей пользуется долголетним успехом у гостей дома. Дед Федот приносит и показывает в качестве документальности случая затасканную телеграмму начальника Иркутского отделения Т.С. железной дороги, предназначенную вроде бы официальным лицам, а больше всего касающуюся мешчанки Полиевктовой Елены Игоревны, пол женский, 18—ти лет, проживающей в посаде Джорск (ныне г. Нью—Джорск) Ёкской губернии, пр. Бернандины, 127. Телеграмму Ленка вынула из мусорной урны почтового отделения.

Вот ее длиннющий текст с некоторыми цензурными поправками *нах*. «*Нах*» это уже начало телеграммы, а не выдумка, не балдеж сочинителя.

Итак:

«Нах вскл 04 июля 19** года тчк

Его высокоблагородию командиру перл тире охранного отдела Екского жд почтового ушла тчк

Стенографирую живую под страхом расправы со слов коменданта поезда Пекин тире Москва скб литерный скб Головотяп ЕС епт вышедшего ис г Пекин реисом NN тире 4021 01 июля 19** года тчк

По поручению его превосходительства г тире ла Спирина КВ

Буква сэ Сина Синаида как есчо объяснить вам что буква Синаида не работает

Телеграф морзе дрянь морос или ху ево снает не отбиват набор простите тчк меняем оную на букву Е тчк спешу извините нах тчк грозят наганом тчк

И краткая не работает тож тчк наган над ухом тчк буду не жив списывайте на этого слога гражданина начальника поезда 4021 прощевайте еслив что братья тчк

Уважаемый господин Ривош Я точка Г точка епт прошу срочно принять меры вскл

В нашем поезде тире багажном вагоне номер 2 литерного состава чресвычайная ситуация тчк Некто епт насавшийся в документах поручиком Гольским А точка С точка епт с соответствующими полномочиями Манчжурской миссии его величества Императорского двора отправил ис города Пекин дипломатической почтой сапечатанную посылку синаидапт вашу мать синаидапт которую главное Пекинское отделение не сумело епт поняли нас вопр тчк согласно правилам епт или поленилось их мать ити секретно перлллллл юстрировать на предмет содержания тчк

Посылка находится в пути тчк

Уважаемый господин Ривош епт вы епт конечно епт понимаит сегодняшние трудности с передвижениями поедсов тчк

Политическая и экономическая ситуация такова епт что поед ептыт вашу мат движется с серьесным отставание график тчк как всегда впроч нах тчк

Ввиду того епт что посылка епмать как выяснилось епт саполнена не бомбами и не почтой ити мать епт а дрожжевым веществом епт а наша гражданская багажтехника не снабжена холодильными устройствами епт

Ужжж начиная от границы посылка стала издавать сапахы епт несовместимые с нахождением ее в дипломатическом отделении багажного вагона тчк нах

Черес сутки пути ящик начал издавать булькающие свуки епт а еще черес некоторое время ис ящика потекло желтым тчк

Мы приняли меры

На свои страх и риск мы перемещаем посылку в медицинский поед епт следующие параллельно в направлении Ексака тчк

Конкретно в вагон тире холодильник системы Силина са №535944 СТ МВР прикомандированному к военно тире санитарному поеду Харбин тире СПетербург тчк

Просим Вас немедленно и саблаговременно высвать гражданку Полиевктову Е тчк И тчк с поселока Н тчк Джорск для вручения адресованной ей посылки тчк

Предупреждаю епт вашу мать что на дворе июль епт и даже система Силина не дает надежной гарантии епть что этот вагон не вслетит к чертовой матери в ближайшие два дня тчк

А вам придется отвечать са порчу государственного имущества и иметь неприятности с госпожой Е И Полиевктовой епть у которой по нашим сведениям имеются серьесные свyasi с губернатором и экспрокурором Ексака епть с начальством всеи нашей и вашей несчастной трансиб Синаида дробь С ЖД тчк

Когда епть черт восьми епть в вашем гребаном бляд Ексе население будет иметь такой простой продукт как дрожевой грибок три вскл три вопрос снак нахуи и вписду такая ваша работа вскл

Буду жаловаться вашего губернатора черес охрансыск Подрываете основы государства бляди

Не воина зпт не плен не тюрьма будто могли бы осаботиться кормежкой населения дрожжами тчк

Адрес гр Полиевктовой прилагаю тчк

Ноги в руки и успеха епт едрении ваш хер тчк

Пожалуйте свою и нашу сарплату тчк

Деиствуите немедленно тчк»

Посмеемся вместе с гостями и мы.

– Сегодня в РВВ подают фаршированных кур, финно—угорскую утку в скляре и савойскую лапшу! – слышны иной раз утренние переговоры мужчин.

– Может, рыбу в скляре?

– Я сам слышал.

– А у меня кроме ушных раковин мозги есть.

– А сколько курей в насестах?

– Хватает пока. На Благодарение, вот, отец Алексей обещал индейскую несущку поднести. Шибко хороши индейские курочки, говорит. Плодовиты несусветно, и мяса в них по пять фунтов.

– Смеешься, батя! Уж не страусов ли тебе взамен индеек с Австралии батюшка Алексей выписал?

– А хоть бы и страусов. Хоть бы с Аделаиды—порта. Тебе хоть кол теши на башке: сырую картошку с редькой хрумкать горазд, а внукам моим будет здоровая польза.

В школе натуральный расчет. Причем, по искреннему желанию, а не по обязательству. Дед – учитель, директор, меценат принимает или отвергает подарки по собственному почину сердца. С бедных не берет, а за барчуков и зажиточных платы не чурается.

Время обеда. Пришли и раздеваются в сенцах голодные школяры. Младшие уже оседлали стулья.

– Я не хочу курицы, вчера она была живой! Я ей зернышки давала. – Это Даша. И она плачет. Ее не удосужились спросить: какую курицу можно резать.

Весь курятник с именами. Есть куры добрые, а есть вредоносные капризницы, которые сами напрашиваются в суп.

– Да, Пеструшка была душевной курочкой. – Это Оля с куклой Катериной в руках. Кукле рассуждения безразличны. Кукла только что примеряла новое платье. Кукла живет на Земле Королевы Мод. В платьице ей там холодно. Но Олечка не в курсе дела. Тут обман чистой воды.

Михейша – старший брат девочек. Он любит розыгрыши. Это он поселил куклу Катерину на ледяную Землю и убедил Олюшку, что там родина всех ее кукол. Дашины куколки и тряпичный их Маркиз ди Палисад живут славно и дружно, как мясо в борще, на скалистом каблуке итальянского сапога. Ленкины – они чопорней – обитают в Лондоне, Париже и Берлине.

– Добросердечная курочка, значит, вкусная, и сердце у нее мягкое. Я буду сердце, – рассуждает лицемерный от возмужалости Михейша. Садится и тянется к блюду.

– Мне, чур, только белого мяса. – Это Ленка—неженка. Она уже успела скользнуть в кабинет и вынырнула из—за портьеры с новой, припасенной заранее взрослой книжкой. И по одной только книжке и по шелесту только что надетого длинного, совершенно не казенного, не школьного платья – с лямками, всего в кружевах и оборках, стало ясно, что она – самая старшая сестра и самая главная героиня обеденного спектакля против остальной мелкоты. И все несчастья транссибирской железной дороги тоже идут от ее скорости взросления и поразительно классического вида фигуры от головы до пят, включая главный фэйсад лица. Она не любит пупырчатых шкурок и молочной пенки.

Вот так, епть, дак деревня! Где такая, чтоб пенок не любить?

– Всем сидеть смирно и не рассуждать!

Это баба Авдотья. Она в доме вторая по главности после деда. Рассудительная Ленка на третьем месте. Папа с мамой – декоративные лица. С этим согласны все.

Пришел дед Федот, в сенцах присел на лавку и отвинтил заиндевевшие шнурки оранжевых ботинок с белочным мехом, с голенищами почти до колена, с крючками вместо дырочек. Нерусь! Ну что за фасон!

С порога залы, не глядя, заученным движением дед зафинтилил картузного вида утепленный из нутра берет в вешалку, расположенную к нему под острым углом. Попал. Зимний вариант картузоберета поболтался и затих на счет «четыре».

– Не фу... себе! – вырвалось у Михейши.

Дети застыли в стеклянной неподвижности – каждый со своим съедобным предметом, Смотрят на него, переглядываются и недоумевают: откуда у деда эквилибристская сноровка? Поди и ножи умеет метать, и мячи в корзину через спину и с центра поля.

– Дед, ты, поди, у Гуда учился? – Это Ленка.

– Чего—чего?

– Ну... у разбойника, у Робина... который.

– А—а—а. Учился слегка. А ты книжку—то почто с собой таскаешь? Умной хочешь выглядеть? Мы и так это знаем. Жиром хочешь помазать устремление твое, чтоб блистало как Михейшина шевелюра? Неси книгу назад. Потом возьмешь.

Ленка обиженно ныряет в библиотеку. Теряется на десять минут.

Михейша пощупал прическу: точно, пора кудри стирать. Отвлекающим криком: «Ленка, мясо остыло. Греть тебе не будем».

Баба Авдотья: «А это не твоя забота, милок, а моя».

Дед: «Это ее личное дело, может и сама разогреть. А вообще принято сообща сидеть, а не прыгать, кто куда горазд. Может, по очереди будем обедать? Или каждый сам себе начнет готовить?»

Молчание за столом. Никто не хочет готовить каждый за себя.

Даша сидит на стуле с подложенной подушкой и мотает ногами: «Деда, а ты по проволоке ходишь?

– Чего—чего?

– По проволоке...

– Только по канату, – ответил дед, ничуть не смутившись.

– Мой точно и по канату пройдет, – думает бабка.

– А через пропасть? – продолжает Даша.

– Не пробовал, детка, а что? Через пропасть пора идти?

– Да—а—а... нет вроде... пока.

– Ну и помалкивайте тогда. Когда надо станет – тогда пойду.

Дед, пока полоскал руки, подслушивал и наматывал на ус куксовые застольные разговоры. Дед как гора велик, на вид сухопар. А в худых свидах горах часто водится феррум.

– Как зайдете, не вздумайте здороваться с ним по—настоящему: руку ломает, – подсказывают иногда гостям, желая их косточкам добра.

Процесс поглощения пищи идет размеренно и поначалу мирно. Дед на правах домашнего монарха доглаживает третью ножку. Делает он это весьма умело, не обрызгиваясь жиром и методично: от начала до конца, словно жук—короед. Добродушно бурчит, не выпуская ногу из рта: «Не хотите трэскать – нэ эшьте: мнэ больше доста—а—а... ух хороша... – больше достанется.

Шлеп кость в сторону:

– Дашуленция, а подайте—ка мне, милая принцесса, ещщо вон то крылышко, что на Вас смотрит, а про меня мечтает. Кхы!

Матери и отца дома не видно. Отец на работе, а мать задерживается в пути. В доме как—то было принято, что семеро одного не ждут. Но дожидаются, как минимум, пятидесятипроцентной наполняемости. Иначе застолье может не состояться вовсе. Это главное дедово наказание. Проверено практически, и запомнилось надолго.

– Надо бы на водокачке в бак заглянуть, – говорит дед ни с того, ни с сего, поерзав в кресле. – Эти котельные придурки все не так сделали.

У него страшно красивое кресло – ровно как у датского придворного стоматолога. С высокой фронтонистой спинкой, прорезанной насквозь параллелограммами. На кубиках перекрестий награвированы числа, вдоль оснований нарезанного поля – цифры. Смахивает на таблицу умножения, если бы не путал такой мотив: внутри пустых квадратов вмонтированы вертящиеся на осях костяшки бухгалтерских счет. По креслу видно, кто в доме хозяин. Угадывается, что, несмотря на гротескное, юмористическое кресло, он вовсе не стоматолог, а скорее костолом, считающий выбитые бандитам ребра, или математик, которому кто—то

из наивных студентов—двоечников вместо пузырька с ядом подарил всего лишь прощальный намек. Копец!

– Деда, я с тобой! Чего там, шланг засорился?

– Причины не знаю пока. Может, просто труба замерзла. Может отверстие в баке не то. Умыться толком нельзя. Качаешь—качаешь, а вода еле идет. Хоть снова на *чародейник* переходи...

– Не хотим из рукомойника! Не модно!

– Давления нет, – философствует дед—изобретатель и механик, – будто в пустыню, а не в бак, зараза, уходит.

– Где Зараза? В воде Зараза? Какая она из себя?

– Дед просто неудачно выразился, – сглаживает бабка возникшее недоразумение.

– Деда учитель, он не может неправильно говорить.

– И я учительша...

– Баба, ты, правда, учительша?

– Бывшая, детки, бывшая. Но правила все помню.

– Деда, я с тобой хочу! – начинает канючить Михейша.

– Ну, так пошли. За погляд денег не возьму.

– Какие инструменты берем?

– И мы с тобой сходим! – Это пищат малолетки.

– Сначала всё съешьте, потом поговорим.

Весь народ, кроме бабки, желает поучаствовать в лечении водочапки. У бывшей учительши, а теперь кухарки и хозяйки дома, дел и без того хватает.

За столом иерархии не видно. Там царит относительная демократия. У демократии свои правила: шалить можно до определенного предела. По лбу ложкой никто, никогда, и ни за что не получал, хотя большинство того периодически заслуживали. Деду достаточно напомнить про наличие деревянного черпала, чтобы воцарялось временное спокойствие, похожее на грядущий Брестский мир. Дедовой строгости побаиваются. Деда уважают как царя—батюшку Злако—Гороха.

Дети помнят страшилку про древний способ наказания, а именно: стояние коленями на горохе, в темном углу.

– Съешь крыло, – говорят Даше, – научишься летать.

– По двору или по улице? (дальше улицы Дашина фантазия не распространяется).

– По небу, как голубок, – посмеивается Михейша, – как Катькин дутыш... Хе!

Ленка прыснула и заткнула лицо в подол. Только она оценила тонкое Михейшино остроумие. Потому, что единственный Катькин дутыш, не смотря на то, что он был птичьим королем, и не в пример прочим ее даровым и грязным птицам, летал привязанным за бечевку. То же самое Катька сотворяла с крупными стрекозами, только летали они на нитке. А также с теми золотыми мухами, которые прилетали явно не с задворных навозов, а – бери выше – с пирамид Египта. Вершины пирамид покрыты говном умерших летучих динозавров, превратившимся со временем в зеленую известь. Отсюда и золотозеленые перелетные мухи. Катька утверждает это бесповоротно и готова намылить шею любому оппоненту—выскочке.

Даша: «А в Машкву мощно станет долететь?»

– А то! Конечно.

– Хасю крылышка. – И хлопает в ладоши от привалившего счастья.

– Надо говорить «хочу».

Даша старается: «Хочу крылышка».

Оля: «А мне дайте лапку...»

Михейша: «Ногу, надо говорить. А зачем тебе чужая нога?»

– Ногу, да. Я быстренько сбегая в Петербург. Мне там свадебный билет надо взять.

- Зачем билет? Замуж собралась?
- Ваньке—Встаньке надо и Петрушке. Они сделали предложение Мальвине.
- Оба сразу?
- Они любят Мальвинку.
- А Мальвинка кого любит?
- Обоих поровну.
- Так не бывает.
- Бывает, бывает! – Оля почти плачет. – Им много деток надо. Взрослые смеются.
- Да ладно, – утешает Михейша, вгрызаясь в крыло. – Попроси лошадевую ногу... с копытом и подковой – быстрее добежишь.
- Правда, добегу?
- Правда—правда!
- Михайло! Опять детей заводишь! – раздражается дед и хлопает шлепанцами об пол так нескучно, будто давит педали заевшего клавесина, – смотри, а то я тебя с твоей *правдой*—*правдой* по кусочкам разберу!
- Михейша обиженно бросает кусок, растопыривает пальцы веером – будто сушит, а сам поглядывает на Олю и Дашу и мелко покачивает руками, будто предназначено для Оли и Даши: нате вот вам, мол, я не боюсь, а вам от меня сегодня достанется на орехи.
- А теперь будем ломать вот эту ключичную косточку, и загадывать желания, – предлагает Ленка, усердно оттирая руки об шейную салфетку, – кто будет ломать?
- Я, я, я!
- От курочки не осталось ничего, даже доброта ее упакована в детские желудки и благополучно забыта.
- Сломаем косточку, а остальное похороним.
- Похороны хоть чего – одна из частых детских игр. Дом почти на самом краю жилья, дорога на старое кладбище проходит мимо, и ни одни похороны не остаются без внимания.
- Лучше Хвосту отдадим.
- И поддадим. Собакам курицу не дают. Они могут подавиться. – Это опять всезнающий Михейша. – Деда, ну что, идем?
- Всем спасибо за компашку, – говорит дед и шумно поднимается с места. – Кто со мной – одевайтесь теплее. Голых и голодных не беру.

- Покушал с ними, читатель? Понюхал только? Ну, извини, друг, в бронь—заявке тебя не было. Ходи голодным в Кабинет: дальше, если желаешь, будем рассматривать интерьер. Стоит того. Не утомил еще? Ты дама... простите, Вы дама? Мужик? Вау! Тут в начале рассчитано исключительно на сентиментальных дам. Костян и ты тут что ли? – Я! – Эдичка? – А что, ну зашел на минутку.– Иллиодорыч! – Я! – Борис! – Я! – Пантелеич! – Я! – Годунов? Годунов, твою мать! – Молчание. – Иван Ярославович? – Ну я. – Покрышкин, Порфирьич, Димон, Григорий, Разпутин—Двапутин, Пелевин, Сорокин, Акунин? Наташки... Таньки... и вы тут?
- Годунов запоздало: «А чего?»
- Григорий недовольно: «Распутников я».
- Наташка, Танька: «Тут мы!»
- Вовка: «А что?»
- Все равно, браво! Медаль вам!

Разнокалиберные книги там расставлены по стеллажам. Стеллажи сплошняком идут по галереям. Последние полки упираются в основание шатровых стропил. Галереи и стеллажи занимают весь периметр Кабинета, и только у широченного эркера уважительно разрывают свой массив.

Эркер, смахивающий на парковую ротонду, огранен витыми поярусными колоннками. На капителях ярусов раскрывают клювы и издают потусторонние звуки пернатые муляжи, прикрученные к колоннам тонкой проволокой.

Дотошный декоратор засунул в эркер живую Пальму.

Волосатая Пальма вылезает из кадки. Когда—то пальма была маленькой, но теперь она в три обхвата детских рук и пытается вытолкнуть наружу потолок. Культурно себя вести она не умеет. В середине она множится на стеблевидные отростки. Ближе к потолку ветки—стебли—листья скрючиваются и начинают расти вниз. В эркере тесный южный курорт. Моря только нет.

Десяток лет позевывает и поглядывает Пальма в потные стекла. А там: то ли улица, то ли ободранный променада, то ли прогон для скота... короче, в последней степени немилости рогатый, босоногий, штиблетный проспект.

— Проспект? Полноте!

— А вот то—то и оно—то.

Проспектом этот отрезок пути называют не только местные люди: в Михейшином адресе тоже так написано.

Вот и недавний полицейский пример из Петербурга.

— Ксиву (паспорт, значит) молодой человек!

Дает паспорт. Раз есть паспорт, значит, парень не из деревни: деревенским паспортов не дают.

— Нью—Джорск? Где это?

— Ёкской губернии.

— А—а.

(Не поверил.)

— Тут пишут: Арочный проулок 41А повернуть и идти вдоль проспекта Бернандини на номер 127. Большой, что ли город?

— Да так себе. Обыкновенный.

— В маленьких городах проспектов не бывает. Да и улица не маленькая. 127. Черт! Да это как Невский. И арки там есть?

Михейша тут поеживает плечами, не желая полностью раскрываться. Есть одна.

Значит все—таки проспект, хоть и глиняный. Хоть дома на нем преимущественно деревянные. В Брокгаузе Джорки точно нет. Проверял один критик недавно. Там пишут: ... или город свыше трех тысяч жителей, или если в нем что—то есть любопытное. Ну что за город в три тысячи жителей? Позор Всяя Руси.

Удивляется Пальма неизменяемому убожеству и вечной грязи удивительного этого проспекта.

Дождь: без деревянных мостков, проложенных вдоль сплошных оград и деревянных фасадов, вряд ли можно было бы пройти и не исчезнуть навечно человеку. Венеция, Весенька, Осенька отдыхают! А вот коровам хоть бы что: радостно вертя хвостами, в дождь и в жару бредет стадо то по грязи, то в пыли, по проспекту. Умело находит свои ворота. Окончательно растворяется стадо у высокого Строения номер один бис. Это адрес церкви, колокольни и дома священника Алексея с задним палисадом и еще более задним хлевом, красиво выставившим свой единственный каменный зад уже на другую, пусть даже длинной в скошенный угол дома, улицу.

— Улица «Заводчика», — гласит табличка.

– Что за Заводчик? Фамилия есть у Заводчика? Написали бы: «Заводчика Лошадей, Доильщика Коров, Пасечника Пчел, Дрессировщика Тигров такого—то».

Эта дурацкая улица в одно кривое окно zaczynaет Площадь Соломенного Рынка. И это единственный адрес, по которому можно колесить вкруговую, не натываясь на заборы, на пни, на сосны, на свинарники и конюшни. Нет, сказочно богата все—таки богом забытая джорская деревня—полугород! И грязь в этой части особенная: говорят, кроме угольной, в ней каолиновая пыль. И шапчонки—то тут носят...

Ну, понесло! Стоп на этом! Не о попе Алексии, и не о русском провинциальном строительстве речь. Погуляли. Мало? Пора—пора. Нехотя и голодно (нет на улице груш), но возвращаемся в дом Федота—Учителя.

Разберем его дом с точки зрения искусств и строительных ремесел.

В стену, отделяющую КабинетЪ от Ресторана Восточного Вокзала, впломбирована огромная двустворчатая дверь неопределенного стиля и ужасного образца. Дверь – в два этажа. Середина прорезана обходной галереей. Так что получается на внешний вид одна дверь, а фактически их две. Это отдельная архитектурная находка, гимн дверям и соборным порталам, лебединая песня театрального декоратора, марсельеза парадного триумвирата. Даже не песня победы, а триумф разбойного, буйного, умалишенного зодческого братства.

С некоторой поры – а «пора» названа разбогатевшим на проданном учебнике дедом «второй ступенью домашней реинкарнации», – дверные полотна – толщиной едва ли не в полвершка – замощены цветным стеклом. Куски стекляшек связаны между собой свинцовыми протяжками и образуют в совокупности растительный узор. Зовется это мудреное дело «родинцовским витражом». Родинцов давно спился, пишет портретики с прохожих, а витраж вот он: впежен как миленький.

Медные петли двери первого яруса, учитывая их толщину и количество, могли бы запросто удержать створки знаменитых Красных ворот, ведущих в Запретный город вместе со всем навешанным на них металлическим ассортиментом. Выдержали бы дедовы двери и пару китайских евнухов мордovorотной наружности, приклейся они для смеха катания на огромные, литого изготовления, дверные ручки.

Створки верхнего яруса двухэтажной двери значительно проще. Там простая перекрестная решетка с обыкновенными стеклами.

Что в этих кунштюктных дверях еще интересного? Пожалуй, а вернее даже на правах главной достопримечательности, – весьма необычные барельефные обрамления косяков.

Вглядываемся, но понимаем не сразу. Блестящие обшлага черного дерева изрезаны рукой талантливейшего мастера. Но в момент данной заказной работы, видимо напирываясь видениями Босха, наш виртуоз сильно захворал головой.

Тут, подобно африканскому заповеднику, что распластался вокруг озера Виктория, или схоже удлиненному пятачку Ноева ковчега, помещен чудной зверинец, обитатели которого выстроились будто бы по безоговорочному намеку весталок в походную колонну.

Тут прилепились и вымеряют свой путь лапными и копытными шагами объемные твари млеко, мясом и насекомыми питающиеся. Одни – лесные, другие – пустынные. Третьи – жители саванн, тундр, степей, скалистых гор и плоскогорий. Они узнаваемы с первого взгляда, но отчего—то все с серьезными отклонениями здоровья. Первые – с незаконными крыльями, другие с излишним количеством горбов, клыков, лап. Третьи поменялись кто головами, кто шкурами. Кто—то продал ноздри, зато прикупил у соседа нелепый хвостище.

Криво вьющиеся ветви оседлали необычные воздушные персоны: они с клыками и бивнями вокруг клювов.

Под ними страшные морские каракатицы, снабженные человеческими лицами, с выпученными, как при бросании живьем в кипяток, глазами.

Всего многообразия дружного обмена зоологическими членами не перечесть.

Бегают все эти не имеющих законных имен гадоюды по наличникам и обкладкам; они вросли в плинтусы, возглавляют углы, жуют свои и чужие хвосты. И, весело улыбаясь, азартно впивают зубы друг в друга. И, скалясь домашними вампирами, добродушно попивают соседскую кровь.

Фигуры совершенно не кичатся натуральностью извлеченного резцом отображения. Они плюют на чудаковатый принцип подбора хороших друзей.

Соседствуют меж собой они так же спокойно и гармонично, как порой возлежат припрятанными для пользы дела и в ожидании волнительных сюрпризов противопехотные мины пограничной полосы.

И это еще не все: если приглядеться, то кое—кто из зверушек и чудоюд заняты ужасным делом: они беззастенчиво занимаются любовью. При этом заняты продвижением вовсе даже не своего рода.

Они сливаются телами с тварями иных нижних видов, словно пытаюсь приумножить представленное разнообразие звериного, насекомого, пресмыкающегося, крылатого мира, грубо поломав дарвинские стереотипы умеренной и порядочной эволюции.

Проем увенчан надтреснутым фронтоном корытного дерева, явно позаимствованным из интерьера Схимника Заболотного. В центре фронтона – карикатурный слоник с парусообразными ушами, опущенными безветрием, и с задранном кверху подобием хобота. А по сторонам его – инициал из двух необъяснимых для чужеземных неучей букв. Игриво заоваленная древнерусская «С» со стручками гороха на поворотах добавочных линий вплетена в квадратно—китайскую «Ф», будто бы выполненную из разможенных в концах битевых палок.

– Как водяной кистью по тротуару написано, – утверждает дед Федот, – живо и художественно в высшей степени. Талантлив наш землячок Селифан. Настоящая готическая резьба! Ему бы еще дворовые ворота по—гречески порезать и ставни по—мавритански! Некогда ему пока: готовит выставки в Лондоне, Токио и одну для аборигенов Гонолулу, – и улыбается.

Все, особенно Михейша, безоговорочно верят деду.

– Деда объездил весь мир, – утверждает Михейша без всякого на то основания и без засыпания неверующих Фом фотографическими фактами. Три «Ф»!

Запомним все это.

...Инициал дверного фронтона придерживают бурундуковатого узора жирные коты с тонкими как стебли, завернутыми в спираль, хвостиками. На задних шлейфах их выросли крапивные листья с увеличенными, будто линзой мелкоскопа, колющими устройствами.

Хобот сказочного по—восточному слоника – какой ужас – форменное безобразие и насмешка над опытом божественного сотворения мира. А с другой стороны, это апофеоз больного, бредового экспериментаторства по спариванию человечества с животным миром: оно даже не напоминает, а откровенно являет собой Нечто и Непотребное в паранормальном единстве.

Нечто Непотребное закрутилось в тяжелую спираль, воинственно напряглось, готовое распрямиться и пробить своим оголовком любую крепость – хоть животного, хоть искусственного происхождения. Это комический слепок с того, что особи мужского пола человеческого племени достают только в случае крайней необходимости. Вариантов тут немного: с его помощью получают искреннее удовольствие от незаконного соития; благодаря ему законно продлевают род; и – простите, мадемузели – без него не справиться малой нужды.

Как такое можно допустить в доме, где гурьбой бегают малые дети и где женщины являют собой пример целомудренной морали и торжества моногамии? Где исповедуют,

пожалуй—что, устаревшие и излишне пододеяльные отношения, причем при закрытых окнах и потушенных свечах.

Скульптурная дерзость парадных, общественных дверей в домашнем дворце науки и литературы необъяснима и крайне непедagogична!

Добавим красок в описание: кабинет этот – сказочная обитель, не меньше – а еще – загадка, колыбель знаний, филиал звериной Камасутры и кунсткамера удивительного, нереального мира, способного взбудоражить и напугать любой податливый ум. Да и весь остальной дом необыкновенен как прибежище исключительной странности умников.

Все отпрыски старшей пары Полиевктовых потому – чокнутые с малолетства. Здравы ли нижние ветки родословного древа?

– Умом?

– У деревьев ума не бывает.

– Уверены???

Короче, это история рассудит сама. А мы будем только оперировать...

– Ой! Больно от одного только вида шприца со скаль...

– Фактами, граждане!

Петух под столом и царевна Софья

1909 год. Конец мая.

Дед Макарей сегодня – гость. Гость кукарекает под столом. Над ним потешается вся развеселая Полиевктовская семейка.

Царевна Софья с князем Голицыным перевернулись в гробу.

В чем дело? Какая связь?

Все с виду просто, но не так уж легко практически.

С тайнописной любовной записочкой царевны Софьи через триста лет случился провальный огрех. Князь Голицын с возвышенной любовницей благодаря юному сыщику еще раз предстали перед общественностью в не самом выгодном свете.

Позволение на расшифровку выдал уже упомянутый Михейшин двоюродный дед – Макар Иванович Полиевктов. Среди всех Полиевктовых он – просто Макарей. Родом и по долгу службы – из далекой Тюмени. В Тюмени хватает своих чудаков. Макарей – один из них. Нет, он самый главный чудак всего Тюменского края, если, правда, не считать тобольского Тритыщенки (прадеда господина—художника Евжени Тритыщенко), который обивает пороги губерний, утверждая, что каждый уважающий себя город должен иметь хотя бы одну конную статую. Каждый губернатор считал за честь выпроводить Тритыщенку из кабинета на вежливых пинках, и удовлетворенно прощался каждый, радостно помахивая одной ручкой в окно Тритыщенке, а другой стирая лапшу с ушей.

Где ж ему бедному набрать столько бронзы на лошадь? А где взять народного героя —всадника? На коня уйдет больше бронзы, чем на героя. А сам губернатор пока не герой, и на войну неохота, а на другого героя кроме себя денег совсем нет... Нет, нет и нет! Своим не хватает. И не будет хватать. Война с Америкой на носу. У чинца ширится глазной разрез на нашу землю. Мост надо строить через Тобол—Вонь—реку. А войны и мосты всегда в авангарде сметы. А к концу стройки мосты будто законно удлиняются в три раза. И, впрочем, арьергард тоже надо чем—то кормить. Такие—вот бухгалтерские дела в тмутараканских тюмениях.

В Нью—Джорск Макарей приезжал редко: на самые—самые главные события семьи Полиевктовых. Дед – главный хранитель Губернского музея истории и естественных наук, а также владелец личной исторической коллекции преимущественно бумажного свойства. У него дома хранятся в порядке и беспорядке манускрипты, старинная переписка на бересте и бумаге, рукописи, староцерковные книги, узелковые и бусинные сообщения, иоганские – начиная с самого Типографа – шрифты.

Буквально перед самой поездкой в Нью—Джорск, практически случайно обнаружился потерянный ключик от ящика коллекционного шкафа. Отомкнутый ключом ящик поначалу долго не вынимался. Дед трясанул шкаф. Битком заполненный ящик что—то высвободил внутри себя. И неожиданно почти целиком выскочил наружу. Пошатался, и, не дождавшись от деда сноровки, бухнул вниз. Вывалились, словно потроха из брюха, важные исторические бумаги, и разъехались по плахам. Не упал единственный предмет. Зацепился тесемкой с печатями и покачивался на половине пути к полу пожелтевший, дранно—передранный, местами подклеенный, вскрытый давным—давно конверт с письмом премило свергнутой царевны.

– Неспроста это, – решил тогда Макар Иванович, даже не подумав о грядущих последствиях. – Возьму—ка я его с собой, удивлю кузинку. Кузинка – это никто иная, как родная Михейшина бабка Авдотья Никифоровна.

Приехал. Поболтали о том, о сем.

– Интересное письмецо, – сказала бабка, – повертя трухлявую бумажонку и посмотрев ее на просвет. Понюхала: выветрились французские духи за триста лет (Софье обещали четыреста). – Пахнет заплесневелой бумагой. Больше ничем. Ожидала роз, фиалок... и непонятно ни черта. Тайнопись, пожалуй! Любопытно, да—а—а, любопытно.

– Потому и привез, голубушка, чтобы вас всех позабавить. Это письмо Софьи Голицыну в пору их ненасытной любви. До того писано, как он свою женушку по ее желанию и согласию отрядил в монастырь. Там внизу датировано.

– Любовное, что ли, значит, там? Я люблю про любовь. Дайте—ка почитать, – испросил присутствующий при том деле Михейша, и уверенно протянул жадную до сенсаций руку.

– Как так можно *сквернословить*, – сердится бабка, – «люблю про любовь» – разве так можно выразиться!».

– Прочитать? Ха. Ха. Ха. Не сможешь! Вот: взяла мышь кота за шиворот. Чего надумал! Ну! Слепой музыкант чтецом заделался! На худой дуде ты игрец – вот ты кто... – Высказывает полное недоверие Макарей Иванович: «Это тебе не газетка у мальчика – тут тайнопись. Тай—но—пись! Никто еще не смог прочитать. Триста лет лежало. Лежало и лежало. Были люди, да, брали с собой. Возвращали через неделю. Я тоже пытался – и, догадываешься? А то: полный ноль, без никакой пользы дела».

– А я прочитаю! И не такое разжевывал, – уверенно резал Михейша. – Дайте, деда Макар, я прочту, уверяю... почти на девяносто уверяю.

– А если не прочтешь, не во гневу будет сказано, а для смеха: тогда давай ты полезешь под стол и станешь кукарекать,... положим, подряд десять раз! Годится?

– Я не петух, – обиделся и одновременно зажегся Михейша. – А сами—то станете кукарекать, если я прочту? Слабо на спор?

– Помечено! – заливается смехом Макарей.

Ну и молодежь нынче уродилась!

Бабушка по инерции хихикнула тоже. Но засомневалась в надобности и правилах спора. Уж она—то хорошо знала тайные склонности и занятия своего внука. Как в самом деле не пришлось бы брату кукарекать!

– Если письмо в затейной литорее⁸, то плевое дело, – манерно заявил Михейша, ничуть не струсив. – С тайнописью я, деда, знаком не понаслышке.

– Вот фанфан, а! Ну, фанфан! – засмеялся дед Макарей. Откинулся на спинку стула. – Молодость, молодость все это, отсюда бравада и шапкозакидательство!

Вспомнил об ушедшей его собственной студенческой юности, задрал ноги и выказал миру вязанные носки цвета испуганной зебры.

– Весной, почти лето, теплые носки, полоски дурацкие как у половика, – отметил втихаря Михейша. Чухля домашняя.

– Что, заинтересовался рисунком? Это не простая вязка. Оренбургские ткачихи, они не только...

Какое! Не дослушав исключительной технологии вязки, и воспользовавшись неустойчивостью дедушкиной диспозиции, Михейша выхватил из его рук и конверт, и письмо.

– Эй—ей, еще не договорили!

Какое там! Нелепой стрекозой, махая руками и выворачивая ноги в коленях – чтобы одолевать сразу по три ступеньки – начинающий сыщик взмыл на второй этаж и зарылся в своей комнатенке.

Там вооружился лупой.

⁸ Элементарная тайнопись, часто используемая старообрядцами, основанная на основе замены согласных букв другими. «Мудрая литорея» – чуть более усложненная схема.

Для начала переписал текст более явно. Изобразил какие—то столбцы. В столбцах выставил значки и пересчитал каждый. Переписал еще раз. Переписал второй.

В час ночи крикнул: «О»! В час тридцать: «Е»!

После того, как определилось еще несколько основных гласных и согласных, дело было почти выполненным. Царевна использовала всего лишь слегка усложненную «мудрую литорею».

Михейша положил на алтарь науки вечер, ночь и кусок утра.

С первыми петухами письмо было окончательно расшифровано. Кроме, разве что, четырех слов с абсолютно непознаваемым, видно староцерковным смыслом. В библиях Михейша не силен. И упомянуто о каком—то Фуе—Шуе, которого царевна грозила отобрать у сожителя, если он не будет приезжать с любовью и поцелуями по два раза на неделе.

— Кукареку! — крикнул для начала дворовый будильник. И вежливо: — Вставайте лю—у—у—ди, кох—кох—кох! Кому врача? А, может, палки?

Михейша высунулся в окно и взгляделся в поднимающееся над дальними елями слабое зарево. — А не отдолбануть ли от бабкиной сигары кусок?

— Кукареку—у—у! — прозвучало еще громче и нахальнее.

— Кок—н—ду, кок—н—ду! — прямо под нос, во французском переводе. Это действительно петух Фритьоффа — красно—синий с одной стороны и огненно—рыжий с другой — оседлал совместную с Полиевктовыми границу.

— Вот же сволочь, издевается! И ареального петуха научил по—французски лопотать. Мог бы кричать по нашему: не так занозисто!

— «Фуй—шуй, Конфуций, фуй—шуй!», — также «будяще с тысячелетним оттенком» донеслось из Федотовского кабинета.

— И Фенька, дура, туда же, — подумал Михейша, — странные песни поет, гайки бы ей под хвост навинтить!

— Кукареку! — зашептал петух православный с далекой Бернандини нумер айн бис.

— Вот так дед Макарей будет сегодня горлопанить, — подумал удовлетворенный совиными деяниями Михейша. Он представил деда под столом. Живот его — будто сам собой — содрогнулся, а затрясшиеся параллельно животу губы выдали спазмическую серию хихикающих звуков.

— Дед он хороший, что уж я так развеселился? — журился Михейша, — разгадал, так разгадал. Не велика заслуга, коли знать ключ.

Хотя по правде: ключик Михейша придумал сам. Так честно, как будто по незнанию доказал себе — дурню уже известные всему миру Пифагоровы штаны. — К кровати шагом марш! Ать—два!

Подушка вомнулась на три четверти, приняв в свое податливое ложе сосуд с мозгами достойного сыщика. Ноги уперлись в прохладный никель.

Внизу уже начинали шевелиться родные. Северный Сосед выпал во двор и принялся концом метелки раскупоривать ставни.

— Кончай орать, — пригрозил он стягообразному паразиту, — кому надо, уже проснулись. И будто бы мигнул спящему Михейше.

— Ба! Сегодня экзамен, черт... Стоп. Воскресенье! Не надо. Слава Бо...

Это была последняя здравая мысль Михейши, перед тем, как... как... как...

Сонный ветер повалил Михейшу так просто и без затей, будто шуткуя сдернул сноп с колымаги.

Каждые Михейшины закладки в книгах имеют тайный смысл, спрятанный в многочисленных игольных проколах тонкой биологической субстанции. А как же еще поступают по —другому будущие следопыты, собиратели скорпионов, охотники за тиграми, анакондами, сокровищами?

Имеются в виду трафареты с перфорацией, размещенной по сторонам квадрата и в центре, которые позволяют менять по определенной схеме – в сплошном ритме проколов – написание одной и той же буквы. А код разворотов, применяемых к определенной группе знаков в сбитом ритме, не угадать без ключа. Маскировочный ключ при надобности тайной переписки выдается Михейшей агенту, с которым обуславливается порядок его применения и смены другим кодом.

Главный Михейшин агент – это его старшая сестра Ленка.

Комната Ленки рядом с Михейшиной, но в минуты и часы ссор, проигранные по серьезному и начатые по игрушечным причинам обеты молчания длятся порой неделями. Тайная переписка в эти недели – за исключением языка глухонемых – единственный способ тягостного – по необходимости – держания языка за зубами и развеселого – по той же незамысловатой причине – общения друг с другом.

Михейша с детства увлечен разгадыванием чужих шифрованных записей и созданием собственных стилей маскировки текстов.

Стоит ли говорить, что однажды найденная в дедовской библиотеке книжонка по криминалистике привела отрока, достойного хитростью и умом своих отцов, к дотошному освоению физики и химии. Она же заставила полюбить до того ненавистную математику.

Хинин, аспирин и нашатырь, кислое молоко, марля, утюг вовсе не для больничных целей ютятся в средних ящиках не по возрасту огромного шкафа в Михейшиной каморке, вклинившейся в полумансарду, что над первым этажом.

Шкаф в средней части больше напоминает аптекарско—алхимический алтарь. В верхнем отсеке – книги и брошюры. В самый низ шкафа встроен засекреченный, выдвигающийся на колесах, обитый жестью детско—юношеский филиал дворовой лаборатории; она же, собственно говоря, – семейная и сугубо мужская мастерская. Места швейной машинке, олицетворяющей, по мнению Михейши, все наивные, глупые и никчемные женские пристрастия, в ней не нашлось.

Взрывоопасные Михейшины пробы осуществляются на песчаном берегу речки Кисловки, которая неожиданно для ее, в общем—то, ровного течения, словно умышленно для авантюры делает поворот совсем неподалеку от родового поместья. Ограждение территории здесь представляет собой распиленные пополам лесины, разрежины между которыми не годятся для убегания со двора скотины, но зато вполне устраивают ловких мальчиков и любопытных девочек.

Как автор не уворачивался, но повествование само собой подвело к необходимости описания экстерьера будущих сцен. Не будем этому противиться и максимально коротко опишем. Впереди еще триста (ну, соврал же!) пустых страниц.

Вход в дедушкино государство (вот те на: государство—то без названия!) представляет собой конструкцию из четырех циклопических столбов. Столбы увенчаны двухскатной кровлей. Между столбами вписаны двустворные ворота из плах кедры. Встроены две калитки: – одна «людская» и другая – откидная у самой земли – для торжественных выходов на улицу живности, не лишенной демократического права на свободу передвижения.

Планировка двора выполнена в форме буквы «П».

У короля Луи Филиппа – похожая ситуация, но с большой разницей. У последнего в перекладине «П» размещались приемные покои, главные кабинеты, торжественный зал и парадная лестница. А для поперечного на все старье деда классический способ организации французского дворца это инфантильный, дурацкий, изживший себя иностранный штан-

дарт. Увещевания жены и ссылки на древние правила устройства дворов и палат не приняты им во внимание никак.

— Любая искусственная симметрия — исключая, конечно, биологическую, вызванную условиями эволюционного выживания, а то ж любая парадная схема, предназначенная только лишь для возвеличения субъекта — жизненных сил не имеют—с, да—с! — говорил он. И в самом почетном месте буквы «П» выстроил мастерскую и лабораторию с полуподвалом. Вас ист дас «лабораторию»?

И из детства: «Васт ист дас, вас ист дас, выпущу кишки из вас».

Дас ист:

Подготовка химических опытов осуществляется в слесарке и в полуподвальной лаборатории—мастерской, расположенных на самом почетном месте дедовых сооружений: в перекладине важной буквы «П». Ну, то самое место, куда обычно привязывают петлю. Отец, мать и дед с бабушкой знают о странных Михейшиных развлечениях, но по большей части не мешают и не запрещают. Они ограничивают сына и внука лишь в степени взрывной силы и попутной вредности.

— Химия — занятие безусловно достойное, но здоровье домочадцев следует уважать, — говорит бабушка.

Надо отметить, что относительно безопасные эксперименты Михейша осуществляет в дальнем и скрытом лопухами углу огорода. Там есть, где спрятаться. Там в мягком грунте нарыты искусственные летние окопы, и сооружены песочные бруствера в два наката кругляков. Любой — слава Богу — непороховой пока, — а преварительный, самоделочный, детский, игрушечной величины взрыв лишь только слегка всколыхнет дальние постройки. А окружающие березки и сосны, поначалу вздрогнув, беззаботно, ни за что не отвечая и не выдавая никого, шелестом крон и треском отламываемых и отживших отростков деревянной плоти поприветствуют озорника.

С неба сыпал шишковый град. Хорошо, что он не из Бразилии, не из Америки, а местный. В Бразилии много любителей запускать с попутными смерчами лягушек. Из Америки шлют доллары. Но пока прилетают доллары, становятся они грязными, потрепанными, мокрыми и никому не нужными (кроме олигофренов) клочками бумаг.

Главные опыты проходят в отсутствие дома родственников.

Время отлучки домочадцев тщательно вычислялось заранее, а порой планировалось и стимулировалось самим Михейшей.

Например, Михейша внезапно заболевал и тогда: «Бабуля, я козьего молочка что—то *прихотел*».

Болезнь внуков для бабушки это святое. Тут бросаются все необязательные дела. Козье молоко Михейша принципиально не пьет, но единственная в округе чужая коза проживает существенно дальше, чем родная корова в стойле, и это выгодно Михейше.

Михейша продолжает ныть: «Болею. Горло дерет».

Медицине ради такого Михейше тоже пришлось поучиться. Благо, тетка его — звать тетя Нина, а в быту просто Нинка, оставила здесь все свои студенческие шпаргалки и десяток книжонок.

Бабушка: «Ох, батюшки—светы! Сейчас сбегая. Потерпи, внучек».

Михейша: «Ах, ох и ой», — вдогонку для правдоподобия.

Или: «Мамуля, тебя дед в школу зовет».

А дед, кроме преподавания черчения, математики, физики, химии, — еще и директор, а еще он — инициатор строительства в Джорке теремка знаний для малолеток. Года четыре назад теремок разросся вширь четырьмя помещениями, накрылся тесом и стал теремом. А точнее: реальной, рациональной, крытой, теплой школой нового образца с заполнением новейшими металлическими арифмометрами гражданина—изобретателя Феликса.

– А что такое? Двойку схлопотал? Почему бы вдвоем дома не поговорить?

– Деда любит официоз.

И это правда. Всё – правда, кроме вымышленной болезни. Даже двойки приходится специально вымучивать и приносить в жертву успеваемости. В журнале у Михейши колы соседствуют с пятаками на равных.

Другой вариант. Мамуля надолго, увешавшись корзинами плетется на Большой рынок. Не тот, что за Бернандини номер один, а еще дальше. А Полиевктовский дом почти на самой границе. Бабка собирается через Кисловку в лес за ягодой, беря с собой изрядную порцию табака и любимую, засмоленную насквозь трубку. Взрослых мужчин дома нет: у них как всегда масса вневедомственных забот.

Как только дом опустевает наверняка, тут начинается военное представление:

– Ленка, все на мази! Тащи нитроглицерин. Где? Он на лоджии... под моим подоконником в щелях и между бревен. Высох. Готов. Ссыпай в мешочки. Сорт первостепенный. Действуй чрезвычайно... Осторожно, Ленка! Мать твою!

– И твою тоже! – огрызается Ленка. Она готовит себя на эсерку Каплан, хотя пока того не знает. И Фанни не знакома с Ленкой, а то пропустила бы Ленку вперед, и сама бы осталась жива.

– Много не бери, хватит осьмушки. У нас в запасе всего пара часов.

Верная сообщница Ленка заворачивает порошок в бумажки и одну вручает Михейше. Бандит и бандитка на цыпочках несутся в огород. Падать и трясти порошок противопоказано любому живому человеку. Мертвому – хоть затрясись. Одноногому и однорукому не рекомендуется: можно потерять остальное...

В городском саду так оно и было пару лет назад. Лишние ноги и руки развесились по веткам будто бельевые тряпицы. Не нашлась голова... Вездесущие озорники принесли в школу оторванные пальцы. Девочек тошнило, а мальчики, найдя ранцы, бросив все хозяйственные и игральные дела, волочили к школе со всей округи, будто сроду пальцев не видели, или сильно соскучились по учебе.

...Минут через двадцать заканчивается подготовка и начинается серия взрывов, похожая на отдаленную канонаду. Еще через пять понемногу начинает рассеиваться дым.

Через следующие пять—десять минут стучат в ворота. Это непременно мсье Фритьофф. Он сосед справа. Мы уже говорили.

А слева – забитая Катка Городовая, частенько восседающая на Дальних Воротах за копеечку. А дома у нее старый отец. Он абсолютно глух. Кстати, и слеп на правый глаз – после одной из кабацких драк. Первое обстоятельство радует особенно. Простите за то Михейшу. И стёкла у соседей какие—то мягкие: приспособленные к любой михейшиной динамике.

Мсье Макар Дементьевич Фритьофф не особенно дружит с головой. Его провести легко.

– Les angelots natal⁹, (тут в середине непередаваемые французские слова), et non si entendaient vous quelque chose comme l'explosion¹⁰?

– Quelle explosion, le grand—père Makar¹¹?

– Moi m., n'oubliez pas¹²...

⁹ – Родные ангелочки (фр.)

¹⁰ ...А не слышали ли вы нечто вроде взрыва? (фр.)

¹¹ – Какой взрыв, деда Макар? (фр.)

¹² – Я мсье, не забывайте... (фр.)

– Грохоток, m. du grand—père Makar. Regardez: le nuage s’est rencontré au loin avec l’autre¹³...

Смотрит. Действительно встретились.

– Je ne murmure pas sur la nature¹⁴, – рассуждает месье Фритьофф, – tout lui est permis¹⁵. Et non direz, gentil¹⁶ (опять абракадабра), не ожидается ли очередное нашествие шаровых молний? Chez moi ma madame des éclairs craint beaucoup. Et je non octroie beaucoup ce phénomène naturel¹⁷. Упомянутые мадамы – это свинюшки Фритьоффа. Но об этом будет сказано где—то ниже.

А явления природы иной раз рожают брат с сестрой. Месье только подозревает в неладном, но ни разу не ловил в деле. На шее у него трофейный бинокль. Но он не помогает: мешают разросшиеся вдоль общей ограды елочки и густые заросли хмеля.

К царевне Софье все это не имеет никакого отношения.

¹³ – Грохоток, месье деда Макар. Смотрите вон: тучка вдали встретилась с другой... (фр.)

¹⁴ – Я не ропщу на природу... (фр.)

¹⁵ – ей позволено все ... (фр.)

¹⁶ – А не скажете, милейшие... (фр.)

¹⁷ У меня мои мадамы молний очень боятся. Да и я не очень—то жалую это явление природы. (фр.)

Шаровая молния

«Гек Ф.: – А пробовал кто—нибудь из вас стрелять в шаровую молнию?»

Марк

(из вычеркнутого Твеном)

Год 1909г. Лето.

Настоящая природная чудо—беда заглянула в дом деда Федота.

Это случилось ровно в тот момент, когда, словно для будущего всеобуча, в дом понаехали гостевать дальние кузены полиевктовской малышни. Вновь прибывших было двое: девочка и мальчик. Между кузенами – тоже Олей и маленьким шкетом Толькой – и уже сбитой группировкой «Ленка, Михейша, Даша и Оля» тут же составилось некое физически разношерстное сообщество. Разобраны они по возрастам, лицам и характерам как разнокалиберные и разноцветные стекляшки на дне калейдоскопа. Нет ни одного камушка одинакового. Но каждый камушек дополнял другого. Собираясь вместе, вертясь босиком на траве, захаживая ежедневно в домашний зверинец, скользя по доскам пола, бегая вверх—вниз по лестницам, звеня ложками в «РВВ» и роняя – кто тарелку, кто ложку, а кто стаканы, они были счастливы. Они были так прекрасны вместе, будто то был ангельский узор божественного на поверку калейдоскопа. Взрослые не могли нарадоваться игрушке.

И что же? Именно в это время, одним из дождливых вечеров, когда, как назло, старших, кроме бабки Авдотьи, дома не было, следовательно, за всей ситуацией трудно было углядеть, где—то совсем рядом громыхнул гром. Дети в тот момент играли кто в «слова—шарады» под предводительством Авдотьи Никифоровны, кто возился с куклами. А кузен Анатолий – картавый, всклокоченный малыш, крепкий и загорелый как сушка, которую он жевал, – раскачивал босой ногой табурет и вспоминал считалку про крыльцо и короля. Он забыл, какой персонаж шел за сапожником.

– Кагхоль, какхалевич, шапожник... кто, кто!? – крикнул он одновременно со вторым, еще более мерзким и страшным раскатом.

Но дети, даже не услышав его, закричали, повскакивали с мест, ринулись со страху кто куда.

– Надо окна закрыть! – гаркнул Михейша. Да так полезно и умно крикнул, как его по предмету грозы учили—погоняли отец с матерью, а тут весьма кстати случился экзамен.

– И двери! – присовокупила Ленка. И сказала так пискляво, и так покойно и несоответственно силе беды, будто она – взрослая – сидела в детском кабаке, а тут случилась драка. А она была сильнее и спокойнее всех. И она просквозила слова через трубочку так спокойно, будто ей абсолютно безразлична вся эта детско—кабацкая паника. Или как будто ей напрочь опостылела бурная, шумная жизнь, И она по законам обычно—драчливого и изредка забавного ковбойского времяпровождения продолжала вместе с не такими уж важными словами испускать розовые коктейлевые пузыри.

Но было уже поздно. В Ресторан Восточного Вокзала величаво и медленно – как гроб первой категории – вплывал без спросу и приглашения томящийся огненно—красным цветом, колеблющийся и потрескивающий искрами то ли полупрозрачный и включенный в небесную электросеть Плафон, то ли приличной астраханской величины огненный арбуз.

Народ догадался тут же.

– Это шаровая молния, – прошептала, остановившись, упершаяся локтями в печь, Оля. И по—взрослому, будто рядом с пожаром, лаконично и по делу заорала: «Люди, беда!»

– Я боюсь, – тут же захныкала Даша. У нее непроизвольно затряслась голова. Чтобы остановить ее, она присела на корточки, схватила косички, закрыла ими накрест лицо и застыла в такой позе.

– Мне страшно, – крикнули схватившиеся друг за дружку Оля и кузина Оля—Кузнечик. И так монолитно и враз, будто заранее сговорились, или всю жизнь желали быть сиаемскими близняшками.

Упала Толькина табуретка: «Лазыщ!» Упал и завертелся по полу надкусанный Анатолием сухарь. И будто сухарь, а не Толька, заорал благим матом: «Шпашайша, кто может!» Панику следовало прекращать.

– Слу—ушай мааа—ю каа—ман—ду! Играем в... в «застынь на ме—е—сте—е»! – Это протяжным и неузнаваемым, нарочито безмятежным, словно привычным к катаклизмам боцманским голосом закричала—забурчала бабуля: « Кто не застынет – я не виновата! Все поняли? Не шевелиться!»

Ее незаметно внешне, но мелко потрясывало изнутри. Потрясывало так мерзопакостно, словно она держалась за оголенный провод с несмертельно мощным, но зато ощутимо неприятным электрическим током.

Дети послушно застыли. Они натренированы лучше всех на улице. Игра в «замри на месте» была знакома, а вот с шаровой молнией раньше никто не виделся. Никто не хотел дружбы со страшным и загадочным незнакомцем—нетопырем.

Авдотья, белая как рояль у батюшки Алексия, и подобно Иисусу на Голгофе, стояла почти неподвижно, сначала по швам, потом медленно вытянув в стороны руки. И, похоже, собиралась в случае беды притянуть шар к себе подобно героическому самоубийце громоводу.

Дети честно играли свою роль. Даша, обе Оли и Анатолий попытались было снова захныкать, но бабушка опять тихо цыкнула.

– Всем молчать – кому говорю! И не дышите, – пригрозила, – накажу строго!

Степенно, не торопя событий, летал по дому и трепыхался светящийся, наполненный внутренней страстью, строгий в наказаниях электрический судья. Он как будто выбирал для расправы жертву.

Побродивши минуты с три, показавшимся детям вечностью, и не найдя в нижних интерьерах ничего интересного, напрочь не заметив онемевших, недышащих детей, шар, еще сильнее колеблясь, нашел невидимую глазу струю воздуха. Заторопился, и по невидимому течению поплыл на второй этаж.

Шло время... Будто вечность растворила в себе Ресторан Восточного Вокзала с полуживыми статуями. На самом деле все заняло минут четыре – пять, не больше.

Вот бабушка Авдотья решилась на подвиг. Она на цыпочках и медленно, словно больное привидение, стронулась, подкралась к лестнице и, держась за перила, стала подниматься наверх.

Через некоторое время оттуда раздался хрипловатый возглас радости и не вполне литературный текст. Оставляем только литературный:

– Ушла тварррюга! Эй! Лю—у—ди! Дети, Оля, Даша, Толик, отбой! Все! Размораживаемся: молнии в доме нет.

– Как нет? Где нет?

– Нет, как не было. Сбежала тварь!

Оказывается, шар нашел приоткрытую дверь на южной галерее и покинул дом на пару со сквозняком.

– Свистать всех наверх! – заорал благим матросским матом Михейша. – Стройся!

– Мишка, брателла, где твой пишталет? У меня три штальных пиштона ошталось!

– Стрелять в шар собрался?

– Толька, дурень ты, не вздумай! Разорвет напрочь! По пуле ток пойдет и каюк тебе. И нам всем.

Полетели наверх, сшибая друг друга со ступеней. Огляделись. Проверили соломенные качалки, цветы в кадках. Целые! И шторы целые и стекла. Выперли на воздух. Посмотрели прижатую в середине дверь.

– И как только в такую щелочку проскочила? – удивляется бабушка.

– Сплющилась тарелкой, – предположила Оля—Кузнечик.

– Он мягкий, я видела, – это Оля.

– У—у—у, тварь! – присвистнул Михейша, поднеся палец к краю двери, – горячая подлюка. Еще чуть бы и пожар!

– Тварrrr! – радуется Анатолий возможности ругаться, – пожар? Ух ты! А где дым? Где дым?

– Ура!

– Победа!

– Мы выиграли войну... то есть игру, – сказала Ленка, – с кого—то причитается.

– Нам баба Авдоша тортик спечет, – догадалась Оля.

– Я хочу с черемухой, – пожелала Оля—Кузнечик.

– Мяу!

– А вот и наша... кошка, – заметила Ленка.

Кошка Манька выкатилась откуда—то из под дивана, распрямилась, взъерошенно выгнула спину и еще раз недовольно мявкнула.

Котенок Шишок взялся неведомо откуда. Взыл, пахнул гарью, пронесся, опрокинув цветочный горшок, и покатил по ступеням. Обрызгал лестницу навозной жижей.

– Что же он съел такого? – удивляются дети.

– Все самое интересное проспала, дурила! – пропел паяцем Михейша и собрался шутиливо пнуть бедное животное женской полонаправленности в мягкие ее, бабьего рода, множественного числа ребра.

Кто—то гладит Маню: «Ма—а—ня, Ма—а—ня—а. Маленькая киса. Ну, и где Маня была? Прошляпила молнию?

Все засмеялись.

– С ее шкуры искры сыплот, – заметил Анатолий.

– Не трогай, ёпом шибанет!

Анатолий отдернул руку.

Опять рассмеялись.

– Бросьте ее мучить, Она и так со страху чуть не обоссалась.

– Михейша, при детях—то...!

– Чего такого необычного сказал?

– Я вам на радостях три разных тортика спеку, – решительно и бесповоротно пообещала баба Авдоша.

– И сверху еще один черемуховый, – озаботилась Оля за Олю—Кузнечика... первый черемуховый она определила себе. – И пирожок с яблоками, – это к утрешнему чаю.

Авдотья Никифоровна, грамотная в подобных природных явлениях, после шаровой оказией сначала успокоила всех, а потом, будто в школе, подробно разжевала детям свойства электрического пузыря. Вспомнила несколько случаев из жизни и один натурально школьный пример. Попутно сокрушаясь, поведала – отчего с ней и с детьми произошла такая великая оплошка.

– Заигралась я с вами, вы такие чудесные детки, а мне так нельзя. Я должна за вас отвечать.

– За всех?

- Конечно за всех.
- И за хороших и за плохих?
- А кто из вас плохой, ну—ка сознавайтесь! Есть плохие?
- Мы никому не расскажем!
- Все *хароршие*, – закричала Даша, – я самая—самая *хароршая*.
- И я! Я как моряк, ничего не испугался, – рассудил Анатолий, – а вы орали как...
- Как кто?
- Как дед Пихто!
- Кхы! – сказала Лена, – как дед Пихто. Кто—нибудь его слышал? Видел? Ну и вот.

Все орали просто как оглашенные и напуганные люди. А потом замолкли...

– Благодаря бабе Авдоше, – стала подлизываться Оля—Кузнечик, – она вовремя смекнула как себя вести.

– Да уж, сообразила. Нашли, кого хвалить. Я самая последняя...

– Кто последняя?

– Не важно. Самая последняя глупая баба, вот кто. Повинюсь перед вашими родителями. Махра я старая, ей богу. Вот кто! Ох и дура! Ну и дура!

Люди замолкли, не ожидая такого поворота. Всем казалось, что они проявили себя героями. Каждый! Впору выдавать ордена.

– Вот клянусь, – крестится баба Авдотья, – чтобы еще раз такое... Нет, нет... допускать такое... вот обошлось же. Господи, господи! Мария богородица, спасибо, не дали... и как можно, нет, нет, нет! Молитесь, детки, что мы не погибли, а могли ведь сгинуть. Бабах и всё! Могли же?

Народ жмет плечами: «Вроде могли, но не погибли ведь: Бог миловал».

– И что никто не пострадал – какое счастье! Все живы!

– Мы живы, живы! – радости нет предела.

– Лена, Оля, Михейша, свечи с комода несите, да тамверху, за серебром, вы знаете, где ложек—вилочек новый набор... Будем Бога с судьбой благодарить.

Зажгли свечи. Помолились: кто во что горазд. Даже засыпающий на ходу Толька. Сели за стол снова. Теперь учиться уму—разуму. Толька уткнулся в стол и тут же заснул.

– Бедный, бедный мальчик, как устал, а как испугался... Бабка погладила его по вихрам—кудрам и вспомнила себя учительницей. Принялась ходить взад—вперед, производя за собой ручной замок.

– Даже при наличии на крыше громоотвода, – объясняла она, – а вы пейте чаек—то, закусывайте перед сном... Шаровой молнии наплевать на громоотвод и на мокрые сосны: это не молния, но он рожден или молнией, или наэлектризованным воздухом... Пейте, пейте. Не горячо ли? Холодной воды, Михейша, принеси—ка девочкам... Сахар вон ломайте, щипчики где?

И в замедленном темпе, как при наговаривании диктанта: «Яркий шар... колеблется... оболочкой... словно мыльный... пузырь...»

– Как так, – рассуждает кто—то, – может это и есть водяной мыльный пузырь, только с током...

– Взвешенное статическое электричество, – утверждает всеядный и всеумный Михейша. – Слышали как потрескивало? Шерстяное одеяло так же трещит. Видели ночью?

Кто—то, действительно видел, а кому—то пришлось пообещать показать. Показали. Для этого пришлось создать темноту и разбудить Тольку.

– Трещищыт! – Ух ты! – Сколько там току? – Ерунда, не убьет. – А щиплет маленько. – Щиплет же, Даша?

Щиплет всех, кроме толстокожей и старшей Ленки. Вернее, она прикинулась толстокожей. Он хотела, как всегда, быть оригинальней всех.

На этот раз известному вралю Михейше Игоревичу поверили. Любитель розыгрышей доказал подозрительные утверждения опытом.

– Продолжим занятие. Или спать?

– Нет!

– Никогда!

– Рано!

Толик снова уткнулся лбом в кашу.

– В лучшем случае... шар улетает... в открытую... Куда?

– Бабуля, ты разве сама не знаешь? – спрашивает удивленная Даша.

– Я экзаменую!

– В форточку, – кричат.

– Тише, Толенька, бедненький мальчик, накувыркался сегодня. Заснул в тарелке. –

И добавила, желая развеселить малышню: «Будто пьяный Кок».

Никто пьяных ни коков, ни кокосов не видел, потому юмора не понял. Отметил только Михейша, потому что он читал «Капитана Блада», а там на пиратских кораблях «квасили» все, не исключая коков—поваров.

– Михейша, неси его в кроватьку.

– Опять я?

– А кто еще тут у нас мужчина? Опять Ленка... Что ли? Ну?

Михейша замычал. Даша с Олей засмеялись, но уже так напряженно, словно силы уже вышли и они сами уже вот—вот попадают со стульев. Оля—Кузнечик неопределенно хмыкнула: даже она иной раз носила брата в кровать.

– Правильно, в форточку... Откуда и приходит чаще всего... либо в другое отверстие... В какое, дети? Ну, кто ответит?

– В подходящее по размеру...

– И где есть сквозняк.

– В задницу, – сам себе под нос сострил проснувшийся в очередной раз Толька, не пожелав опубликовать громче. И непозволительно злорадно засмеялся, представив как из задницы сестры тонкой струей появляется и раздувается в пузырь шаровая молния.

Все равно услышали: «Вот ты и есть пьяный Кок! Съел?»

– Правильно. – И уже быстро, почуяв, как надоела: – Страшный шар он может что? – И сама отвечала: – Взорваться сможет, наткнувшись на препятствие, а может и просто поиграть—пожалеть, не затронув смертью никого. Дети, а что нужно закрывать в случае грозы?

– Окна, двери, форточки...

– Трубу, заслонку, подпол!

– Как же подпол! Как туда молния залезет?

– Там дырочка есть.

– Точно есть, ее еще на зиму затыкают.

– Задницу заткнуть, – совсем осмелел Толик.

– Накажу! – прекращает бабушка дебаты.

– А как накажешь, бабуль?

Дети желают схватить, повалить, связать и наказать гнусного шутника. Но не получается: все руки заняты: они держатся за животы.

Дети многое знают, не взирая на возраст. Но! Учить малых детей осторожности все равно, что предупреждать цыплят. И снова учеба.

– И те – детки неразумные, – говорит учительница менторским тоном, – и другие. Цыплята – еще хуже детей. Сами бросаются под ноги. За ними нужен глаз да глаз. Это опасно. Одни играть хотят, клюя сандалии. Другие что? А только играть и целовать... Кто? Кого?

– Мы – цыплят.

– Они на пуховые шарики похожи, – заметила Оля—Кузнечик.

– Ленка: – А помните как Даша... сразу двоих...?

Это сказано зря. Даже ради учебы зря. Даша мгновенно заплакала: «Я не виновата—я, они сами—и—и, а—а—а!»

– Я и говорю: никто не виноват, случайность, а вот ведь как выходит иной раз...

Цыплячи души

*«... Я и говорю: никто не виноват, случайность,
а вот ведь как выходит иной раз...»*

– Ой, откуда эпиграф?

Да, было и такое в жизни дома в самом начале нынешнего лета.

Сначала над цыплятами нависла подошва сандалии величиной с цыплячье небо. Потом небо опустилось. Раздался слабый хрусток, а потом округу потряс невообразимый Дашин вой.

От цыплят остались две маленькие, бесформенные грудки, чуть ли не кашица. Был и плач, и рыданий хватало на всех.

Ревмя ревели Даша с двумя Олями. Толик, надув через нос глаза, молчал в стороне: ему не положено ни плакать, ни, тем более, рыдать, ведь он – мужчина. Из глаз брызнули и залили очки вовсе не слезы, а выжимки, сусло, издержки принципиально нечувствительной скупоści.

И поначалу печалилась вся ребячья гурьба. А потом случились, как водится в таких случаях, похороны малых божьих созданий. Вместо гробов применились вместительные, на целую роту цыплят (в будущем – груз двести... стоп, забыли, это кошунство!) ... спичечные коробки «Swenska Faari».

Процессион! Процессион! Ура, мы устроим шикарные похороны! Умчали в огород организовывать Процессию Прощания, Прощения, Пращувания. Что значит *пращувание*? Никто не знает. Может выпускание камней из пращи? Украинцы поправят, если что. А наши русские люди взялись за дело с азартом неоспоримого «авося».

Церковь, траурный зал, кладбище и поминки расположены в одном месте. Это берег Кисловки. Совсем неподалеку от взрывного полигона.

Церковь, а в нем траурный зал.

– Панихиду надо бы...

– Кто будет поп?

– Не поп, а священник.

– Ему панагею или ризу следует...

Оля сбегала и за тем и за другим. Это вафельное полотенце и мамкина шаль.

– Корону!

Принесли известную уже всему миру Сорбоннскую корону.

– Я чур, с кадилом.

– Пороху принести?

– С ума стронулся, Михейша! Ты чего! Это же не... Молчи!

Детям не положено знать увлечения старших.

Соорудили кадило. Собственно мастерил Михейша из подручных заготовок, а остальные только мешали. Полуделом занималась только Даша, которая принесла совок – без совка бы не обошлись – и Толька. Толька принес из сарая лопату. Без нее тоже бы не состоялось. А кадило это – ржавая железная банка от американской тушенки, на крышке которой Ленкой когда-то был нарисован абрикос, похожий на бычье сердце, а бабкой сбоку сначала было написано «варенье», а потом зачеркнуто, оторвано, насколько хватило умения, и приклеена бумажка «томаты» (ну куда без этих проклятых мерикосов!) ... Съели абрикосы – помидоры. В дне гвоздем пробили дырки. Приделали проволочную ручку. Засыпали банку

сухими листьями и иголками. Полыхнуло. Пожелтела этикетка. Невкусно пахнет. Затушили. Задумались.

— Ленка, носи духи... или одеколон.

Принесла Ленка того и другого, чтобы дважды не бегать. Прыснули в банку, не жалея ни Одеколону номер три, ни Красной Москвы с Кремлем. Словом, напрыскали от души. Что это? Из дырок потек жидкий самоделошный елей.

— Цыплята того заслужили.

Зажгли. Вспыхнуло в кадиле так, что полыхнуло шибче первого раза. Второе кадило упало, рассыпав огонь по траве.

И отпали, сначала порыжев и завившись, брови у Толика.

— Туши пожар.

Принесли, зачерпнув ладошами кисловской воды. Затоптали следы пожара сандалиями. По толькиному лбу прошлись мокрыми ладошками.

— Не больно?

— Я фак Фанна фэ Арк.

— Повторяем.

Повторили. Снова засыпали листьями и иголками.

— Капельку, Ленка.

— Поджигай.

Подожгли. Пока горело, советовались.

— Молитву надо. Знаете молитву?

— Я знаю.

— Ну ка!

— Еже еси на небеси... э—э—э.

— А дальше?

— Дальше не помню.

— Эх!

Безбровая Фанна фэ Арк ходит кругами в «шальной» панагее вокруг шведских спичек с цыплятами, трясет кадилом: «Еже еси на небеси, э—э—э эх, еже еси на небеси, э—э—э эх, еже еси на...»

— Хорош! Неправильно! Ленка, дураки мы!

— Почему?

— Тащи «Патриархов и Пророков». Что на твоей полке у деда. Второй ряд, третий пролет от двери.

— Тьфу, точно.

Принесла. Это не молитвенник, но тоже сойдет.

— Толька, читай!

— Я шэ фэ умэу, — сказал Толька и заплакал: теперь у него *кадилу* заберут.

— Не плачь. Ты ходи, как ходил, у тебя здорово выходит, а Ленка будет читать.

— А что читать?

— Ткни пальцем, а что выпадет, то и читай.

Но все захотели тоже ткнуть пальцем. Решили, что пальцем ткнет каждый, а читать будет только Ленка: она самая старшая, а главное, что Ленка может с выражением.

Кинули на пальцах, кто будет тыкать первым. Выпало Ольке Маленькой. Полистав книженцию, Олька закрыла глаза и наугад ткнула в серединку.

Ленка, подбоченясь и натянув маску страдальцы:

— Людям, которые говорят о своей любви к Богу, надо подобно древним патриархам, сооружать жерт... тьфу... жа.. жерт—вен—ник Господу там, где они раскидывают свои шатры...

– Луды, надо шатор шделать и жарт—фу принэсти, – отвлекся от кадильного дела Толик. Он понял жертву, как производное от жратвы.

– Обойдется, это не про нас...

– Про нас, про нас, – заорали обе Оли, – цыплятам надо жарт—ву...

Принесли жертву—жартву. Это были преотличнейшие, но остывшие домашние пельмени с обеденного стола. Съели жертву.

– И никаких шатров!

– Ладно.

– А вы тихонько подпойте вот так, – подсказал Михейша девочкам: «А—а—а, у—у—у».

Так всегда за хорами три подъячие старушки поют.

Послушницы мигом выстроились за хорами и запели «А—а—а, у—у—у».

– Не сейчас, а когда Ленка продолжит читать.

Ткнула в книгу одна из подъячих старушек. Она была следующей в очереди.

– Сарра, находясь в преклонном возрасте, думала, что ей невозможно иметь детей, и для того, чтобы Божественный план исполнился, она предложила Аврааму взять в качестве второй жены ее служанку...

Тут дети насторожились и наострили уши. Ленка не замечая повышенного интереса продолжала:

– Многоженство так широко распространилось, что не считалось грехом, но тем не менее...

– Олька, шмени меня, – сказал Толик, – я малэнко подуштал.

Даша выскочила первой: «Я хачу, мне шальку отдай».

Отдали Даше панагию и ризу.

– ...тем не менее это не было нарушением Закона Божьего, которое роковым образом сказалось на святости и покое семейных отношений. Брак Авраама с Агарью...

– Это первые за Адамом евреи специально для себя так придумали..., – шепчет Михейша Оле—Кузнечнику, – они сначала оплошали, а потом поменяли в Библии слова, понимаешь...

Но Оля не понимает или не старается понимать, потому что она решила понять максимум о многоженстве...

– Лена, а что такое много жёнства? У моего папы только мама, а еще Лушка—поломойка, так это что у нас тогда, много жёнства или как?

– Мы тут не лекцию читаем, – зло сказала Ленка. – У нас отпевание, поняла!

– Поняла, но все равно интересно...

– Я тебе потом разъясню, – сказал ей Михейша, – потом, отдельно. Малышне это нельзя знать...

Выкопали ямку, погрузили в нее гроб. Бросили по горсти песка. Зарыли. Взгромоздили холм. Воткнули ветку. Обложили венками. Красиво!

– Так положено.

– Помолиться теперь надо и медленно, опустив головы и сморкаясь в платочек, отходить.

– У мэна нэт платка, – сказал Толик.

– Просто сморкайся.

– Ф! Ф! Ф—ф—ф!

– А надо было головой на восток класть, – сказал кто—то запоздало.

– Там не разобрать, – грустно подметила Оля младшая, вспомнив недавнюю картинку цыплячьего раздавления.

- Мы гроб правильно расположили, а с головами они сами как—нибудь...
- А могилку весной подмоет Кисловка, – грустно сказала Оля—Кузнечик.
- Ш—ш—ш, – цыкнул Михейша, – без выводов, я сам уже про это подумал. Теперь поздно. Это будет кошунство над погребением. Над погребениями даже доходные дома нельзя ставить.
- А что так?
- Рухнут! Говорю, что это кошунство.
- А у нас дак...
- У вас так, а у нас эдак. Нельзя. Только сады можно и то только лет через сто. Понимаешь, души нельзя тревожить, а они летают сто лет. Если дом построить, то сны будут плохие и самоубийства увеличатся...
- А—а—а. А души из них (цыпляют) уже выскочили?
- Вроде да.
- Хотя какие у цыпляют могут быть души. Разве—что цыплячи.
- Души летают?
- Вроде того.
- Цыплята как пишутся?
- В виде исключения через «ы».
- А души через «ы»?
- Тут как раз через «и».
- Очень странно, что для цыплячьих душ не сделано исключения.

К поминкам народу прибавилось. Пронюхали соседские мальчишки—рыбаки и пришли на дымок. Никто и не выгонял. Чем больше народу на похоронах, тем значимей покойник. На песнопение приперлась растрепанная и как всегда голодная соседка Катька Городовая. Она уже взрослая наравне с Ленкой. Стояла молча, скрестив руки, и, кажется, не произнесла ни слова, вспоминая не такое уж далекое погребение матери. Задумчиво уминала коврижку, принесенную добрососедской и хозяйственной Ленкой.

В конце поминок был десерт: стебли одуванчиков (в них горькое молоко – самое то для похорон) и дамские *калачики* (их росло навалом). Вместо крепкого напитка пилась чистейшая кисловская вода, налитая в свернутые листы подорожника. Приглашенные приносили с собой сучки и сухие шишки. Разводили костер. Костром руководили Михейша с Ленкой: уж они—то эти преступные дела хорошо знали. Сбегали за ложками и через полчаса уже черпали уху, наспех, но вкусно сооруженную мальчишками—рыбаками – Петькой и Квашней.

Завершался ритуал дикими танцами, прыжками, огненными манипуляциями. Напоследок в Кисловку запускались лодчонки, сделанные из коры, щепок и газет. Суденышки посыпались доверху лепестками ромашек и красотой анютиных глазок.

Как прекрасна игра! Как прекрасны цыплячи похороны! Реинкарнация побеждена: вечное им блаженство!

Первые пробившие темноту звезды обозначили конец погребального шабаша.

Шум поубавился.

Детям начинала надоедать беготня.

Только прикорнул и заснул на лопате.

Все пожелали сидеть на травке у гаснувшего костра, который постоянно требовал пищи. Кидали в речку камни, пускали блинчики. Михейша был впереди планеты всей. У него выпало восемь блинчиков, а у Петьки только шесть. После считали смешно вытягивающиеся в воздух носы пескарей и слушали задушевную песню зяблика.

– Рыб ловить и их кушать это преступление? – спросила Оля—Кузнечик.

– Они сами мошек едят. Значит, они преступники, а мы их наказываем и заодно приносим себе пользу.

– Клев вечерний! – заметили рыбаки.

– Шикарный клев!

– Не положено так сразу, можно только на девять дней говеть.

– Долго ждать. Давайте сейчас.

– Может забросить удочки, а поутру снять?

Забросили. Но тут же начался дикий клев, выдергивание рыб и снятие их с крючка; и пацанов было уже от воды не оттащить.

Дети готовы были дрожать хоть до утра, щупать скользких пескарей с их смешно шевелящимися ротиками—воронками, и слушать—слушать, пуча в темноту и в угли глаза, черные—пречерные Михейшины и Ленкины бытовые рассказы и кладбищенские байки, где полно бесов, ведьм и нечистых.

Катька тоже внесла лепту, рассказав про бешенную корову и как к ней на рога наделся далекий и гордый испанский тореро. У тореро была жена, которая с горя, или сойдя с ума, переделалась в юношу и тоже стала *торерой*. Первой среди всех женщин Испании.

Михейше Катькина история понравилась и он решил когда—нибудь написать про этого бедного тореро книжку с картинками и вставить туда побольше эпизодов про любовь.

Толик периодически падал, поднимался и снова седлал лопату.

В его отрывочном сне, будто из понатыканных на каждом шагу паноптикумов тянулись окровавленные, обмотанные червяками и объединенные пескарями руки.

А для других – бодрствующих – чудилось как с их чердаков и подполий этой же ночью вымахнут вампиры с двухметровым размахом крыльев, а из—под карнизов разом выпадут и затмят звездное небо несчетные стаи летучих мышей.

– Всем домой! – кричали со дворов.

Округу заплетал ворчливый лай собак, в дрянную музыку эту вслушивался разбуженный соседский бычок и добавлял недовольных басов.

Толпа малоростков рассыпалась радостная и впрок возбужденная замечательным вечером, проведенном по всем похоронным правилам.

Откланивались за воротами.

Попрощалась наконец—то по человечески угрюмая Катька. Пожелала доброй ночи без вампиров и ведьм. Застала момент, когда спящий на ходу Толька чисто по заведенной привычке, игриво и для добавления прощального кайфа дернул легко одетую сеструху Олю—Кузнечика за раздутые пухиком трусы, отчего в темноте высветилась белая полоска сочной Олькиной мягкости.

Ребята – из тех, кто заметил – засмеялись.

Девчонки возмутились. Больше всех Катька. Кузнечик взбрыкнул, отпустил кому надо затрещину и, не попрощавшись как положено, умчал к дому. На то она и Оля—Кузнечик, а не Оля—простокваша.

Михейша поутру расставит виноватых по заслугам. Он заранее придумал Толику кару: Толик будет завтра... шкурить калитку рашилем, а потом мохричь ее щеткой до состояния дикобраза. Во!

Тишина. На крыльце перешептывались взрослые. В верхних окнах попеременно зажигались ночники. Бабка докуривала перед сном трубку и выговаривала что—то тихо—претихо маме Марии. Дед Федот прикрывал ставенку от прокрадывания в спальню ночной свежести.

Испортили почин: «Не надо баню тут городить, ночью испаримся!»

Вот так тебе и самый главный генерал!

Души погибших цыплят довольны. Редко кто из отряда куриноголовых так славно заканчивал жизнь!

Бомбёры и месье Фритьофф

1914 год.

28 июня в Сараево сербским террористом убит наследник австро—венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд...

1 июля в России объявлена всеобщая мобилизация.

1 августа германский посол в России вручил российскому министру иностранных дел ноту с объявлением войны.

...На следующий день после вступления России в войну на Дворцовой площади собрались тысячи людей, чтобы поприветствовать Николая II. Император поклялся на Евангелии, что не подпишет мира, пока хоть один враг будет находиться на русской земле, а затем появился перед народом на балконе Зимнего дворца.

Тысячи людей встали на колени перед императором и с воодушевлением пели «Боже, царя храни...»

На волне противостояния с немцем и необходимости защиты братьев—славян, а также с учетом наличия в названии столицы немецких буквосочетаний, Петербург вдруг неожиданно для петербуржцев, а с другой стороны вполне закономерно для истории, стал Петроградом.

В космосе, изрыгая магнетизм, показалась новая неизвестная комета величиной в Берлин и летящая вроде прямо на 53—ю широту. А широта эта известна не только своим размахом, и пересечением всех континентов, исключая Австралию, которую, если бы нормально мыслить, вполне бы можно было отнести к острову. Широта отличается близостью к Шелковому пути. Но, самое главное, тем, что именно на этой пятьдесят третьей параллели проживала Михейшина семья. Радостного в этом для Полиевковых совсем мало.

Доказательство: объявлена всеобщая мобилизация и сильно запахло жареным, а также и всеми теми ингредиентами смятения, что выплывают накануне всякой войны и приземлении кометы: порох, керосин, дрова, голод, бинты, йод, кожа чемоданов и призывы в Красный Крест.

Только в далекой и потому независимой Джорке пахнет по—прежнему: навозом и дымом котелен.

Пахнет по—особому и в доме деда Федота.

Ржаного цвета бутерброд, откромсанный по периметру и с привкусом жженных кувшинок, примостился среди настольных экспонатов библиотечного царства.

Рядом дымится чашка кофею, и от него тоже прет нюфаром¹⁸.

— Ну и бабуля! Опять намесила смертельного приговора!

В центре помещения, высунув язык и надвинувши на затылок картуз с высоким, синим и достаточно потертым околышком, пристроился уже знакомый нам озабоченный молодой человек годков восемнадцати. Михейша, или по правильному, Михаил Игоревич Полиевков — Большой Брат, увеличенный временем, поставивший сам себя в такую позицию Секретный Брат. Или просто брат уже упомянутых особ с бантиками.

¹⁸ Нюфар лютеум (*Nuphar luteum*) — желтая кувшинка. Поджаренные семена, начиная с древности, употребляют как кофе.

Убежав от сестер по возрасту, он, кажется, забыл выбросить из закров души привычки детства. И, кажется, определившись и самоосознав себя, застенялся знакомства и родства с глупыми еще и по—деревенски скроенными младшими сестрицами.

Он в гражданской одежде, сшитой далеко не в роскошном Вильно, откуда он недавно прибыл: жилет из черного крепа, расстегнутая и намеком покрахмаленная рубашка, сбитый в сторону самовязный шейный аксессуар.

Галстук дорог на вид, но лоск на нем чисто наживной. Образовался он по причине чуть ли не ежеминутного ощупывания его, выправления и приглаживания перед зеркалом и без оногo. Блеск усиливается во время обеденного застолья, завтрака и ужина, в пору пластилиновой и глиняной лепки, в полном соответствии с немытостью рук и... Скажем еще прямее, — закрепился он окончательно по причине напускной творческой запущенности себя самого в целом, неотъемлемо включая детали.

Завершает описание внешности полутаежного денди тускло—зеленый, художественно помятый сюртук с черными отворотами. Как дальний и отвергнутый родственник всего показного великолепия, сейчас он апатично свисает с деревянного кронштейна, украшенного резными набалдашниками и напоминающими своей формой переросшие луковицы экзотического растения, — то ли китайского чеснока, то ли корней североморских гладиолусов, удивительным образом прижившихся в сибирской глухомани.

Рассеянность и острейший ум, направленные по молодости не на целое, а на ароматные детали, являются органическим продолжением облика юноши и направляют всеми его поступками.

Михейша только что вернулся с практики. Скинув штiblеты, натертые желтым кремом, совершенно неуместным в здешней летней пыли, и, заменив их домашними тихохонками—бабушами, он первым делом осведомился о дедушке.

— Деда дома?

— Нет его. Уехал в Ёкск.

— А зачем?

— А тебе почем знать? — посмеивается бабка, — нечто сможешь месторождением бензина помочь? Или на тебя ёкчане топливный кран переписали?

— Бензин делают из нефти, бабуля.

— Это вопрос или утверждение?

— А то сама не знаешь! Смеешься, да?

— Как знать. Может, нефть сделана из бензина. Под землей разве видно?

— Вот черт! Запудрила мозги.

Обнаружив полное отсутствие хозяина и разумной мысли у бабы Авдоши... или наоборот... а, все равно... Словом, Михейша ринулся в Кабинет.

Он водрузил колени в важное дедово кресло, обтянутое потертой кожей крапчатой царевны, подросшей в лягушачестве и остепенившейся, оставшись вечной девой, не снеся ни икринки, ни испытав радостей постельной любви с Иванодурачком — боярским сыном. До сих пор тот скулит где—то на болотах в поисках небрежно отправленной стрелы.

Михейша облокотился на столешницу, подпертую башнеобразными ногами, зараженными индийской слоновьей болезнью посередине, и с базедовым верхом, привезенным с Суматры. В столешнице пропилена круглая музейная дырка, накрытая стеклом от иллюминатора с рухнувшего Цепеллина. Под стеклом светятся фосфорные Дашины зубки. Привинчена назидательная бронзовая табличка «Итоги качания на люстре!»

Михейша сдвинул в сторону кипу мешающих дедовых бумаг. Вынул и постранично разбирает хрустящие нумера прессы.

Газета с неорусскими буквами, — страниц в тридцать шесть, — растеряла от долготы пересылки естественную маркость, типографский запах и пластичность газетной целлю-

лозы. Любую прессу, приползшую сюда черепашими стежками, здесь называют не свежей, а последней.

В номере уже имеются дедушкины пометы в виде краснобумажных, вставленных на скрепы листков, и имеются отцовские. Эти – синие.

Михейше, читающему с измальства, тогда еще, благодаря бабушкиному покровительству, доверили вставлять в газетки вместо привычных взрослых вставшей листы растительного происхождения: с бузины, березы, осины. Всё дозволено, кроме запрещенного. Возбранен тополь. Его листья клейкие и марки.

Возвращаемся к горячим и долголетне совершаемым проказам.

Вонючие, но невзрывоопасные опыты проводятся также на лоджии, это под самой крышей. Это сдвоенная, не разделенная границами, лоджия Михейши и его старшей сестры. При такой планировке удобно подглядывать и подбрасывать в окна дохлых, задохнувшихся пылью гадюк! Кто кормил гадюк пылью – история умалчивает. Но мы—то с вами догадываемся, верно? Каждая гадюка, хоть зоологическая, хоть политическая, заслуживает страшной смерти в мучениях. Каждая гадюка точно знает, как больно становится тем, кого она удостаивает почести быть ею укушенным.

Ленку уговорить легко. Она сама падка на такого рода «фейерверные» развлечения. Но Михейша здесь играет главную роль, он – идейный руководитель, химик и исполнитель, а Ленка – всего—то навсего – назначенная «осторожница» и санитарка.

Осторожница Ленка Михейшу не только не продаст, но еще и прикроет с самыми нужными интонациями. Еще и алиби придумает: мы только что (кто бы поверил, но верят) с братиком из лесу вернулись, вот что – набрали клюквы; вот корзинка (вчерашнего дня), но вы сегодня туда (неведомо куда) не ходите, «там» (неизвестно где расположено это «там») туман и комарье; смотрите, как нас покусали, а покусаны Ленка с Михейшей всегда.

Ветер Розы – Роза Ветров¹⁹ разносит чумовато едкие запахи по всем сторонам света. Западный ветер несет запашок вдоль почти что глухой стены родительского дома, потому родственникам он не мешает, а северный...

Соседский север – это не север Фритьофа Нансена. На нашем доморощенном севере живет Макар Фритьофф с двумя «Ф» в конце фамилии и одной – в начале. Это что—то!

В понимании Михейши, жизнь соседа Фритьоффа – это отдельная песня – короткая и бесшабашно длинная, печальная и одновременно разудалая песня. Как у преступников и героев далеких Соловков.

Северный сосед – это упомянутый уже курносый и рябой, крайне застенчивый и с мелко дрожащей головой от когда пронзившей насквозь все ее нервы вражеской пулей, отставной полковник Макар Дементьевич Нещадный. Он помнит еще цветные вышитые погоны, и захватил переодевание армии в зеленое, безрюшечное, простецкое одевалово.

У него клочковатая прическа, прихваченная в нужных ему местах китайской нитью, которую теперь и прической—то по большому счету назвать нельзя: какое нам дело до немодных китайских причесок? Прическа это вам не шкаф и не швейная машинка. Вот с этого и начинается дурь! А еще он носит данную ему дедом Федотом занятную кличку

¹⁹ Роза ветров (для совсем неграмотных) – принятая в некоторых областях знаний диаграмма преобладающих ветров для разных времен года в определенной части Земли.

«Фритьофф – нхт в дышло, найн в оглоблю офф». Вот это уже совсем в точку, и похоже оно на веселую в смеси с сермяжиной правду.

Этот увлеченный человек занят выводом свиной породы, излучающей приятный запах навоза. На этом деле он надеется разбогатеть и поправить свои дела, пошатнувшиеся после развода с хозяйственной, умной, но, в некотором роде, и чисто лишь по его мнению, блудливой женой.

Слегка взбалмошная, абсолютно верная, но, как водится в высылочных полудеревнях, – флиртующая до определенной черты – жена отставного месье—полковника по книжному имясочетанию Софья Алексеевна при разводе сработала классически.

Вот как дело было:

Во—первых, отобрала у мужа половину пенсии, а также все внутреннюю меблировку, кухонное серебро, сервантные и потолочные хрустали. В новую жизнь взяла обветшалый, но со вкусом собранный и еще годящийся на переделки женский гардероб.

Во—вторых, не поставив в известность мужа, неглупая Софья прихватила половину общих накоплений в виде пары рулончиков ассигнаций. Ассигнации свернуты в немалые диаметры и перевязаны по моднобанковски каучуковыми тесемками.

В—третьих, не пересчитывая, Софья забрала, все золотые, чеканенные еще царицей монеты: в Питерах, видите ли, они ей нужнее. Чтобы *правильную* квартиру арендовать. В общий улов – десяток коробочек с украшениями, нажитыми во время довоенно теплящейся любви. В то число входят мелкие боевые трофеи женской направленности, взятые напрокат у турков, сербов и греков – всё золотого оттенка.

Успешно потратив оставшиеся накопления, Макар Дементьевич вовсе не растерялся. Отсутствие жены простимулировало дремлющую до поры диковинную предприимчивость: Фритьофф активно занялся упомянутой наукой селекции.

Он активно коллекционирует и сортирует результаты. Хранит их для потомства вполне надлежаще: в никелированных медицинских ванночках, с подписями на крышках, все подписи, как полагается, сделаны на латыни. Баночки и ванны составляют штабелями в лабаз со льдом.

Экспериментирует Фритьофф в белом, облицованном изнутри керамикой и обвешанном цветастыми лоскутными занавесками, сарае, по четкости планировки больше похожим на казармы для младшего военного состава.

Он умело дрессирует питомцев... – Питомцев? Да, да, да, кажется, мы уже об этом говорили. Помните «*питонцев*» Даши и Оли на... nn—ой странице?

...Короче, показывает им, любимым, музыку. Кормит цветами – преимущественно геранью, а по сезонной возможности розами и сибирским виноградом. Для всего этого лабораторного умопомрачения старик—месье Макар содержит спецоранжерейку. Имеются: плодово—цветочный сад, огород и Пристойный Двор для *приличного* выгула.

Моется сие привилегированное стадо в уличном душе. Давление в шланге создает странный прибор с инерционным штурвалом – он же мотор. Кто банщик и по совместительству механик – отдельно представлять не надо.

Спать своих воспитанников Макар кладет на нары. Нары больше похожи на среднего класса кровати *an ein persons* с частой решеткой, будто бы защищающей от расползания младенцев.

В свинюшкины спальни проведено отопление.

Скотный селекторско—колледжный двор Макара Дементьевича сплошь замощен деревянным настилом и выскоблен до палубного блеска. Провинившихся свиних учеников и службистов, ненароком и не со зла, а ради шутки нагавивших в парадном дворе, Макар Дементьевич, невзирая на юмор, на ранги и половую принадлежность, наказывает запира-нием в гауптвахте. И в дополнение – лишением чесательных льгот.

Живет дедушка Макар практически за счет сдачи на убой тех, и лишь только тех возвышенных животных, кто не прошел экзамен по «Основам спартанского этикета», а также тех, кто купился на простейших «Десяти признаках испорченной аристократии». Первый признак там (извините): «германцы и римляне выпускают газы во время обеда, а в Октоберфест облегчаются по малому под стол».

Надобно ли с сожалением констатировать, что на «пятерку» пока еще никто не сдал? Форменно никто. Зачем тогда их держать? Поэтому в небольшом, но достаточном количестве медные деньги и серебро у полковника водились.

На дедушку месье, кстати, не похож: полковник выглядит гораздо моложе своих пятидесяти пяти лет. Дряхление прекратилось благодаря давней пуле (мы говорили, повторяем для невнимательных), усыпившей каких—то специальных мозговых деятельниц—клеток и отвечавших за упомянутую отрасль старения.

«В люди», а, точнее, в циркачи с придачей небольшого, пошитого индивидуально военного гардероба, выбилась лишь пара наиболее способных и философски настроенных, думающих о своей карьере хорошистов.

По причине всех перечисленных странностей соседа—селекционера весьма слабые ароматы Михейшиного производства, несущиеся с чужой лоджии, Фритьоффу не только не страшны, а даже, напротив, по—своему интересны и даже извращенно приятны на запах.

Как—то раз Фритьофф рассказал о своих целях, посетовал на свои крайне медленно растущие естественно—технические достижения, выделив и похвалив при этом некоторых отличившихся чушек за музыкально—танцевальные способности. Затем осведомился на предмет коллективизации научной работы и защиты совместной диссертации. Обещал при удачном стечении подарить соседям свиноматку, одаривающую симпотными розанчиками.

Михейша, уважая научный склад ума и неиссякаемое трудолюбие Макара—Фритьоффа – почти академика данного жанра научных изысканий – сотрудничать в таком ключе наотрез отказался.

– Ну и зря, милостивый государь, – журил полковник, – а ваши—то свиньи совершенно обыкновенны и чахлы, словно солдаты после годовой муштры... в азиатчине. Уж я – то точно знаю азиатскую породу. Плюнь на них, травокурящих, и рассыплются.

Обиделся Фритьофф, заподозрив полиектовских свиней в болезнях, которые того и гляди, как вши или тараканы переползут через ограду в его какающий исключительно розами колледж.

– И вы... а чем вы своих кормите, позвольте спросить? Неужто обыкновенной травой и гадостными отрубями? Сплошь ненавижу отруби. Это гниль, позор, научение свиней противоестеству и грязи. Свинюшки, даже не считая деточек, – это само собой должно быть понятным – должны быть розовыми и чистыми всегда. Повторяю по слогам: всег—да! Это в России—матушке так повелось: в грязи, голоде и нищете бедных животных выращивать. *Le peuple tromperont par la pratique des barbares sauvages*²⁰. А в цивилизации так не делается. Помяните мое слово: пройдет время и даже в России поймут правила обхождения с обижаемыми сегодня домашними животными. А вы посмотрите только на их хвостики: какие они нежные и беззащитные. Дрожат по доверчивости и от любви. Каждому человеку бы по такому хвостику, и, глядишь, не было б в человечестве войн.

Михейша от этакой гениально—пацифистской панацеи нашелся не сразу.

– Зато ваши – словно кокотки на конголезском параде, – затанув с ответом, съязвил Михейша, хотя не имел возрастного права на такой сомнительного качества комплимент. – А кормим мы, как и все нормальные... то есть как другие люди. И причем на летнем коллек-

²⁰ *Народ обманут практикой диких варваров. (фр.)*

тивном выгуле, а не дома. Свинюшкам, пребывая только дома, скучно. Мы за это платим, а людям от этого хорошо. У нас деньги есть, а у кого—то не хватает. Простите, месье Макар. Это их выбор — дедули и бабушки. А Ваше предпочтительное право — поступать так, как Вам заблагорассудится. Вы же их по—другому любите, нежели неаристократы... И во Франциях мои не бывали. Только в Англиях... Это, правда, островки, но—таки настоящее государство. У них и флот свой...

— Это верно. Настоящих аристократов теперь не водится... — перебил Михейшин предвыборный, английский спич Макар Дементьевич Фритьофф (он—то француз!), — ну разве что, все—таки исключая ваших батюшку с матушкой. Хотя они и не дворяне... Ну, и дедов ваших, включая Авдотью Никифоровну. Хотя, от аристократов, пожалуй, у вас только бабка, если я правильно запомнил вашу родословную, и поелику теперь имею право рассуждать. А остальные — папан и маман ваши — просто благородные и грамотные... простите, весьма грамотные, замечательные и забавнейшие — в смысле, извиняюсь еще раз, интересные — люди. Федот — дед ваш — тоже пригож. Умный человек. Деятель, как сейчас говорят. Меценат в некотором смысле. Хотя и терпит убытки. Не люблю транжиров. Но тут случай особый. Выходит, я его люблю. Так—с, да, выходит по логике?

— Я тоже деда люблю. Можно сказать, обожаю и уважаю, — воодушевился Михейша.

— *Je ne vais pas blesser vos commentaires sincères?*²¹

— Нет, все в точку.

— Простите, что неумело выражаюсь, — продолжил Макар. — *Ce que j'ai sept portes, tout est dans le jardin*²². А для вас, для вашей возвышенной честной семейки существует другая пословица. Великолепная пословица... Правда, не припомню подходящей—с. *Excusez—moi, monsieur généreusement. Pardon. J'esuis désolé. Oui*²³.

— Да нет, так оно и есть, — подтвердил Михейша, немного вспомнив французский и не вполне уверив себя в точности перевода, смутившись и позавидовав семейке, — специальной такой пословицы для нас вспоминать не надо.

Ему хотелось, чтобы Фритьофф дополнительно отметил и его — Михейшину склонность к наукам и умению правильно, а, главное, вовремя, светски приодеться. Но, видимо, людям не принято говорить в лицо сладкой правды такой высоты.

Про кормление свиней Михейша более того, что уже сказал, ничего не знал, потому отзывчиво, от глубины сердца добавил:

— Отдайте своих мадемуазелей и прочих их женихов на воспитание Николке—Коню. Конечно, если Вам тяжело самому и Вы не справляетесь. У Вас их сколько? Не меньше пары десятков, так ведь? Или вот, хотя бы проконсультируйтесь у него... Он с пастушьим делом хорошенько знаком.

Ответ Фритьоффа Михейшу поставил в тупик. А сказал Фритьофф буквально ниже следующее.

— Я, сударь милый мой, этому неотесанному человеку, пусть он и лучший в мире пастух, своих воспитанников и воспитанниц не отдам ни в какую — хоть вы меня на бутерброды порежьте. В кого он моих превратит? В пустую скотину? Грязью намажет, заставит найти самую подлую колею и помчит, и попрет по ней. Не—е—ет. Не годится мне такой коленкор. Я их держу в мундирчиках и кофточках модельной выделки, пусть и по моим не вполне уверенным эскизикам... да ведь вот и матушка ваша поучаствовала в одевании мамзелей и офицеригов моих. Вот же какая сердобольная у вас матушка! А вкус какой отменный. Вот Ваша фуражечка на Вас... ведь она тоже в ее мастерской сделана. И глядите же: она будто бы

²¹ Я вас не обидел своими искренними замечаниями? (фр.)

²² Это у меня семь ворот, да все в огород. (фр.)

²³ Простите—с великодушно. Пардон. Виноват—с. Да. (фр.)

настоящая форменная фуражечка. Уж я толк в военной форме знаю... Словом, не согласен я, как генерал и воспитатель, выпустить своих в такой высший в кавычках свет. Это вам, мой дорогой Михайло Игоревич, не кулек конфет распотрошить. Мои свинки другого полета пташки. Я из них букетиков, цветочков, деликатесов таких, нимфочек готовлю... Фью—у! Ах, что за персики получаются! Поверьте! Да Вы ж сами видели: они почти что благородные лошадки, Пегасики, разве что без крыльев. Поэтов ращу, интеллигенцию в животном мире, черт возьми, а вы мне... — Фритьофф совсем осерчал и погнал без купюр: «Дурдом для идиотов предлагаете при всем при моем к вам уважении и... доброжелательности. А засим не премините...»

Ба! Михейше это нокаут. А он хотел только гипотетически посоветовать, а вовсе не обзывать. Нарвался на несусветнейшую резкость.

— Представляете ли, — распаляется Фритьофф, — он их хворостинкой сечет, а ежелив никто не лицезрит, то может и пнуть ни за что. Верьте мне. Я собственными глазами соизволил видеть. А свинья — тварь благороднейшая. Их, к величайшему сожалению, только за отбивные и за сало любят... ну, может, еще и за щетину и... и сапожки из их кожи крепкие. А они ведь еще умны, неприхотливы и талантливы. Et en français sera bientôt parler²⁴. Ей—ей. Неужто не верите? Послушайте как звучат ихние «хрю—хрю», совсем необыкновенно, не по—нашенски. Вы только прислушайтесь, прислушайтесь. А хотите к графинюшке Марфе Анатолевне сейчас вас отведу?

Михейша не захотел к графинюшке. Рожа у нее просит кирпича. И лягается не свиньей, а кобылой. Какой, интересно, чум—травой ее кормят, чтобы так лягаться?

— Не хотите? Дело ваше.

Фритьофф наклонил голову и даже шевеление шеей прекратил. Вздернулись брови и упал на глаза шмот волос с темени. Это означало величайшую степень гнева и конец разговора с непутевым отроком.

Свиньи Макара Дементьевича одеты в военные кафтаны Петровской эпохи, а дамочки с детишками разнаряжены в короткие и длинные платья с кружевными оборками. У наиглавнейшего хряка — добротные генерал—майорские погоны. В его армии — воспитательно экспериментальном колледже — имеются офицеры, фельдъегеря и ни одного рядового чина. Все имеют громкие и подходящие статьям имена. А тут такое!

Если бы Фритьофф, не дай бог, узнал бы, что на одном из заблудшим в соседний двор в поисках бодрой самки генерал—майоре катался и пришпоривал в детстве Михейша, то дело бы кончилось не так миролюбиво. Михейша — справедливости ради стоит сказать — на тех скачках пострадал шибче скакуна. Генерал—майор, позорно стремясь обратно, на полном галопе прошмыгнул в собачью дыру ограды, а Михейша аж целую секунду пребывал в звании человека—лепешки, целуя замшелую доску. Ах, сколько звезд увидел в заборе! Век не сосчитать. А сколько занозистых комет—планет снял с лица!

²⁴ И по—французски скоро заговорят. (фр.)

А слона-то я приметил!

Возвращаясь к лингвистическим и прочим ремеслам, связанным с написанием букв, следует сказать, что свои главные секреты Михейша хранил надежно.

На небольшом, зато собственном, опыте дешифровки, основанной на статистике повторов букв, слогов, суффиксов и предлогов, а также зная несколько элементарных французских криминалистических изысков, Михейша вывел собственное логическое правило: чем больше текста, тем его способ быстрее срабатывает. Речь не идет о других способах тайной передачи сведений, где в качестве подложки используется книга—ключ. Такой текст, если не знать и не иметь такой книги, однозначно не расшифровывается.

Текст до ста букв простой линейки рискует быть нерасшифрованным никогда.

Тысяча значков—букв с не годящимися для любой тайнописи пропусками в ста процентах расшифровываются. Без пробелов – только лишь удлиняют опознавательское время.

Пару тысяч значков Михейша без всяких мудреных приборов разгадывает за три часа, причем два уходят на подсчет и составление логических таблиц, сорок пять минут на перепись набело с легкими уточнениями. А последняя четверть посвящается на свободное, приятное чтение, уже вальяжно закинув ногу на ногу, и непременно с пустой бабкиной трубкой во рту для полного сходства с мистером Ш.Х.

Возвращаясь к старому деянию, следует сказать нижеследующее. До Михейши тот текст, осевший в подвальном сейфе далекого, старинного, опального зауральского города, не могли, или не особенно старались, дешифровать лет триста.

За прочтение Софьиного письма Михейшей дед Макарей ради справедливости наградил юного палеографа официальным письмом руководства музея, а сей любопытный случай дешифровки письма малолетним учеником (далекой полудеревенской гимназии!) между делом был отмечен в Петербургских новостях.

Сообщение в газете произвело в научно—исторических кругах некоторое копошение, близкое к фурору. И получило бы большее развитие, если бы не мешала общая, весьма напряженная политическая ситуация в стране, когда умные люди уже порой начинали больше особачиваться собственной судьбой: каторжной или смывательской из родины. Наплевать в такой час на карьеру малолетнего гения.

Родной дед Федот – математик не только по профессии, но, более того, по призванию. Он же – любитель кроссвордов и криптограмм – частенько подсовывал внуку хитрые задачи. А как—то, помучившись на спор кряду двое суток, не смог справиться со встречным Михейшиным заданием по дешифровке специально созданной внуковой записи в тысячу знаков. Проиграл на этом Михейше внеочередную поездку в далекий Ёкск. Цель поездки: покупка последнему личного, далеко не игрушечного Ундервуда²⁵ с черными рычагами, бронзовыми окантовками корпуса, с быстрой кареткой, рукояткой и с остро-заточенными ударными буковками.

Свое фиаско дед Федот объяснял грамматическими ошибками Михейши. На что внук, напомнив интеллектуальный бой с дедом Макареем, резонно отвечал ему, что царевна Софья поначалу также была обыкновенной девушкой, не лишенной определенной свободы в скрибентическом письме, и – к тому же – презирующей синтаксис как класс. С возрастом ее грамотность не выросла ни на грамм.

Михейша, заведомо определив в царевне реальную двоечницу, сделал поправку на многочисленные ошибки, свойственные такого рода одухотворенным лицам. В таких делах мешает спешка молодых царственных особ женского пола и амурные запалы с мно-

²⁵ Лучшая печатная машинка тех времен.

гочисленными ляпсусами в самых заурядных словах типа «люблю», «жду», «надеюсь». Потому грамотный и понятливый отрок это затруднение запросто преодолел.

— Деда Макарей, я выиграл спор. Ты рад? Мне полагается премия. А у тебя случайно нет какой—нибудь масенькой и совсем ненужной царской, к примеру, печати?

— Зачем?

— Человечкам. Я летопись пишу. Нужно серьезное заporучительство и штамп к нему.

Через пару месяцев по почте пришла масенькая и никому не нужная (без ручки) почтово—канцелярская печать царя Федора Алексеевича. У деда Макарея такой дешевой исторической дребедени пруд пруди.

Тюмень.

Невзрачный конверт передают ему — тюменскому лично в руки. Темный человек в шляпе, надвинутой, пожалуй, ниже глаз. Виден низ темных очков в простой оправе. Какое тут — цвет глаз: прически не запомнил Макарей, не то, чтобы глаз. Темная галлюцинация, темное видение, темный дух секретного ветра и еще более закрытого ведомства. Несоответствующая важности сделки одежда. Невежливо, как принято при светских разговорах, не снятая шляпа. Неприметное, серое все, как элита всего российского негласного сыска. Человек без голоса, без интонаций. Некоторое предупреждение о крайней конфиденциальности и все. Человек растворился так же незаметно, как и появился — незванный, скользкий, пронизательный — на пороге кабинета. Макарей Иванович и пары слов не успел сказать. Здравствуй, понимаю, отлично, надеюсь, безусловно, до свиданья — всё!

Конвертище.

«Нарочному: Исключительно адресату! Весьма! Категорически! Лично в руки! Без свидетелей получения».

Письмище.

«...Многоуважаемый Макар Иванович, я намеренно не указал в письме действительный адрес моей службы ввиду особой тонкости дела, в которое я вас хочу посвятить, а после спросить по этому поводу у вас совета. Не обессудьте за таинственный тон моего вступления, но таковы реальные и жесткие условия нашей работы. И прошу принять это обращение к вам, как просьбу освятить ту поднятую... вернее, промелькнувшую как—то в С. Петербургской научной печати тему, которая при правильном ее происхождении (говорю весьма серьезно) может весьма и весьма помочь нашему государству.

Мною (и не только мною, а также неуказываемыми здесь более важными персонами) движет чрезвычайный интерес к тому расчудесному молодому человеку, наделенному величайшим чутьем, склонностью к разгадыванию непростых шарад, а также некоторым образом — надеюсь, это из чисто приключенческих побуждений — он любит химию, сочиняет детонирующие вещества, и пользуется этим, к счастью лишь, для распугивая воробьев. Эх, юность! Сам когда—то был таким. Насколько я понимаю, он чрезвычайно молод еще, — который, как я понял, по линии родственности доводится вам двоюродным внуком. Речь идет о мальчишке — существе озорнике Михайле Полиевктове, который, как я понимаю, еще не созрел для взрослых разговоров, но способности его для нашего будущего (имею в виду Россию) очевидно важны. Здоровья ему и всех благ, неотступленья от наук и заклатья от порочных соблазнов жизни!

Он, при нашем участии и стечении прочих обстоятельств: вашего неустанного призора и наставления к истинному пути, сможет сделать величайшее благородное, бого-

удобное, праведное дело, а параллельно и заслуженно прекрасную и честную карьеру для себя. И, соответственно, сможет в случае неминуемого успеха защитить материальную сторону клана: ведь у вас один за всех, и все за одного. Он сможет лучше помогать своим родителям в старости и дражайшим родственникам, которых в вашей нижней ветви полно, как листьев на дубе. Деньги — тут мне не противоречьте — нужны всем: кому — то для семейного счастья, а кому — то ради наживы. Цель наживы для вас лично и всех Полиевковых не актуальна: вы все заняты настоящим, достойным, квалифицированным делом. Настолько полезным, как мы убедились, что местами мы удивлены, насколько вы и ваши родственники из Нью—Джорска честны и не подвержены тяготению к обогащению ради собственно обогащения. Нью—Джорские и тюменские мужи вроде вас готовы сами отдавать деньги на то, что многим нашим меценатам и не снилось даже.

Уж, не из круга ли вы «Христоработников Неявных»?

Не вы ли любите божье Слово, внешне не веря во всю мишуру, что посыпана на реальной Земле, и что продается во все стороны, забывая об истинной сущности Веры?

А не ниспосланы ли ваша ближайшая семья, вы сами и ваши сибирские родственники в далекую и потому неиспорченную еще тайгу со священных небес самим Богом? Шучу, разумеется.

Я отношу это к редкому случаю порядочности и кристальной честности, что сегодня не в моде и, пожалуй, мешает жить и выкручиваться из перипетий жизни.

Кстати, не слышали ли вы о новом Символе спасения мира, о котором я узнал почти совершенно случайно из тщательно законспирированных источников, хотя... стоп на этом.

Одно могу сказать, что и эта тема совершенно интересна для исследователя глобальных величин и смыслов. Особенно это интересно для того, кто копается в, казалось бы, совершенно несмежных и даже внешне несочетаемых областях. Это, кажется, попадает в сферу интересов вашего брата, а частично и вас, как собирателя и толкователя древностей.

Если это так, то искренне желаю ему успеха, а также вынужден предостеречь его от чрезвычайной опасности указанной мною темы.

Подсказываю: конечно, вы слышали о некотором предмете, символе Порока, Искушения и при этом вселенского Добра и Условия, тайны жизни человечества в образе животного со странным и нелепым хоботом...

Кстати в том раскодированном письме упоминается мимоходом об этом. Вспомните слово «Фуй—Шуй». Вы не могли не обратить внимания на это смешное слово, вставленное царевной Софьей невпопад, играючи, ведь, видит Бог, она даже не могла подумать, что письмо ее останется вообще целым и, тем более, будет читаться через триста лет посторонними людьми. Вот же святая простота! Вот же неминуемость Провидения!

Любовь бывает слепа и забывает об осторожности, когда дело касается кипения крови.

И если вы, Макар Иванович, даже не обратили... Нет, нет, нет, вы не могли не отметить этот странный намек. Обратите внимание на скульптурное отображение этого наистраннейшего символа Фуй—Шуя на портале двери в кабинете вашего брата. Это говорит об одном. Или он, или резчик по дереву знаком с указанной, тщательно скрываемой правительствами темой.

Извините, что я раскрываю тайны интерьеров вашего брата, даже не будучи ни разу гостем его.

Однако, слухи, слухи и проверка делают свое злокозненное, а в нашем случае, беспокойное, предупредительно—профилактическое дело.

Словом, кончаю о мистике... Надеюсь, что это всего лишь мистика, и кто—то из врагов всего человечества специально делает эту «подземную», страховодную тайну такой величины, чтобы как можно больше об этом шептались по углам.

Это в надежде, что кто—то болтливый и знающий всего лишь песчинку купится на приманку и принесет главарю на тарелочке ушко, царапинку, отпечаток ключа, или хотя бы подсказку на то, где может храниться остальное или даже оригинал.

Судьба человечества, согласно данным мистических отделов иностранных разведок, чрезвычайно зависит от внутреннего «здоровья» этого самого символа.

Тайный мир ищет символы антиопоры.

Я не особенно верю в это, ибо это далеко от прозаического материализма, в который я сам лично влюблен, и мне по роду конкретной и узкой работы потусторонних сил привлекать не приходится. Достаточно шелухи, грязи, кровавых преступлений и живых, а вовсе не мистических помощников и мстителей в реальном мире. Но, крупным людям эта тема весьма и весьма интересна.

Возможно, вашим братом и резчиком дерева уже интересуются.

Уверен, что если интересуются, то делают это весьма умело и осторожно.

Сделайте, право, намек вашему брату, не ссылаясь на меня, что это вполне серьезно и может обернуться непредсказуемыми последствиями для всей семьи.

Рекомендую срезать указанное украшение и по возможности загнать его в такой далекий утиль, — сжег, мол, и все, — если Федота Ивановича радует такое опасное искусство, так чтобы никому и не пришло в голову копаться на свалках и, тем более, не рвать клещами тело, вызывая откровения.

Напугал? Теперь вы думайте сами.

Извините, что так откровенен, но мне действительно стало не по себе, когда я волей случая коснулся данной темы. Лучшие бы мне не знать. Но мною руководят реалии не совсем честной, а, напротив, бандитской жизни... Я с ней борюсь, борюсь успешно, и потому предупреждаю, где возможно, конечно и стоит того, о грядущей опасности для спокойного бытия нормальных людей.

Профессия у меня такая. А служу я своей профессии аж с прошлого царя. Из чего легко можете вычислить мой возраст и возможность набирания мною за это время соответствующего опыта.

А мы чистим этот мир по нашему разумению, по нашей совести, данной нам Отечеством.

И пусть поможет мировому согласию, если он существует на самом деле, наш всемирный Бог, одинаковый для всех.

На сознание человечества рассчитывать не приходится. Мир сошел с ума. Хотя и во все века он не был никогда умен.

Каждый борется за свой интерес так, словно он пещерный человек, а кругом одни только хищные звери. Но сейчас не об этом.

Кстати, ваши научные изыскания и интересы вашего брата весьма пересекаются именно вокруг этого символа Ф—Ш. А ваш малолетний отпрыск взял и по—ангельски просто, и гениально, по земному точно соединил ваши интересы, даже не зная о силе своего открытия и деталей занятий своих дедов.

Вы заметили это? Как человек со стороны, и как человек, уважающий любого рода открытия, полезные человечеству, сам даю вам бесплатную подсказку, если вы сами, извините, не поняли или не удосужились вникнуть. Такое бывает, что не замечают слона, — про Мосек ни намек, тут совсем не о том, — а в данном случае так оно совершенно буквально

и есть: щупая столб и веревку, слон на ум не приходит. А в нашем случае есть вот что: только ровно поперек пословицы кричу я вам:

– «А я—то слона приметил!»

Объедините ваши силы и вам, возможно, откроется эта мистификация или тайна Правды. Это как вам угодно рассудить.

Мы специально не стали разговаривать с отцом Михаила, хотя, как вы вероятно догадываетесь, мы максимально узнали и про отца его – Игоря Федотовича Полиевктова, и про его прекрасную супругу, и про удивительную жену Федота Ивановича, и про всю эту чрезвычайно интересную и развитую семью. Девочки—то растут какие разумные и живые! Дай им Бог счастья и мира!

Уж извините за наш стиль. Мы наблюдательны иногда впрок. Простите, простите нижайшие.

Наша сеть достаточно развита, так что узнать некоторые подробности незаметно и настолько этически тонко, чтобы не задеть этим «чрезмерным» вниманием указанную семью, нам по—видимому удалось. И так ставилась задача нашим людям: тише воды, ниже травы, никаких заносов, грубостей, дешевых и прямых расспросов. Это чрезвычайно важно. Никто из вас не должен пострадать или высветиться перед обществом в любом, даже в минимально подозрительном, свойстве.

Нас сильно заинтересовал также Федот Иванович – ваш родной брат. Наслышаны про его занятия и про его способности.

Мы вообще удивлены, насколько в почти деревенской глуши встречаются такие замечательные, порядочные и весьма, весьма грамотные, широко образованные и передовые люди. Среди вас инженеры, научные работники, естествоиспытатели, писатели, математики, лингвисты, историки, собиратели книг и коллекционеры практически кунсткамерных редкостей.

Это можно назвать династией науки и просвещения, вами сообща продолженной.

Дерзайте, дерзайте.

Комплимент и вам, Макар Иванович, мы про вас тоже наслышаны. И, уверяю вас, наслышаны только с хорошей стороны.

На таких людях как вы, и как старшие члены семьи Федота Ивановича зиждется лучшая часть России, поверьте.

Извините, но по роду службы мы «пробили» вашего племянника Геродота. И опять тот же результат. Честнейший бизнес. Честнейший человек. Ну, просто тяжело верится, что так бывает!

Но не удивляйтесь дальнейшему развитию нашей с вами скрытой беседы.

Про скрытость это величайшая просьба. Подчеркиваю слово «величайшая». Про это письмо не знают в самом верху (понимаете: в самом – самом). Это, честно сказать, лично моя инициатива, и тайна этого разговора останется между нами двоими, если не повернется по—другому, о чем я и хочу сказать далее.

Независимо от результатов нашей дружеской «болтовни» на перспективу, постарайтесь, пожалуйста, не говорить никому ничего лишнего. Даже отцу мальчика. Недаром это письмо прислано к вам проверенным и серьезным нарочным из нашего круга: мы хотели, чтобы это письмо даже миновало наши параллельные службы...

Вы, пожалуй, в курсе, что в наше время письма выборочно перлюстрируются, и мы... вернее я, не хотел бы, чтобы это письмо (подчеркиваю) особой важности попало бы в любые руки кроме вас.

Прочтете и, просьба такая: больше ради безопасности, нежели для чего—то другого, сожгите его, запомнив только адрес совершенно непосвященного посредника, где я буду забирать ответ.

Писать мне много не надо, напротив – чрезвычайно коротко. Вам нужно ответить единственно: согласны ли вы поддержать наше начинание или нет. И ответьте только единственно: «да» или «нет» без прочих текстов. Если нет, то мы забудем этот разговор навсегда без всяких последствий. Если «да», то дальше мы сами вас найдем, и тогда уж поговорим о деталях в нормальной обстановке.

Мы специально выбрали вас, а не Игоря Федотовича, и даже не Федота Ивановича: именно вы можете стать хорошим посредником для перспективнейшего дела.

Теперь главное и по существу. Больше всего – да вы уже поняли, наверное, куда идет наш корабль, – нас интересует именно молодой человек – пусть даже ему сейчас всего, надо же, всего двенадцать лет! А такие категорически колоссальные успехи!

Такие люди, как он, называются просто молодыми, может начинающими, гениями, людьми «индиго», без всяких преувеличений и натяжек, а при надлежащем осторожном воспитании и грамотной работе в этом направлении с ним – Михаилом, могут получиться весьма впечатляющие результаты.

Во—первых, я хочу сказать, что род нашей деятельности, приближенной к государю и со вкусом безопасности таков, что нам тоже приходится порой ковыряться в химии, но больше тяготеем к тайной переписке. Причем чужой переписке, преимущественно явной и важнейшей враждебной переписке. И, поверьте в очередной раз, это делается исключительно из добрых побуждений, а не для наживы, не для сотрясания основ или запугивания более слабых иностранных сообществ и отдельных бедных, слабых, поддающихся пропаганде и прочим порокам существ.

Наши основные побуждения – каюсь как на духу – это охрана нашего государства, нашего монарха и его семьи, духовной сущности от различного рода посягательств. Тут речь и о суверенности державы, и о здоровье важных членов и чинов, и о благости России во всяких больших и достойных смыслах.

Я не знаю ваших политических убеждений совершенно точно. Точность для нашего дела даже не важна, а важен общий настрой без всяких подтекстов и контекстов.

Тем не менее мы провели соответствующую работу, которая далась нам не без затруднений.

Преимущественно затруднения связаны с моральным порядком, а не от абсолютно прозрачного по существу – и если внимательнейшим образом присмотреться – происстечения жизни.

Согласно паспортно точным докладам, вы, прежде всего, – патриот отчизны, извините за избыточность украшений, и человек, далекий от политики вообще.

Вы занимаетесь историей в том очищенном виде, как она есть. То есть без всяких намеков о политизированности и направленности исторических сведений в сторону нашего времени. Тем более вы занимаетесь артефактами, в том числе расшифровкой законспирированных артефактов с научной, естественноисторической целью, а вовсе не с целью делать из них глубоко идущих политических выводов или флагов, под которыми кружкуют избранные лица, передовики, двигатели настроений и истории в целом.

Вы не состоите ни в одной из партий, не ходите в кружки, не посещаете демонстраций.

Ваш брат в точности такой же. Он занимается математикой, помогает бедным детям, воспаляется географическими и исследованиями и по—научному бредит структурой земной коры, интересуется сотворением мира, связывает некоторые человеческие проявления натуры с космическими влияниями. Но то, что является важным для нас условием, он – честный, чистый человек. А имея заслуженные деньги, никоим образом не клюет на современный варварский и обманный способ зарабатывания: он не составляет ни с кем

мерзкий исторический бизнес и чиновничий альянс, не участвует в терроризме и не финансирует политических движений.

При всем при том Федот Иванович знаком с некоторыми влиятельными людьми и гостями нашей страны, уж которые, поверьте, готовы снимать пенку хоть с котла инквизиции, хоть соскребать съедобный жир с адской сковородки, где жарятся грешники и несчастные, поддавшиеся на посулы и обман. А уж грешников в наше время развелось столько, как никогда не было.

Десятая... какое, тридцатая часть из них настоящие смутьяны, а остальная их паства – человеческие жертвы... да—да, настоящие послушные жертвы, которые как стадо неумных овец илпеают, куда их гонят ласковой с виду хворостинкой, радостно блеют на подходе к обещанному раю, обильному пастбищу. А на самом деле там обман, шкуродерня и немеряные аппетиты сдатчиков, мясников и покупателей.

Я уже говорил, что мнение о вышеперечисленных лицах у нас самое положительное.

Нас интересуют редчайшие способности упомянутого неоднократно молодого человека.

Слава Богу, что они проявились в раннем возрасте, благодаря чему стали известными.

Благодарим и вас, Макар Иванович, потому как с вашей подачи был опубликован сей знаменательный факт. Вы – человек, не заикленный на собственной славе. Плохой человек мог втихаря присвоить открытие себе и на том обогатиться хотя бы славой научно—исторической победы.

И, конечно, ему, Мише, надо сначала подрасти, чтобы говорить с нами на равных. Мы хотим предложить ему достаточно сложную работу, начиная с учебы, с которой, учитывая его способности еще в малолетстве, он не только должен справиться, а станет еще и знаменитым. Но не сразу, конечно, а через много—много лет, когда эту тему можно будет обнаружить. Ну, вы меня, должно быть, понимаете.

Я стараюсь быть максимально кратким в изложении темы, но как уж получается.

Кстати сказать, ради справедливости общих оценок, я поручил лучшим нашим сыщикам и дешифровщикам ту же самую задачу, с которой великолепно справился ваш внук, и что вы думаете? А то, что никто не смог дешифровать этот текст! Вот такой поразительный номер! И такой талантливый юноша. Здоровья ему и продвижения!

Я также рад за всех вас.

Я думаю, Макар Иванович, что вы все прекрасно поняли, и мне остается от вас только одно: получить «да» или «нет». Будете вы составлять внуку респект или нет. От вас зависит многое. Причем, уверяю вас, кроме предлагаемой ценнейшей работы на пользу государству, у молодого человека будет возможность заниматься той работой, которая ему по вкусу. На мелочи мы его отвлекать, ей богу, не будем.

Рад буду увидаться с вами лично. При вашем искреннем желании, конечно. Хотя не исключаю возможности просто—напросто с вами посидеть без всяких таинственных дел за «рюмашкой» хорошего винца. А как вы относитесь к более горячительным напиткам? Думаю, что ввиду вашей чистокровной русскости, изредка употребляете, извините за такую антисекретную лапидарность и нелепость слов в нашем, надеюсь, серьезном деле.

С уважением и надеждой:

Евгений Фр. Запазухин – Володудевский.

P/S: Возможно мое редкое и смешное имя (или созвучное прозвище в определенной среде) вы уже слышали, хотя его, особенно в миру, не таскают лишь по той простой причине, о которой вы теперь—то уж точно знаете лишка, мой друг.

Можете называть меня упрощенно Евфором или Явором: моя ненаглядная зовет меня и так и этак. Ей виднее, она женщина в возрасте и ей простительно все. Да и мы с вами, чувствую, практические шутники и ровесники. И, кроме того, – как много повторяюсь сегодня! – я о вас знаю только хорошее и почту за искреннее удовольствие подружиться с вами.

Надеюсь, и я честен аналогично, поскольку даже в той «ненашенской» оборотной, воровской, бандитской среде меня уважают и ни разу пока не пытались подстрелить. К черту, к черту это последнее!»

Пони, агитаторы, золотая улитка

Забудем про это письмо, как кот порой забывает распотрошенную туалетную бумажку. Мчим назад, в год 1899, когда юный гений едва только перевалил за трехлетнюю отметку.

Отец Михейши – Игорь Федотович Полиевктов – инженер котельных любого известного человечеству рода.

Изоощренный технарь по специализации и ленивец по бытовой жизни успешно тренирует сына в планиметрических задачах и физических казусах.

Но проваливает все экзамены перед Михейшей в словесных жанрах детских загадок.

Лупоглазый – только с виду – Михейша штампует их, как на поточном заводе.

Некоторые ранние опусы последнего дошли первоначально до школы, потом распространились по Джорке. Неостанавливаемые цензурой они в мгновение ока растеклись по Ёкским дворам и медленно, но верно, поперли на запад.

Через десятки лет уже взрослый Михайло Игоревич Полиевктов – известный дешифратор, бумагомаратель и консультант всяких излишне путанных сыскных дел, шарахаясь по улицам, колодцевого вида дворам, блуждая по бесчисленным набережным, заходя в рестораны, магазины, толкаясь на вещевых, рыбных, капустных толчках, вытягивая голову на шумных блошинках и выстаивая в вестибюлях театров аристократски билетные очереди, вдруг узнавал в питерских шутках—прибаутках—загадках свои сочинения детских лет.

Ленке – а это самая старшая в линии детей – для закладок в книгах разрешили пользоваться сухими хвойными породами. Но, ввиду их объемности даже после сплющивания в гербариях, Ленка этой сомнительной льготой не пользуется.

Она таскает в девичью камору только настоящую литературу и, причем, безвозвратно.

В Ленкином закутке постоянно прибавляются книжные секции и добавляются полки на стенах, заставленные разнообразиями любви и вариантами дамских нарядов.

Было исключение из общего правила библиотечной доступности: особо пользующиеся спросом фолианты как то – энциклопедии, книжки по живописи, мастерству зодчества, по истории и географии каждый вечер следовало возвращать на место. Ибо именно отсутствующий на своем месте экземпляр, согласно закону подлости, требовался очередному злокапризному читателю. В таких, пользующихся особой популярностью книгах, и сухая правда, и чистое искусство, затерты до дыр.

Какие еще существовали библиотечные законы?

Листки взрослых читателей предполагалось испещрять частными надписями, которые не полагалось разбирать другим. И, надо отметить, это условие соблюдалось с тщательностью, разве что, кроме особых исключений, которые Михейша, ни секунды не колеблясь, присвоил только себе.

Каждому названию газеты определялся собственный выдвижной ящик.

Каждая книжка стояла ровно в полагающейся ячейке.

Имелся каталог, упорядочивающий в правильную статику каждое случайное перемещение.

Надо сказать, что в родовом гнезде Полиевктовых аж три библиотеки разного статуса. Слишком застарелым газетам, вышедшим из употребления, и в особенности исчерпавшим потенциал учебникам, уготавливается негромкая сеновальная судьба. Книгам посвежее, однако не помещающимся в Кабинете, – дорога на холодный чердак Большого Дома. Чердак примыкал к Михейшино—сестрициной мансарде и облегчал к нему доступ через котеночьего размера люк.

Вернемся к дальнему сеновалу. Верх его делится на две части. Первая часть – архив. Это простые полки, притулившиеся на стойках – кирпичках зеленовато—оранжевой глины.

– Э—э, ведаем, – скажет презрительно какой—нибудь самородный геолог типа Мойши Себайлы, что живет верстах в пятидесяти отсюда. – Золота тут ни на грамм.

Или нахмуривший брови над разобранном наганом Коноплев Аким – а это сущий черт с дипломом – не отвлекаясь от военного дела, произнесет:

– Это всенепременно тощий каолин. Алюминий—сырец, другими словами. И с небольшой, совсем негодной для промышленности примесью меди.

Все не так просто, хотя тут они намеренно ошибаются в свою пользу. Потому как из всего желтого достойным цепкого внимания хищных глаз их является только чистый аурум промышленных слитков и самородных жил.

Но, забудем на время торопливых на решения копателей.

...Те полки, что повыше, подвешены к стропилам вдоль скатов кровли. Между поперечными стягами и коньком – склад разнообразнейшего хлама.

Самое сеновал используется по прямому назначению.

От теплых весенних дождей до намеков на снег, для старших детей Полиевктовых и их двоюродных родственников сеновал всегда был запашистой сезонной читальней. А в плане доступности, романтики и фантастически кувыральных качеств в разгар лета он конкурировал с самим Кабинетом.

Под сеновалом тоже две секции: под читальней живут беспокойные куры с огненно—рыжим председателем, одна гусиная и одна утиная семья с выводками, далее – скучающая от незамужества корова Пятнуха, запертая в отдельном номере.

Главный и самый любимый персонаж полиевктовского зоопарка – это безропотная и ручная, кучерявая и светлорыжая овечка Мица Боня, с удовольствием исполняющая роль чопорной клиентши женской цирюльни, – она же манекен для примерки шляп и панамок человеческого гардероба.

Изредка по веснам в загородках появлялись хрюшки—недолгожительницы, которые под Рождество, едва слышно повизгивая, исчезали. Потом появлялись снова, чаще всего под бой курантов самого главного праздника, разноряженные зеленью и прекрасные в своей поджаристости.

Под библиотечным сектором—архивом третьего класса теснились то телега, то сани, в зависимости от времени года, а позже, – во время механизации царской империи, – здесь прописался едва ли не самый первый в городке автомобиль вполне серьезного уровня, но со смешным и абсолютно невысокомерным названием «Пони».

Имя машине—лошадке присвоили, наскоро посоветовавшись, съехавшиеся на лето в семидесятипятiletний юбилей хозяина, родные, двоюродные и троюродные внуки и внучки деда Федота Ивановича и его супруги Авдотьи Никифоровны. Среди гостей в тот

день были тюменские родственники во главе с отметившимся уже на нью—джорских страницах Макареем Ивановичем.

Храня исторические реликвии, переписывая и пересчитывая содержимое невыставленного перед публикой огромного подвального фонда, дед Макарей сам считался Главным Раритетом тюменского музея древностей, – по крайней мере, он так обычно себя рекомендовал.

Были еще родственники из Ёкса. Последние – побогаче. Глава этой семьи – Геродот Федотович – родной дядя Михейши, понимая в электрической физике, производил взрывоопасные опыты, милые его мироощущению, искал и шерстил кругом, находя новые виды энергии, а мимоходом – кормя семью – заведовал небольшой торгово—производственной мануфактурой.

Может, у любимого автомобиля было и другое – заводское имя, но на бампере красовалась именно маленькая лошадка – сверкающая никелелем и в позе взбешенного Буцефала, а не другой какой зверь.

Поэтому имя «Пони» прилипло сразу и навсегда.

К Пони, согласно инструкции, прилагался инструмент вытягивания машин из русско—немецких грязей. Название ему – полиспаг. Принцип действия его Михейша при всем своем трех— четырехлетнем старании понять не мог.

Когда Михейше стукнуло указанное количество годков, авторыдван вдруг поломался в ходовой части.

Шахтовые и котельные механики отказали в починке, сославшись на неизвестность внутренних круговых и поступательных движений, а также на малоизвестную разновидность червячной передачи.

Михейше только и оставалось, что без эффекта крутить баранку, доставать, сползая по сиденью, педали, и нажимать без надобности рожок. Машина все равно не двигалась с места.

Дед Федот морщился от досады, пару недель буравил затылок и без пользы дела – то открывая, то закрывая капот – орудовал отверткой. Засовывался с головой под крышку с сыновьями: старшим Игорем и часто гостящим тут «младшеньким» Геродотом. По очереди и вместе вращали тугую заводильную рукоятку. Сыновья чертыхались самыми главными подземными козырями. Плюясь и плеща лобным потом во все стороны, упоминали неизвестных Михейше лиц и – судя по выражению лиц и багровым щекам – не самых добрых на планете. Серьезных правил, воспитанный в традициях, культурный дед в сердцах пинал колеса.

– Бум, бум!

Безрезультатно!

Михейша страдал случившемуся недугу наравне со старшими.

Пони, по мнению взрослых, серьезно болела не только ногами, а, судя по кашлю и рыданиям, чем—то другим, гораздо более серьезным и страшным.

– Наша Пони не умрет?

– Не знаем, не знаем, – говорили туповатые лекари и продолжали издеваться над бедной лошадкой. Каких только инструментов не было применено. Разве что зубовыдиральные клещи не использовались. Нету зубов у металлических лошадей. Вместо зубов и рта у них бампер. Вместо лица капот. Только глаза были почти настоящими. Только отчего—то их было четыре и прикреплены они: одна пара – к обводам колес, и другая – на самом носу – близко друг к другу, как стереомонюкль военного образца.

Все это время соболезнающий скорой смерти Михейша нарезал круги вокруг умирающей, помогал подношениями инструментов, между делом разобрался в нумерации гаечных ключей и, соответственно, получал начальные физико—арифметические познания и мускульное понимание крутящего момента.

Глядя на успехи, сему отроку доверили кнопки, включающие фары; а за дневной бесполезностью того действия, изредка поручали вертеть зажигательный ключик махонькой, но симпатичной и важной красно—оранжевой лампы с непослушными искорками в глубине рифленого стекла.

Умного Михейшу не перехитрить: фары он умел включать без официальных позволений. Но: тсс! Молчим. Это одна из его профессионально—шоферских тайн.

Стоит ли говорить, что Михейша любил Пони как самую лучшую и самую большую заводную игрушку. Деревянный, крашенный под зебру конь—качалка, засунутый в хламилник Михейшиной комнатухи, засыпанный ворохом прочих отвергнутых развлекательных приборов, погибал от ревности.

Порой, под грустное мычанье Мадамы Боньки и жалобное бляенье Мицы, Михейша добивался права ночевать в Пони—салоне на пузатых, тисненных *под крокодила* кожаных сиденьях.

Разговаривал он с железной лошадкой на правах лучшего на планете жокея. Ласково и нравоучительно. А порой тер живомашину щеточкой с мылом, примерно так, как углядел у деда. Начиная с крыши, он гнал воду сначала по бокам, после по капоту с вертунчиком внутри, а затем по багажному крупу.

– Я пошел купать Пони, – высокомерно говорил Михейша матери и бабушке. Надевал огромные шоферские перчатки. Вооружался шваброй в полтора собственного роста. Тащил цинковый кузовок, наполненный мыльной водой.

На колеса воды уже не хватало. За очередной порцией ходить лень. Колеса довольствовались выковыриванием палкой и вручную травинок, листьев, сосновых иголок и глинисто—песочной грязи, набранной в округе. По завершении чистки Михейша забирался с огрызком карандаша, острой палочкой и замасленной оберточной бумагой в гаражную яму. Устремлял взор под брюхо Пони, изучал и перерисовывал, карябал сложные, красивые, как недурственный египетский чертеж, сочленения нижних механизмов и немислимые переплетения труб. Чертыхался на скользкий современный папирус. «Тля изморская (из—за моря), шклизяга, мамирус».

Как—то (давно) – тогда Пони была в девушках – и только чуть—чуть приболела корью (температура, тусклый взгляд, то—сё), дед надел кожаную фуражку и очки, что говорило о его серьезных намерениях одним последним – рассерженным махом – вылечить стальную лошадь и выехать уже на здоровенькой в свет.

Отец вооружился огромным гаечным ключом и средней по величине кувалдой Геракла.

Михейша стоял поодаль, наблюдая за невразумительной суетой. – Неужто будут крушить? – подумывал он с крыльца, добывая соломинкой ушную серу и складывая ее в конфетную золотинку.

Ленка по секрету сказала, что сера горит. А при большом ее наличии и добавлении спичного фосфора можно сделать небольшую зажигательную бомбу. Фосфора по верхам сервантов напаяно было навалом, а с серой пришлось трудиться кряду две недели. Намеченный срок изготовления бомбы уже кончался, а серьезного компонента, даже с учетом Ленкиных ушных копеек, не хватало даже на то, чтобы взорвать собачью калитку в главной

ограде или – хотя бы – расширить щелевой проход между прутьями ив, отделяющими огород от вольной воли.

Папа Михейши забил в землю стальной кол и прицепил к нему полиспасть. Другой конец полиспаста соединился с крюком, что приделан под Пониным бампером.

– С ручника не забудьте снять, – прикрикнул дед довольно безадресно.

Михейша, подобно американскому ковбою, подпрыгнул на месте. Держась за поручень, перелетел шесть ступеней, и, не коснувшись земли, с воздуха ринулся в сторону кабины.

– Чертово отродье! Прошляпил! – прошелся инженер котелен по своей душе. Степенно подойдя ближе, он сместил в сторону скорого Михейшу, терзавшего бронзовый вензель дверцы, да так ловко и споро, будто Михейша был вредной и пустой брюссельско—капустной кадкой на тележке, опрометчиво и наивно вставшей в позу баррикады на пути железно—немецкой армады.

– Извини, брат, – у тебя силенок не хватит.

Михейша не был просяпавшимся сыном черта, поэтому к себе ругательство приспособлять не стал. Он обиделся за диагноз астении. Он заметался перед раскоряченным отцовым сиденьем, обтянутым пестрой клеткой старых студенческих штанов. Новомодный технический карман распростерся во всю ширь низа папиной спины.

Карман давеча пришит мамой Марией по спецзаказу. Предназначен он для ношения слесарных приспособлений.

Попа отца враз стала неродной и злой. Михейша попытался найти щель между карманом, наполненным разнообразнейшей рухлядью, и дверью, чтобы проникнуть к рычагу и доказать несогласие с приписанным ему бессилием.

Михейша изо всех сил потянул отцовы подтяжки на себя. Отпустил. Крестовидная застежка хлопнула в позвоночник. Загундело пружиной.

Тщетно. Монолит, человеческий колосс, Зевс и Горгона в образе клетчатой задницы, находящейся в уровне Михейшиного носа, продолжали терзать заевший рычаг, не обращая ровно никакого внимания на рвущегося в бой помощника.

Попа отца – честно говоря – раньше Михейше нравилась. Отец по Михейшиной естествоиспытательской просьбе мог сделать свою задницу то железной, то резиновой.

Михейшин кулачок, тукнув при переусердии в первом случае, мог принести боль обоим, словно при дружественном обмене деревянными палками. А во второй раз кулак игриво отскакивал, будто от большой каучуковой, разделенной на манер апельсиновых долек, боксерской груши.

Был еще вариант с догонялками.

Соль заключалась в том, что одному надо было хотя бы попасть в заднюю цель, а другому вовремя увернуться. Это был самый справедливый вариант, ибо – стоит ли эквивокать перед понятным раскладом – Михейша большей частью побеждал.

Этот вариант игры для Михейши заканчивался сладостным удовлетворением от осознания своей ловкоты. Папа, естественно, рыдал от обиды, размазывая ее по физиологии обеими руками.

Михейша как мог утешал отца. – Да ладно, папа, я пошутил. Сознайся: – тебе же не было больно?

– Как же не больно, сына? Больно. Если тебя так же торкнуть, то что тогда? А ремнем, давай, попробуем. Я ремнем о—го—го как владею! Тогда я тебя прошу.

Такой расклад Михейшу не устраивал.

– А хочешь, я тебе попу подставляю, а ты так же стукни. Только не ремнем, а кулаком, и не изо всех сил. А я не буду увиливать? Давай?

– Уговор.

Удовлетворенный предложением отец шмякал *по существу разговора*.

Сын, будучи иногда честным мальчиком, не уворачивался, а, напротив, наклонялся и выставлял мишень выше головы.

Позже, скача по овалу, как юная, игривая аренная лошадь и, расставив аэропланом ручонки, кричал:

– А вот и не больно, не больно совсем, а ты хныкал... как малыш!

Остановясь и сверля насмешливые, но добрые отцовские глаза своими:

– Ты притвора, да? Так нечестно!

Мир возвращался на круги своя.

– А знаешь, сын, такую поговорку: если тебя ударят в щеку – подставь другую?

– Не знаю, а зачем так? Разве нельзя дать сдачи?

– По нашей вере нельзя. Это сложно объяснить. Говорят так: зло рождает другое зло... и... словом, получается такая бесконечная лавина, вечная месть, которую не остановишь. А по мне, то я бы тоже ответил. Я бы тоже щеку не подставлял. Тут наша вера хитрит или глубоко ошибается. А еще есть такое у нас: зуб за зуб...

Но тут подошла умная бабушка и, выставляя излишние, произвольно женски рвущиеся из нее познания, укоризненно напомнила сыну, что *зуб* – если что — в переводе с арамейского обозначает достаточно неприличную часть мужского тела, расположенную вовсе не в челюстях. Стратиграфию²⁶ тела с философией кровной мести пришлось прервать.

Отец справился с ручником сам.

Очищая от дворовой пыли, по лицу Михейши проползли две соленые, по—детски прозрачные струйки, обещая при продолжении немилостивого отношении родственников залить их в отместку разлитым потопом.

– Что за дождь, а тучек нету! – испугался папа, глянув в небо, где мерцали увлажненные глаза новоявленного Перуна.

Дед Федот с Перуна перетрусил немеряно, и со страху возмездия позволил Михейше крутануть локотник²⁷ полиспада.

Михейша без краг²⁸ и очков вращать ручку отказался напрочь.

Поверили! Всем известно, что без очков и перчаток ни одно серьезное шоферское дело не творится. Дали все, что было истребовано.

Экипированный по—правильному Михейша крутанул ручку механического прибора. Вевки подобрались, вытянулись в струнку, кол чуть—чуть дрогнул и стал острыми гранями взрезать дерн, норовя выскочить и побить задние стекла авто.

– Погодь—ка.

Игорь Федотович подошел к поленице и снял с верха небольшой сосновый чурбак без коры. Шустро и несообразно приписываемой ему родственниками медлительности, словно нелюбящий детей папа Карло он нанес полену три дерзких, колющих удара топором. В стору полетели отломки.

– Пиноккио с такого полена родился бы калекой, – подумал Михейша, съездившись. По телу его поползли мурашки. Он представил, будто на месте Пиноккио был он сам, и скорым, произвольным движением коснулся своего носа. Нос был на месте и Михейша тотчас успокоился.

²⁶ Часть геологии, изучающая формы и условия залегания горных пород.

²⁷ Локотник – ручка (старорусск.). Здесь имеется в виду рукоять полиспада.

²⁸ Шоферские перчатки.

Из полена получился клин. Отец присоединил его к колу и отоварил штатную единицу с добавкой обухом.

– Бум! – охнул Пиноккио деревянным голосом.

– Бом! – звякнул металлический сосед.

– Крути его! – сказал Папа Карло, подразумевая застывший в обмякнутом виде бездельник полиспада.

– Давайте, давайте! – угрюмо командовал дед Федот. – Хватит время за хвост тягать.

Михейша встрепенулся, напрягся и возобновил кручение рукояткой. На этот раз ему пришлось налечь всем телом.

И, о диво! О, чудо—юдное! Автомобиль сначала медленно тронулся с места, а потом и вовсе спокойно, без излишней спешки, пополз к растерянному мальчику.

– Ура!

Брови, если уместно таким образом назвать молодую светловолосую поросль над Михейшиными веками, от удивления поднялись вверх. Очки соскользнули, не обнаружив на лбу кустистой растительности, и упали на траву двора!

А дальше известно: на дворе трава, на траве дрова, коли дрова, смеси курей двора.

Было еще что—то про колена, поленицу и дырн, но этого Михейша уже не помнит.

Эту веселую забаву—скороговорку внедрила в детский обиход бабушка Авдотья. Тут она пришлась весьма кстати.

Куры, утки, гуси, гуляющие по двору и даже Мица, привязанная к ограде, смеялись навзрыд, каждый на своем языке.

Вразвалку подошел Балбес – отец Хвоста, а потом на общий интерес подлип Шишок Первый.

Один со всех сторон и по всей длине обнюхал повисший в воздухе полиспад и, приняв натянутые веревки за балеринский станок, приподнялся на цыпочках и задрал ногу.

Другой попробовал зубами крепкость троса и, почуяв невкусность, стал возмущенно загребать и жевать невытоптаный копотливыми горе—мастерами клочок скороговорки («траву двора»).

За такое неблагоприятное отношение к серьезному прибору любопытные домашние животных заработали по крепкому тычку березовым перемерком, нагло торчащим из поленицы, будто специальный инструмент для экзекуторских упражнений Федота Ивановича.

– Еще тут вас Макар не пас.

В минуты расстройства в Федоте Ивановиче просыпался волшебный—державинский дар рифмоплетства.

– Кшыть, человечества друзья, будто б жить без вас нельзя!

Михейша, подняв и заложив шоферские глаза с кожаными обрамлениями в полосатые по—моряцки трусы, прицепленные за одну лямку и на единственную матросскую – с выпуклым якорем – пуговицу, принялся разглядывать главное внутреннее устройство полиспаста.

Колеса и колесики там – все перепутаны и обмотаны веревками. Что, зачем? Непонятно даже после дедушкиных объяснений об обыкновенных линейных рычагах, которые в данном случае были заменены колесами и колесиками разных диаметров. Разница в диаметрах, согласно дедовому объяснению, и являла собой круглый прототип линейных рычагов. Вместо точки опоры тут применена ось. Комбинация переходов веревки с одного колеса на другое как раз и составляла чародейный множитель силы.

– Молодец, – скупно прозвучала чья—то похвала, одобренная зрительскими аплодисментами. Кажется, то были мама с бабушкой.

– Вот видишь, какой ты здоровый парень, – смеялся отец.

– Илья Муромец, – не меньше, – уточнил дед, – забодал прутиком Соловья²⁹. – И, не медля ни секунды, принялся колдовать с машиной.

Михейша сражен наповал железо—веревочным фокусником, придавшим его рукам невиданную мощь.

Познание волшебного свойства полиспаста позволило Михейше в ближайшем последствии доставлять физическое и умственное наслаждение не только сверстникам и прочим малолетним друзьям, но также дурачить старших по улице Бернандини и ее проулочным окрестностям.

Со старшекласниками – Ленкиными сопливыми любовниками и прыщеватыми уха-жерами, даже не будучи тогда учеником, Михейша по очереди заключал пари и, не сомневаясь ни грамма в победе, выигрывал.

Ставкой в спорах были шоколадки, обертки от совместно съеденных конфет, нужные в хозяйстве железки, гвоздики и проволоочки. Так составлялась первая Михейшина коллекция редкостей.

Михейша на полиспасте безмерно разбогател и стал знаменитым в радиусе трех верст.

– Ленка, брат—то твой прохиндей и жулик!

– Не спорьте, если не уверены в победе.

– Это у него лимонно—серебряные Торкуновские обертки от сладких по—шоколадному свинячьих трюфелей?

– Эге.

– Это тот самый шкет Михейша, что может одной рукой двигать авто?

– Тот самый. С ним лучше дружить и меняться по честности.

Малолетние враги стали обходить Михейшин дом стороной.

Спасибо деду Федоту.

– Дедушка Федот – это самый своеобразный человек в мире, – не без основания считал Михейша.

– Ума у деда – палата, руки червонного золота и растут откуда надо, а сердитость чисто напускная. Да же, папаня?

– Как отметим сей благородственнейший фактус? – поинтересовался как—то обиженный отец.

Он тоже претендовал на Михейшино уважение.

– Вырасту – поставлю во дворе бронзовый памятник Деда Федота. Величиной будет до самого флюгера, – заявил Михейша, – а то и выше.

Папа сник духом.

Петушок, с горным молотком под левой мышкой и с инженерными круглогубцами в гордо поднятом крыле, сидел на жердочке специально созданной для него *проживальной трубной башенки*. Башенка возвышалась над трубой вершков на тридцать. Увлеченный танцевальными выкрутасами кухонного дыма и веселыми голубиными играми, петушок поскрипывал шарниром и уворачивался от норда не всегда правильно, потому с воздвижением святого памятника великому Федоту ростом выше себя спорить не стал.

Может, так бы и вышло. Может, Михейша Игоревич с помощью папы Игоря Федотовича так бы и сделал, если бы не последующая революция и череда войн, поломавших все радужные семейные планы.

²⁹ Русского человека тут не проведешь, а для иностранца—переводчика говорю: – Есть такой сказочный былинный персонаж. Тега: «отчего пострадал Соловей—Разбойник». (прим. автора)

Полунищие агитаторы стали изредка похаживать по дворам и раздавать желающим социалистическо—пролетарские книжонки. Обложки их были с черным и грустно поникшим двухглавым орлом, насквозь пронзенным красным трезубцем. Названием была лукавая санитарная надпись «Хватит терпеть гниль!» А эпитафии внутри еще четче: «Дайте свежего воздуха!», «Ловля карасей в приватизационных водоемах».

В коноплях—оврагах, а пуще всего на облупленной горняками—добытчиками Едкой Горе, проводили собрания преимущественно бомжи и, естественно, привлеченные лозунгами рыбаки, и среди них – вот же неприглядное какое дело – были молодые и, кажется, приезжие из Европы чрезвычайно умные, начитанные рыбных политик и византийско—браконьерских страстей бабы—лекторши, знатоки ловли рыбы в мутной воде. Лица их замотаны темными шелками.

– Конспирация, – считали знающие браконьеры.

Сквозь обмотки виднелись только черные, телескопически выдвигающиеся очки с огромными линзами.

– Двойная конспирация, – думали совсем умные ловцы и знатоки хищных снастей.

– Инопланетные рыбачки, дуры, голландские тёлки, – мечтали другие, – хотят породниться с нами – обычными землянами.

После тайных сходов оставались вытоптанные будто ведьмами пятаки земли, следы обыкновенных деревенских лаптей и то ли особенных каблуков, то ли свиных копыт, а также затушенные кострища. А в их останках горелые бумаги, плавленное стекло и черные консервные, иностранные, иероглифические (шпионские, по всему) банки со шпротами, с заморской икрой, обглоданные рыбы кости. А также находились битые бутылки с остатками горючих смесей на отколотых донышках, пустые коробки от разобранного по дворам рыбаков—революционеров динамита.

Как—то раз сходчики обнаружили рядом с Писаной Пещерой Троглодита³⁰ обглоданное дикими зверями крыло какой—то твари, похожее на крыло летучей мыши, с одной только разницей в размерах: оно было размахом в две человеческие руки. Рядом с крылом нашли железяку, смахивающую на кончик посоха странника, ибо в набалдашнике было изображение навроде свастики с пиратски скрещенными костями внизу, а также две буквы, близкие к русским «Ф.Ш.» Набалдашник моментом исчез³¹. Весть быстро разнеслась по дворам. А сходчики объявили рыбным агитаторшам бойкот, обозвав их натурально ведьмами и предательшами всамделишной ловли.

Местные ученые любопытчики во главе с дедом Федотом, присовокупляя сумасшедшего на выдумки Фритьоффа, батюшку Алексея, появившегося невесть с какой целью в Джорке Антошки—Антихриста – местного прохиндея, схимника и расхитителя, а также Охоломона Ивановича Чин—Чина – нью—джорского заместителя Главного земского полицеймейстера, как только услышали про странную находку, объединились, нахватили рюкзаков и инструментов дознания, сходили на объявленное «нечистым» пещерное жильё бедняги—троглодита. Вернулись они смурные и подавленные.

Костлявые останки действительно лежали там, но от них несло таким невероятным тысячелетним смрадом, а, от пребывания в местности отдавало таким безотчетным страхом инквизиции, что большее, на что хватило сил и решительности у комиссии, так это забросать находку пустопородными камнями и засыпать горку известняковым щебнем.

Сходки в том месте, а также по всей ближайшей округе, докуда только докатились слухи, прекратились. Отец Алексей с кафедры объявил верующим, что это всего—навсего

³⁰ А оттуда брал начало Кисловский водопад, далее превращающийся в ручей, а через пару—другую верст в речку Вонь, а далее в Оба—на реку. (прим. автора)

³¹ Через много лет он обнаружился на втором этаже Эрмитажа. (шутл. прим. автора)

останки крыла увеличенной от обильной жратвы летучей мыши. Верующие и неверующие, а их в тот момент, привлеченных рекламной темой религиозно—природоведческой лекции, было размером в церковный аншлаг, успокоились.

Однако сам отец Алексей так не думал. Во—первых он слышал звон падающих в церковную копилку монет (лекционный сбор), а во—вторых, если по сути дела, по его личному утаенному мнению, это были мощи Детей Дьявола.

Мнение Федота, поднявшему руку в качестве научного оппонента: это ископаемая летучая полуящерица типа птеродактиля.

Антошка—Антихрист тут же заявил, что это происки полиции, дабы напугать будущих революционеров.

Чин—Чин под неопровержимым напором и доказательным антошкиным градом публично согласился с последним.

Фритьофф утверждал, что это – древняя летучая *пра—свинья*. И обещал продолжить раскопки, чтобы найти следующий, попутный ископаемый предмет, каковые на любых толковых раскопках не должны находиться в единственном числе.

И нашел через несколько дней после лекции и даже копать ему не пришлось. Только не ископаемый предмет, а полуживой с небольшой коркой, облепленной зелеными мухами помёт. Только ему не понравился запах: отдавало дерьмом обыкновенного кабана, смешанным с человеческим. Фритьоффа тут не проведешь политическими доказательствами. Фритьофф засунул фрагмент артефакта в банку и, вернувшись в свои лаборатории, засунул ископаемое говно в холодильник. Ему потребовался теперь более мощный микроскоп, чем имелся. Он одолжил денег у Федота Ивановича и стал ждать okazji, чтобы съездить в Ёкс и купить приличный цивильный прибор.

Притихли революционные рыбаки. Зашебутилилась вслед неверующая рассказами ученых сплоченная, обижаемая жирной верхушкой шахтерская братия. Да и в центре иной раз, нет—нет, да объявлялся очередной «как бы шуточный» погром «на жирных имущественников». Городок маленький и все модные пропагандистские дела с их дурными шутками и потешными лозунгами становились известны всем. Конные люди в шинелях, с шашками и плетью (среди них цирковые учительницы в полицейских погонах) приезжали вовремя и предупреждали богатых и середнячков о вселюдском начале сплочения.

Богатые организовали патриотическую сходку.

— Мы – одно целое, – повторяли там зомбирующим тоном. – Возьмемся, друзья, за руки и напишем американскому президенту, чтобы все имущие вставали в начатый нами круг. Защитим нажитое! Нет социалистам! Да здравствует всемирный доллар!

Замешкались шахтеры и засмутились. Уткнули носы в кирки.

Пожаров и погромов благодаря охранной огласке не случалось. Но в сыском месте и в негласном розыске дел прибавилось. Задержался Охоломон Иванович, затребовал из Питера новых помощников. Письмо его переправилось до университетского города Вильно, где ковали молодых следователей, судебных приставов, дознателей и профессиональных провокаторов³².

Дед Федот почистил охотничье ружье, подшил рвань патронташа и обновил пороховые запасы.

³² Учился там, кстати и молодой Гапон. Его дипломная работа разыскалась в Библиотеке им. Гоголя, что в губернии. пос. Джорские, ныне... тут расплывчато. (прим. М.И.Полиевктова)

Мирный до того папа Игорь тайно от женщин обзавелся браунингом. Потом продырявил бревна спальни и обложил прореху кирпичом. Вставил туда железный ящик с толстенной дверцей. Занавесил Селифановской картиной с изображением обнаженной коровы с пирсингом на вымени.

— Тут у нас теперь будет сейф.

И спрятал ключ в «надежное место». По секрету всему свету: под панцирной сеткой раздельной койки своей жены, что в супружеской спальне.

При появлении в семье Полиевковых автомобиля Пони, дом перестал считаться уважаемым «учительским», каким был до этого, а стал «буржуйским гнездом с заводной *кабри-oley*». От того возрос риск попасть во вредную будущим социализмам дворяно—кулацкую прослойку.

Бедных гостей и попрошайек от внешнего испуга стало чуточку меньше. Но до революции от того никто особенно не пострадал. Горбушку, кусок соли и шмат требухи можно было выпросить в любых других, пусть даже в бедных, но в гостеприимных для любого странника и не столь зажиточных дворах.

— Наш учитель с покупки стал жирным буржуином, — переусердствуя в выражениях, трындели и шептались по углам босоногие завистники, хотя жилистого и могучего деда жирным назвать было никак нельзя.

Катька, по прозвищу «Городовая», воззавидовала Михейше, но любить его от будущего наследственного и дорогущего приобретения не торопилась.

Ее старший друг Васька—Конь, обожающий губить подрезанием ранние маковые головки, познакомился со ссыльным мэном, который много интересных постельных подробностей рассказывал про богатых, а особенно про тех, у кого самодвижущиеся автомобили, очень дурное.

— Они на задних сиденьях зачинают детей.

— Это большой грех, — поддакивал отсталый Николка, — и вспоминал про свои штуки с подружкой Катькой и прекраснейшие развлечения с милой козой—резвушкой попа Алексея.

— Они нам всю землю вынут, а мы будем в кандалах и станем землю эту с места на место перекладывать. А чья земля, как думаешь?

— Царева, чья еще.

— А вот и нет, это нам указы впаривают фальшивые. А по человеческому закону земля для всех людей одинакова.

— В какой же это человеческой статье прописано?

— А вот принесу брошюрку и прочитаешь.

— А кто не умеет читать?

— Тот дурак.

— А если у меня уже есть похожая книжка, только с трезубцем Нептуна?

— То иди в школу.

— А если неохота?

— То все равно дурак и дураком останешься.

— А в рыло не хошь?

— Ты полицейская морда и ихний прихвостень.

— Сам нечист. Чего в Управе вчера стоял? Филерил³³ поди?

³³ Очень любопытная охранная работа. Узаконенно переодетые люди, внедряемые в народ для поиска и выявления

- У филеров спецквартиры, они свои дела не народуют, а я штраф давил.
 - Кто тебе поверит.
 - Копейку дай за книгу, да я дальше пойду агитировать.
 - Там цена не проставлена. Оставляй даром или катись.
 - Не получится по твоему. Полкопейки, и разойдемся миром...
- Сам напросился на морду агитатор.
- Ушел агитатор обиженным на все грубоватое, ни хрена не имущее крестьянство.

Машину федотовскую взялись починить заезжие горных дел мастера. Ловкоточечными, хураво—франкмасонскими³⁴ ударами молотков и кувалд, завистливо в части поощрения и признания немецкой сноровки, они лупили по всем агрегатам подряд.

За полдня свинчен и вновь собран мудреный германский мотор.

Остались лишние болты, тут же присвоенные Михейшей – хозяйственным и скрупулезным старьевщиком в деле коллекционирования валяющихся под ногами – и свиду лишних для мира – артефактов. Но только не для Михейши!

Обрусевшая, теряющая болты и гайки, Пони внутренним резиново—металлическим голосом покряхтывала, выражая неудовольствие.

У нее не хватало слов, чтобы объяснить иезуитскую болезнь совершенно внешнего происхождения, никак не связанную со столетними немецкими гарантиями и с умножающимися с каждого ремонта пустыми отверстиями.

Починил машину все тот же вездесущий герой и испытатель всего неизведанного.

Перебарывая страх преступника и заранее гордясь величием будущего апофеоза, Михейша велел отцу засунуть загнутую крючком проволоку в выхлопную трубу и там как следует повертеть.

Из глубины трубы посыпались черные остатки мексиканского земляного корня. Раздробленной проволокой органики набралась ровно трехлитровая склянка.

Дедушка удивился, виду не подал, но, судя по последствиям, немало разгневался.

Поняв причину засорения, вслед за Иваном Федотычем осерчал и Михейшино Отчество.

Есть в таком виде картошку Михейша категорически отказался.

Наказанием для физического естествоиспытателя стало заключение его на дальний сеновал, и, как следствие любого особо вредного заточения, оставление преступника без обеда и ужина.

Но Михейше, по правде говоря, скучно на сеновале не стало.

Во—первых, там его ждали недочитанные и недосмотренные с минувшего года книжки с заплесневелыми изнутри и пиявочно пахнувшими картинками рыцарей, их невест и замками Синих Бород с оборотнями в виде кошаков и волчар, с Красными Шапочками и ужасными горбунами Квазимодами. Там бегали, копошились безымянные гномы, вредоносные и танцующие в приличных германских дворцах злобные карлики, зубатые, стальные и раскрашенные под Хохлому деревянные Щелкунчики.

Во—вторых, редкое сено прошедшего собирательного сезона обнажило щели в полу. Сквозь них прекрасно было видно нижних, таких же несчастных, как Михейша, заключенных обитателей.

неблагонадежных.

³⁴ Хуравый – ловкий, опытный (старорусск.)

В—третьих, надеясь на совесть воспитанного узника, и в естественной спешке надзиратели не убрали с сеновала хлипкую шаглу³⁵. Пользуясь этим обстоятельством, Михейша незаметно слетал в надворный туалет, который правильней было бы назвать «огородным». И, после его использования (в виде рисования очередной зловредной, желтоватой черты на щербатых досках) изловчился опустить внутренний крючок в петлю.

Отчего туалет – а он в целях экономии места в придомашней яме был предназначен для летнего употребления – стал для невежд Дома временно недосыгаемым.

Дед Федот, вернувшись с папой Игорем с верховой прогулки на ожившей и повеселевшей, радостно тарахтевшей на буераках Пони, первым обнаружил этот редкостный казус.

Он тут же возмутился и от естественной необходимости, придерживаемой в пути, нарушил им же заведенный строгий распорядок применения летнего и зимнего туалетов. Он помчал в сенки первого этажа, впрок сбросив подтяжки и судорожно дергая заевшую застежку брючного ремня.

Успел Федот Иванович секунда в секунду. Чему, с одной стороны был рад, а с другой стороны – отчего же такая несправедливость! – в назидание отроку добавил лично от себя сроку.

Мамке и бабуле велено закрыть плаксивые рты и на Михейшины призывы к доброте и всепрощенческому настрою не поддаваться.

И, все—таки – счел Михейша – коли уж на то пошло, приумноженный срок всяко лучше даже мелкой ременной экзекуции!

В—четвертых, уже ближе к закату, руководимая Николкой—пастухом, уставши надутым травой животом путаной иноходью приплелась с выгула любимая овечка Мица.

Преданная Михейше—Ромео Мица—Джувьетта за сутки соскучилась по нормальному человеческому общению.

Любовная веточка Михейши кончиком доставала до Мицыных ушей, а если Михейша особенно старался, приплюсывая живот к бревнам наката, – то до спины и хвоста. Мица радовалась щекотливым прикосновениям возлюбленного – пусть даже через растительный проводник, а не от теплой, как обычно, ладони, и не от затяжного поцелуя во влажный и трепещущий преданностью нос.

Джувьетта оживленно скакала в загоне. Разворашивая солому и поднимая столбы пыли, она, как цирковая дама, поднималась на дыбы и громозвучно блеяла, готовая отдаться страсти настоящей.

Ее восторг незамедлительно передался крылатым подсеновальным друзьям, которые и оповестили жителей человеческого Дома о достаточности Михейшиного заточения.

Подарочную крысу, лягнутую полунасмесь Фритьоффской свиньей Марфой Игнатьевой, Михейша уложил в железную коробку от инструментов, просверлил в ней дырки для воздуха и припас для следующего дня. Ее следовало лечить парами бензина. Фритьофф утверждал, что от дыхания и умеренного употребления бензина, который является лучшим продуктом цивилизации и, соответственно, лекарством для роста, крысы вымахивают до размеров собаки. А этот процесс требовал определенной конспирации и недюжинной подготовки.

³⁵ Лестница в одно бревно со ступенями—вырубками.

– Бабуля, а я за летним сортиром отыскал золотую улитку, – поделился радостью амнистированный Михейша, войдя в дом чистым и свободным, честно отсидевшим свой срок, готовым к следующим приключениям.

Бабушка повертела живую находку. Панцырь неведомого существа тверд как камень, блёсток как кусок марсианского колчедана.

– Не знаю, внучек, такого зверя. Это как живой кристалл. Первый раз вижу и в книжках сроду такого не видывала. И не кричи так: всех окрестных чертей с соседскими домовыми соберешь. И не сортир у нас, а уличный *безватер*—*клозет*.

Михейша приуныл.

– Ты погоди и не плачь. Завтра дед *отойдет от сегодняшнего*, и тогда спросим. Сейчас и не вздумай подступаться. Или в «*Насекомом энциклопедии*» пошарься... но не сегодня, разумеешь? А в дедовых стеклянных ящиках – насколько я помню – такого чуда нет. Может, он будет находке даже рад.

Михейша вовсе не хотел отдавать находку деду – а вдруг он возьмет, да порежет улитку из познавательного интереса, или проколет булавкой, как делал с красивыми жуками и бабочками.

«Зверя» между делом показали всем присутствующим гостям, в том числе попу Алексию, пришедшему с Бернандини нумер один бис на запах вечернего застолья в расшитой рясе, с кучей нагрудных бряцалок, для которых у обыкновенного, без усердия верующего человека, даже названий не найдется. Показали двоюродным сестрам и братьям, прочим домочадцам, включая отца и маму Марию. Посмотрел Макар Дементьевич Фритьофф, помямлил, попытался приклеить улитке свиное происхождение. Замолк, почуяв недостаток научной аргументации.

Прочий взрослый народ удивился, молодые пришли в восторг.

Забежал Шишок, залез к кому—то на колени, ткнул в *золотоулитку* мокрый нос, чихнул, испустив соплю, и брезгливо отпрыгнул. Улитка пощекотала его крылом и матюгнулась по—кошачьи. Никто этого не заметил. А Шишок не пожаловался.

Толкового в итоге никто и ничего не высказал.

Единственно благоразумный и покамест трезвый отец Алексей высказал мысль о божьей выдумке и тут же хульнул Дарвина вместе с его антибожественным промыслом. Намекнул о месте Дарвинских книжек и выдуманных им впрок животных в инквизиторском костре. Вспомнил *расчудесно безобразный* кабинетный портал и заочно *отжурил* деда. Приготовился раскладывать по лавкам грешных домочадцев, дабы посечь *антиеретиковой* хворостиной, но, глянув на предложенный самоделошный кагор, тут же спустил дело на тормозах.

Михейша нашел спичечный коробок и – от костра подальше – сунул туда не открытую пока апологетами эволюционной теории живую драгоценность.

Ночью улитка легонько потрескивала панцирем, и будто бы даже разговаривала со сладко спавшим Михейшей.

– Михейша, Михейша, ты спишь? Спи, родимый, спи крепче – нашептывала она голосом отца Алексея и Макара Фритьоффа.

– Улитка! Драгоценная моя диковинная Улиточка, высунь рожки, – пропел Михейша с утра, вынув коробочку из—под подушки. И...

Ой—и! Ужасное чудо! Миракль из мираклей! Коробка была закрытой, но золотой улитки и ее почкообразных рожек с волшебными, дополнительными черными глазками—шариками на концах их и след простыл!

Черная полоса расширилась в жизни юного отрока.

Соленое море потекло по ступеням, залило этажи, выплеснуло во двор.

Вот еще один важный факт, без которого, пожалуй, не двинулось бы дальнейшее повествование об упомянутой мимоходом штукатурке – а во всем нужен порядок. Забытый уже читателем гладиолусный кронштейн—вешалка родился из—под резца дедушкиной вертельной машинки с ножным приводом.

Вертушка достойна отдельного описания. У нее четыре скорости, масляная подсветка на кронштейне, который можно было переставлять по усмотрению, смазочные отверстия и специальные пипетки с принципом Паскаля, медные рычажки и живовертящиеся подписанные ручки, зубчатые, сверкающие качественной новизной передачи. Стальной каркас, прутья, ремни – всё забугорной пробы.

Вешалка же припилена к стенке внушительным гвоздем с пирамидальной шляпой. Стены, защищающие оригинальной архитектуры фамильный дом, при строительстве первоначально начали складывать из местного крупноразмерного камня. Хватило этого материала только до низа окон. А далее на каменоломне завалило десяток рабочих, пришли люди с главной конторы, с полиц—управления, и опечатали прибыльное дело. Поэтому камни, набираемые из запасов, сперва измельчали, а полумансарда вообще слепилась из бревен.

Для целостного вида дерево оштукатурено снаружи, а заодно изнутри папиным русско—авосечным способом.

Михейшин папа вечно занят другой работой. Домашние дела он делает наспех. Он – важный инженер шахтовой котельни.

Потому гвозди бьются им с одного удара. Если не считать тех двух—трех, что, согласно закону вредности, завсегда попадают по пальцам и надолго чернят ногти.

– Как так? – удивляется присутствующая при всех важных свершениях маман, – может, еще разок стукнуть?

– Достаточно! – иначе стену насквозь пробью, – утверждает отец, разминая побитые суставы, и подмаргивает Михейше. Мол, знай наших и умей по—семейному наперед хитрить.

Потому вешалка грозит вот—вот оборваться. Грозит она так лет пятнадцать, но отчего—то не падает.

– Папа прав. Зато зимой не околеет. – Михейша поставил жирную точку в многолетнем споре отца и матери вполне справедливо, учитывая будничные способности деда Мороза пролезать без подарков в любую щель.

– Папа, а у тебя ноготь стал синим. Он не отпадет?

– Он еще будет чернеть и желтеть. А как совсем станет похожим на дряблую кору, так отпадет.

Синий ноготь увеличился в размерах и стал величиной в торцевую стену РВВ. У Михейши потемнело в глазах. Тело его обмякло и как тесто из кастрюли поползло на пол.

– Мария, мальчику дурно!

Отец вовремя подхватил впечатлительного сына.

Мать помчала то ли за валерьянкой, то ли за нашатырем.

– Не бойся, друг мой, козленок. На месте этого ногтя вырастет новый, еще краше прежнего.

Михейшу распрямило, и он скользким, бодрым ужом выпростался из рук отца. Подпрыгнул, оказавшись на воле: «Как хвост у ящерицы?»

– Еще лучше и длиннее. Знаешь, почему ветки у деревьев подрезают?

– Нет.

– Чтобы придать дереву жизни. А из среза ползет сразу несколько маленьких побегов и превратятся они в ветки, а на ветках густо поползут...

– Фрукты! Я догадался! – закричал Михейша, но тотчас одумался, – вдруг отец имел в виду райских змей.

– А если два пальца не молотком стукнуть, а только легонько прищемить, то шестой палец не вырастет? – скромно, затаивая страх ответа, спросил Михейша. Он час назад, крутясь с плоскогубцами, загнул в дверце Пони медный ключик и заодно прищемил составную часть кисти. А теперь старательно прятал ее в кармане штанов.

– Что?

– Как?

– Покажи.

– Эх, сынок, видать таким же непутевым вырастешь, – сказала со вздохом мама Мария, наблюдающая сцену с заранее открытым пузырьком в руке.

Она автоматически приблизила к носу нашатырь и взбодрилась на весь остаток злополучного вечера. Затем трижды поцеловала и натерла покрасневшее место будущего шестого пальца левой Михейшиной руки волшебным зельем.

Михейша подрос и в степени непутевости трижды обогнал отца.

Неожиданно для всех он стал левшой.

Место шестого пальца заняло вечное перо.

Вместо крови там течет чернильный ручей.

В голове его поселился великий книжный червь, неустанно пожирающий дедовскую библиотеку и перерабатывающий ее в *гекалитры* беллетристского яда.

Бабуля, велосипеды, самолёты, семья

– Бабуль! – кричит Михейша, выпивши кружку напитка со вкусом лилий и подойдя к пролету лестницы.

– Не слы—ы—шу, вну—у—чек! – надывается бабуля. Она с кочергой и совком в руках трудится в глубинных недрах РВВ. Когда отходит к печи, то исчезает из видимости. Чтобы ее усмотреть сверху, надо прижать глаза к полу и найти в досках щель.

Михейша свешивается вниз через перила галереи и поднимает одну ногу для равновесия. Спускаться по ступеням ему лень.

– Ба—бу—ля, слышишь теперь? Если без этого твоего растительного дела никак нельзя, то можно, хотя бы, по—мень—ше зеленых семян класть?

– Отчего бы и нет, – бубнят внизу, – *токмо*, внучек, это не полезно станет! Слишком *обыкновенно*.

Вот так учительша! *Токмо! Обыкновенно!* Надо же так исковеркать родной русский язык!

Бабуля, едва начавши посещение первой женской группы филиала Оксфордского университета, совершенно неслучайно вышла замуж за Федота Ивановича, прочитавшего с кафедры «*Начало и Конец*» своей весьма романтически сложенной математической рукописи, позже принесшей ему мировую славу и некоторые денюжки.

– На *Середину* дополнительно требовался месяц лекций. И то бы никто ни черта не понял, – объяснял оплошку приглашающей стороны дед.

Одним глазом он как—то сразу усмотрел прелестную русско—золотоволосую девицу в первых рядах чопорных, тайных заморских слушательниц³⁶, а вечером пригласил девушку в парк погулять и для пользы дела поглядеть и сравнить восхождение британской зари с зарею отечественной.

Требовалось, как водится в таких завлекательных эпизодах, найти три отличия.

Майские ветлы и корявые стволы, живописный обломок римской постройки и яркая, приветливая травка как нельзя лучше помогли Федоту ввечеру поприжимать попеременке Авдошу ко всем перечисленным элементам Бедфордского пейзажа, а также сформулировать признание в мгновенной любви ровно в начале *приподымания* дневной звезды над розовеющими стрелами и гримасничающими львиными рожами кованых оград.

Словом, найти три отличия не представилось возможным за нехваткой выделенного на науку природоведения времени. И три разницы в объявленных восходах потому никто в мире до сих пор не ищет и, соответственно, не знает.

Скорый отъезд Полиевктова Федота Ивановича на далекую родину сделал для Авдотьи отказ невозможным.

Авдошенька бросила Бедфорд и заканчивала образование в каменных университетах Москвы и полудеревянного Ёкса под присмотром универсального гения, человека самых серьезных правил и, притом, писаного красавца с обликом благородного датского принца и прической шервудского ежика.

Теперь же, сильно постарев, она знает толк не только в сугубо декоративных английских растениях, но и во всех нужных и питательных для человечества.

³⁶ Женщины в те времена были лишены возможности получить достойное профессиональное обучение. Самые смелые ходили на лекции тайком и сидели на галерках. Борьба за права женщин в этом смысле только лишь начиналась.

Новинки она сначала пробует на себе. Михейша для нее – испытательный кролик номер два.

Маленьких внучек она кормит по проверенным деревенским правилам: парное молоко, черника в молоке, малина, брусника – все в молоке. И непременно деревянной ложкой, сделанной высоко в горах тружениками—джорцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.